

Человек и его миграции

Р. Г. Лэтэм

MAN AND HIS MIGRATIONS

R. G. LATHAM

[The Project Gutenberg eBook of Человек и его миграции.](#)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без

ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или использовать повторно в соответствии с условиями Лицензии Проекта Гутенберга, прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь.

Название: Человек и его миграции

Автор: R. G. Latham

Дата выхода: 6 января 2014 [eBook #44605]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Электронный текст подготовлен Колином Беллом, Мари Бартоло и группой онлайн-распределенной корректуры (<http://www.pgdp.net>) на основе изображений страниц, щедро предоставленных Internet Archive (<https://archive.org>).

*** НАЧАЛО ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ПРОЕКТА ГУТЕНБЕРГ "ЧЕЛОВЕК И ЕГО МИГРАЦИИ" ***

Электронная книга проекта "Гутенберг" "Человек и его миграции", автор Р. Г. (Роберт Гордон) Лэтэм

Примечание: Изображения оригинальных страниц доступны через Internet Archive. [См.
https://archive.org/details/manhismigrations00lathuoft](https://archive.org/details/manhismigrations00lathuoft)

Примечание переводчика

Греческий текст с транслитерацией выделен пунктирным подчеркиванием. Чтобы увидеть транслитерацию, наведите курсор на подчеркнутый греческий текст (например, βιβλος), и транслитерация появится.

ЧЕЛОВЕК И ЕГО МИГРАЦИИ.

Р. Г. ЛЭТЭМ, М. Д., Ф. Р. С,

ЧЛЕН-КОРРЕСПОНДЕНТ ЭТНОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА НЬЮ-ЙОРКА,
ЕТС. ЕТС.

ЛОНДОН:
JOHN VAN VOORST, PATERNOSTER ROW.
MDCCCLI.

НАПЕЧАТАНО РИЧАРДОМ ТЕЙЛОРОМ,
RED LION COURT, FLEET STREET.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

На следующих страницах представлен курс из шести лекций, прочитанных в Механическом институте Ливерпуля в марте текущего года; теперь этот материал представлен публике в несколько более полной и систематической форме, чем это было возможно при первоначальном изложении.

СОДЕРЖАНИЕ.

ГЛАВА I. Стр.

Естественная или физическая история человека - гражданская - их различие - подразделения естественной или физической истории - антропология - этнология - насколько далеко продвинулись древние - Геродот - насколько далеко продвинулись современные - Буффон - Линней - Даубентон - Кампер - Блюменбах - термин "*кавказец*" - Кювье - *филология* как инструмент этнологического исследования-Пигафетта-Гервас-Лейбниц-Реланд-Аделунг-Клапрот-объединение филологии и анатомии-Причард-его палеонтологический характер-влияние геологии Лайелла-"Истории индуктивных наук" Уэвелла 1-36

ГЛАВА II.

Этнология - ее объекты - основные проблемы, связанные с ней - перспективные вопросы - перенос популяций - извлечение из Нокса - корреляция определенных частей тела с определенными внешними воздействиями - части, менее подверженные таким воздействиям - ретроспективные вопросы - единство или неединство нашего вида - мнения - множественность видов - множественность протопластов - доктрина развития - Доккос -

извлечение - древность нашего вида - его географическое происхождение - термин *раса* 37-66

ГЛАВА III.

Методы - наука наблюдения и дедукции, а не эксперимента - классификация на минералогических и зоологических принципах - первая для антропологии, вторая для этнологии - значение языка как теста - случаи его потери - его сохранение - когда он доказывает изначальное родство, когда взаимодействие - грамматические и глоссарные тесты - классификации должны быть *реальными* - распределение человека - размер территории - этнологические контрасты в тесном географическом контакте - прерывистость и изоляция территорий - океанические миграции 67-100

ГЛАВА IV.

Детали распространения - их условный характер - конвергенция от окружности к центру - фуэгийцы; патагонцы, пампа, и индейцы Чако - перуанцы - персонажи Д'Орбиньи - другие индейцы Южной Америки - миссии Гвианы - Венесуэлы - гуарани - карибы - Центральная Америка - мексиканская цивилизация не является изолированным феноменом - североамериканские индейцы - эскимосы - очевидные возражения против их связи с американцами и азиатами - тасманийцы - австралийцы - папуасы - полинезийцы - микронезийцы - малагасийцы - готтентоты - кафры - негры - берберы - абиссинцы - копты - семитская семья - первичные и вторичные миграции 101-157

ГЛАВА V.

Угры Лапландии, Финляндии, Пермии, Урала и Волги - ареал светловолосых семей - туранцы - кельты Ирландии, Шотландии, Уэльса, Галлия - готы - сарматы - греки и латиняне - трудности европейской этнологии - расселение - смешение - идентификация древних семей - исчезновение древних семей - этруски - пеласги - изоляция - баски - албанцы - классификации и гипотезы - термин "индоевропейский" - финская гипотеза 158-183

ГЛАВА VI.

Моносиллабическая область - T' hay - Môn и Khô - Таблицы - B' hot - Китай - Бурмес - Персия - Индия - Тамульская семья - Brahûi - Диоскуры - Грузины - Ирон - Мизеджи - Лесги - Армяне - Малая Азия - Ликийцы - Карийцы - Паропамисаны - Заключение 184-250

ЧЕЛОВЕК И ЕГО МИГРАЦИИ.

ГЛАВА I.

Естественная или физическая история человека - гражданская - их различие - подразделения естественной или физической истории - антропология - этнология - насколько далеко зашли древние - Геродот - насколько далеко зашли современные - Буффон - Линней - Даубентон - Кампер - Блюменбах - термин *Кавказский* - Кювье - *филология* как инструмент этнологического исследования - Пигафетта - Эрвас - Лейбниц - Реланд - Аделунг - Клапрот - союз филологии и анатомии - Причард - ее палеонтологический характер - влияние "Геологии" Лайелла - "Истории индуктивных наук" Уэвелла.

Давайте сравним *Гражданскую* и *Естественную* историю человека.

Влияние отдельных героев, эффект материальных событий, действие идей, действие и реакция различных элементов общества друг на друга относятся к области первой. Империя укрепляется, соревнование завершается, принцип утверждается, и гражданский историк записывает их. Он делает больше. Если он верен своему призванию, он исследует источники действия в отдельных актерах, измеряет калибр их моральных и интеллектуальных сил и выносит хвалебный или обвинительный приговор мотивам, которые определяют их проявление. Это делает его великим учителем нравственности и придает его отделу знаний ценность, которая ставит его на высокий и своеобразный уровень.

Занимаясь действиями и мотивами, он имеет дело почти исключительно с действиями и мотивами отдельных людей; настолько, что даже там, где он регистрирует движения огромных масс людей, он обычно обнаруживает, что есть одна председательствующая воля, которая регулирует и направляет их; и даже когда это не так, когда движение объединенных толп спонтанно, источник действия обычно имеет моральную природу - догму, если это религия, теорию, если это политика.

Подобная история не могла быть написана о грубых животных, но и не могла быть написана для них. Ни одно животное, кроме человека, не составляет ни элементов, ни объектов, ни записей, передающих память о прошлых действиях, даже если они носят самый материальный характер. Поэтому гражданский историк нашего вида, или, если говорить с краткостью, которую позволяет общепринятая терминология, *историк*, живущий и дышащий в особой атмосфере человечества и представляющий человека в широком круге моральных и интеллектуальных действий, - круге, в котором никто, кроме него, не движется, - начинает свое исследование там, где заканчивается изучение низших животных. Все, что является общим для них и человека, принадлежит натуралисту. Пусть каждый посмотрит на араба или еврея со своей точки зрения. Один исследует влияние Библии и Корана, а другой может спросить, насколько сильно смешалась кровь мавра с кровью испанца, или отметить неизменность черт израильтянина в климате столь разных стран, как Польша, Марокко или Индостан. Один будет думать об инстинктах, другой - об идеях.

В какой части света это зародилось? Как оно распространилось по поверхности земли? В какой период мировой истории оно развивалось? Где она процветает лучше всего? Где он совсем перестал процветать? Какие формы оно принимает, если деградирует? Какие условия почвы или климата определяют такое вырождение? Что способствует его улучшению? Может ли он существовать в Новой Земле? В Африке? В одном из регионов или в обоих? Бланшируют ли долгие ночи полюса, углубляют ли его цвет яркие блики экватора и т. д. Вместо того чтобы множить вопросы такого рода, я спрошу, к чему они относятся. Они относятся к каждому существу, которое размножается на земле; к каждому животному на суше или в море; к каждому растению; к каждому организованному существу. Они относятся к обезьяне, лошади, собаке, птице, рыбе, насекомому, фрукту, цветку. Они применимы к ним, а также к человеку. Они и им подобные - Легион по имени - одинаково присущие как владыкам, так и низшим членам творения, составляют *естественную* историю рода *Ното*; я использую язык зоолога для того, чтобы наглядно и ощутимо продемонстрировать истинно зоологический характер этого отдела науки. *Человек как животное* - таков девиз здесь; в то время как *человек как моральное существо* - таков девиз историка.

Не так уж важно, называть ли это *естественной* или *физической* историей. Есть хорошие авторитеты с обеих сторон. Важно лишь увидеть, чем она отличается от *истории историка*.

Гражданская история человека имеет свои подразделения. Естественная история также имеет свои деления.

Первая из них получила свое название от греческих слов "человек" (*anthrôpos*) и "учение" (*logos*) и известна как *антропология*.

Когда первая пара человеческих существ осталась одна на земле, появились материалы для антропологии; и так будет, если наш вид сократится до последнего человека. Антропология существовала бы, если бы в мире не было ни одного жителя, кроме англичан, или ни одного, кроме китайцев; ни одного, кроме краснокожих жителей Америки, или ни одного, кроме чернокожих жителей Африки. Если бы единообразие черт лица, идентичность цвета кожи, равенство роста, соперничество умственных способностей были столь велики, антропология все равно существовала бы. Это связано с тем, что антропология имеет дело с *человеком по сравнению с низшими животными*.

Мы рассмотрим строение конечностей человека, обратим внимание на плоскостопие стопы и гибкость кисти. Первая необходима для прямой позы, вторая - для бесчисленных манипуляций, которых требует человеческая промышленность. Мы сравниваем их с плавниками рыб, крыльями птиц; при этом мы берем самые крайние контрасты, которые только можем найти. Но мы можем взять и более близкие аналогии, *например*, руки высших приматов. Здесь мы находим как сходство, так и различие; как различие, так и сходство. Мы исследуем и то, и другое, и фиксируем результат либо в деталях, либо в каком-то общем выражении. Возможно, мы скажем, что одна сторона дает условия дендроидной жизни, а другая - социальной; обезьяна - обитатель леса, человек - города; один - скалолаз, другой - ходок.

Или сравним черепа человека и шимпанзе, заметив, что гребни и выступы внешней поверхности, которые у первого являются лишь рудиментарными, у второго становятся сильно выраженными гребнями. Затем мы вспоминаем, что в одном случае это каркас для мышц лица, а в другом - для мозга.

Все, что делается таким образом, - это антропология.

Каждый класс организованных существ имеет, *mutatis mutandis*, свой антропологический аспект; так что собака может рассматриваться по отношению к лисе, которая равна ей, обезьяне, которая превосходит ее, или кенгуру, который не дотягивает до нее в своем приближении к определенному стандарту организации; другими словами, поскольку *виды и роды* занимают свои относительные места на лестнице творения, исследование таких отношений сопряжено с существованием классов и групп, на которые оно опирается.

Антропология слишком много занимается подобными вопросами, чтобы быть популярной. Если не подходить к предмету с излишней деликатностью, то для привередливых умов есть что-то отвратительное в холодном созерцании *differentiæ* зоолога.

"Кто показывает Ньютона, как он показывает обезьяну".

И все же, если нет болезненного злорадства по поводу более позорных точек сходства, нет приятного возбуждения, вызванного снижением взгляда на нашу природу, это исследование *не* является неблагородным. Во всяком случае, это часть человеческого знания и шаг в направлении самопознания.

Кроме того, отношения между ними носят лишь степенной характер. Мы не можем быть ни неправильно, ни неприятно похожи на орангутанга или шимпанзе. Мы можем быть даже

ангеломорфами. Тем не менее, мы больше похожи на орангутангов и шимпанзе, чем на кого-либо другого на земле.

Другая отрасль естественной истории человека называется этнологией - от греческого слова, обозначающего *нацию (этнос)*.

Из этого отнюдь не следует, что раз существует *антропология*, то существует и *этнология*. Не существует этнологии там, где есть только одна пара для вида. Не было бы этнологии, если бы весь мир состоял из негров; не было бы этнологии, если бы каждый человек был китайцем; не было бы этнологии, если бы не было ничего, кроме англичан. Абсолютная католичность религии без сект, централизованное единообразие вселенской империи - это типы и параллели антропологии без этнологии. Это потому, что этнология имеет дело с *человеком в отношении его разновидностей*.

Антропология могла бы существовать, если бы существовала только одна единственная разновидность человечества.

Но если бы существовала одна разновидность человечества и не более, то не было бы и этнологии. Это была бы такая же невозможная наука, как государство на острове Робинзона Крузо.

Но пусть будет только один образец с разными, хотя и похожими телесными данными. Пусть будет белых, как и черных, или черных, как и белых. В этом случае начинается этнология; так же как на острове Крузо, когда его слуга Пятница стал его обитателем, возникло государство.

Другие классы организованных существ, хотя, *mutatis mutandis*, они по необходимости имеют свой эквивалент антропологии, могут иметь или не иметь этнологию. У собаки она есть; у шимпанзе ее либо нет, либо она незначительна; различия, эквивалентные тем, которые отделяют керна от борзой или пастушью собаку от пойнера, отсутствуют. Опять же, трактат, показывающий, чем шимпанзе отличается от орангутанга, с одной стороны, и от человека - с другой, был бы длиннее, чем диссертация о степени отличия шимпанзе друг от друга; но диссертация о *разнообразиях собак* была бы объемнее, чем диссертация об их отношениях с лисицей. Это показывает, как пропорции двух исследований могут меняться в зависимости от рассматриваемого вида. В "*Естественной истории человека*" этнологический аспект наиболее разнообразен. Он также является наиболее изученным. У лошади или овцы, у многих домашних птиц, у более широко культивируемых растений изучение *разнообразностей* перевешивает *изучение видов*. С собакой это происходит в беспрецедентной степени. Но что, если бы у собачьего племени был язык? Что, если бы язык различался у каждой разновидности? В таком случае изучение собачьей этнологии было бы вдвойне и втройне сложным, хотя в то же время *данные* для его проведения были бы увеличены и улучшены. Отдаленный - *очень* отдаленный - подход к этому существует. Дикая собака *воет*, а спутник человека только *лает*. Это разница в языке, насколько это возможно. Это написано, чтобы предвосхитить важность изучения языка как инструмента этнологического исследования.

И снова - что, если племя собак владеет некоторыми человеческими искусстваами, и если они меняются в зависимости от разновидности? Если бы они хоронили своих мертвых, и их могилы были бы разнообразны, если бы захоронения одного поколения продолжались годами, десятилетиями или столетиями? Этнология снова усложнилась бы, а *данные* снова увеличились бы. Могилы предыдущего поколения служили бы неписаными записями о привычках, связанных с погребением предыдущего поколения. Это написано, чтобы

предвосхитить важность изучения древностей как инструмента того же рода, что и филология.

С собаками это невозможно. Верно, но они служат иллюстрациями. С человеком же это реальность - реальность, которая делает филологию и археологию важными дополнениями к его естественной истории.

Теперь мы выяснили характер рассматриваемого исследования и увидели, насколько оно отличается от так называемой *истории* - по крайней мере, мы сделали это в достаточной степени для того, чтобы дать определение. Небольшое размышление покажет ее отношение к некоторым отраслям науки, *например*, к физиологии и психическим наукам - отношение, на которое нет времени расширять. Достаточно понять существование такой отдельной содержательной отрасли знаний и исследований.

Каков объем этих знаний? Он пропорционален объему запроса. И каков же результат? Меньше, чем мы готовы ожидать.

"Правильное исследование человечества - это человек".

Это одна из самых популярных цитат на эту тему.

"Homo sum; humani nihil a me alienum puto".

Это еще одна. Как и многие другие апофтегмы такого же рода, они имеют больше валюты, чем влияния, и лучше известны, чем выполняются. Мы знаем зоологию девяти видов из десяти среди низших животных лучше, чем зоологию нашего собственного рода. Так что важность и исследование действительно интересного предмета мало соизмеримы.

Это *новая* наука - настолько новая, что едва ли достигла периода юности. Давайте спросим, что интересовало древних.

Мы не ищем систематической науки в Писании, а этнология, которую мы черпаем из него, состоит исключительно из случайных заметок. Они, хотя и многочисленны, но кратки. Кроме того, они относятся лишь к небольшой части земной поверхности. Однако именно она представляет наибольший интерес - колыбель цивилизации, место, где соприкасаются азиатские, африканские и европейские семьи.

Греция помогает нам больше: и все же Греция мало чем может помочь. Гений Фукидида придал истории столь определенный характер, привел ее в такой исключительный контакт с моральными и политическими, в противоположность физическим, феноменами, и так тщательно сделал ее изучением государственного деятеля, а не зоолога, что то, что можно назвать *натуралистическим* элементом, исключенным в настоящее время, было исключено более 2000 лет назад. Как сильно это отличается от чуть более ранних записей Геродота, форма и дух которых жили и умерли вместе с великим отцом исторического повествования! История Пелопоннесской войны навсегда отбросила этот вид письма, и потеря того, во что мог бы превратиться более ранний прототип, является большой статьей в цене, которую потомкам приходится платить за κτήμα ἐὶς ὅμιλον афинянина. Однако девять книг Геродота составляют самый этнологический труд, написанный не исповедующим и сознательным этнологом. Геродот был бессознательным и инстинктивным, и его этнология носила достаточно всеобъемлющий характер. Он отмечал нравы, внешность, язык; его

скифские, медийские, египетские и другие глоссы имеют такую же ценность в глазах филолога-шкафа нынешнего века, как редчайшие окаменелости древних формаций для геолога или почтенные монеты для нумизмата-археолога. Пусть его имя всегда упоминается с благоговением; ведь пренебрежительное отношение к его свидетельству со стороны некоторых недавних авторов ставит под сомнение лишь ученость кавиллеров.

Я не говорю, что у последующих греческих писателей нет этнологических фактов - возможно, иногда мы находим этнологические теории; я лишь утверждаю, что они ни в коей мере не соответствуют ожиданиям, порожденным именами авторов, и возможностям, предоставляемым природой их предметов. Что-то можно найти у Гиппократов в виде теории влияния внешних условий, что-то у Аристотеля, что-то у Платона - но ничего, однако, в чем бы мы нашли признание изучения человека как животного в качестве отдельной содержательной отрасли исследования. Более того, в работах, где особенно требовалось описание новых популяций и где свидетельства писателя должны были быть самого безупречного рода, мы находим бесконечно меньше, чем следовало бы. Как мало мы узнаем о Персии из "Киропедии" или об Армении из "Анабасиса", но как легко Ксенофонт мог бы рассказать нам многое!

Среди преемников Аристотеля мы не находим ни одного, кто написал бы трактат περὶ βαρβάρων - но как естественна тема и как велики возможности! Велики они из-за торговли на Эвксинском море и института домашнего рабства: одно ведет купца в крайний Танаис, другое наполняет Афины фракийцами, а Малую Азию - африканцами. Преимущества, которыми пренебрегали греки в эпоху Перикла, - это преимущества, которыми пренебрегают бразильские португальцы в настоящее время, и которыми до недавнего времени пренебрегали англичане и жители штатов Америки. И потеря была велика. Как время и прилив, этнология не ждет человека; и, как индеец Америки исчезает перед европейцем, так и некоторые народы древности. Процесс вымирания и слияния столь же стар, как и история, и целые семьи существенно изменились в характере с начала исторического периода. Современное население Болгарии, Валахии и Молдавии появилось недавно. Каким было древнее? Ответ: "Фракийцы и геты". Но какого они были рода? "Германцы", - говорит один писатель; "славонцы", - другой; "вымершая раса", - третий. Таким образом, возникают сомнения и разногласия. Однако мы знаем о них немного и в других отношениях. Мы знаем их политические отношения; немного об их вероисповедании и нравах; названия некоторых племен. Их место в классификации разновидностей нашего вида нам *неизвестно*; и это потому, что, хотя греки и писали *гражданскую*, они пренебрегали *физической* историей человека.

Фракия, Малая Азия и Кавказ - вот те области, для которых древние могли бы легко оставить описания, но не сделали этого; упущение непоправимо.

Возможности римлянина были больше, чем у грека, и они были лучше использованы. Диссертации, отдаленно приближающиеся к характеру физической истории, встречаются даже у чистых исторических писателей Греции, особенно я ссылаюсь на очерк нравов и миграций древних греков в первой, а также на историю греческой колонизации Сицилии в шестой книге Фукидида. Параллели с ними вновь появляются у римских писателей, и в некоторых случаях их доля в остальной части работы значительна. Таковы очерки Саллюста о Северной Африке, Тацита об иудейской истории и, намного превосходящий их, рассказ Цезаря о Галлии и Британии.

Germania^[1] Тацита - это ближайший подход к правильной этнологии, который обеспечила античность. Однако она далека от того, чтобы дать нам факты, которые имеют наибольшее значение, или продемонстрировать *метод* исследования, с помощью которого этнология особенно контрастирует с историей.

Но истинную меру небрежности римлян в этих вопросах следует определять по тому же правилу, что и греков, *то есть* по контрасту между их возможностями и их исследованиями. Северная Италия, Тироль, Далмация, Паннония - все они остались неописанными в отношении древнего населения; однако все они находились в благоприятном положении для описания.

Если еврейские, греческие и римские писатели дают мало, то производные от них литературы дают еще меньше; хотя, конечно, можно выбрать множество важных отрывков из авторов Средних веков, а также из византийских историков. Кроме того, есть еще одно преимущество: Греция и Рим перестали быть единственными странами, о которых стоит писать. Готическая, славянская, мавританская истории теперь появляются на свет. Но все же это только гражданские, *а не естественные истории*. Однако сфера наших наблюдений расширяется, членов человеческой семьи становится все больше, и наши записи увеличиваются. Тем не менее, факты для *натуралиста* происходят лишь случайно.

О восточной литературе я могу высказать только свое *впечатление*, и, насколько это возможно, оно в пользу того, что китайские изложения имеют наибольшую, а индийские - наименьшую этнологическую ценность; действительно, первая нация, по-видимому, соединила извещение о населении, занимавшем ее, с извещением о занимаемой территории, с похвальной и достаточной близостью. Я также полагаю, что несколько языковых различий также тщательно отмечены. Тем не менее, такая этнология, как эта, является скорее отступлением от рассматриваемых работ, чем их предметом.

Теперь мы переходим к временам, более близким к нашим. Для такого очерка, как этот, *наука* начинается с первой попытки *классификации* человеческих разновидностей. Тем временем мы должны помнить, что Америка была открыта и что наши возможности теперь отличаются от возможностей древних не только в степени, но и в роде. Поле деятельности бесконечно расширилось, и мир стал известен как в его крайних, так и в средних частях. Натуралисты до времен Бюффона и Линнея подобны великим людям до Агамемнона. Минутная история литературы, несомненно, выдвинула бы несколько имен для этого периода; действительно, для некоторых отделов исследования есть несколько великих. Тем не менее, она начинается со времен Линнея и Бюффона - Бюффон первый по заслугам. Этот писатель считал, что "*Всеобщая история человека*", а также "*Теория Земли*" являются необходимой частью его великого труда; и в том, что касается первого, он был прав. Именно в этом он преуспел больше всего. Тщательно осознавая ее важность, он ясно видел ее разделение; и после восьми глав о росте человека, его распаде и органах чувств он посвящает девятую, такую же длинную, как и все остальные, вместе взятые, рассмотрению *разновидностей человеческого вида*. "Все, - пишет он, - что мы до сих пор излагали, относится к человеку как индивидууму. История вида требует отдельной детализации, основные факты которой можно почерпнуть только из разновидностей, встречающихся у жителей разных регионов. Из этих разновидностей первой и наиболее примечательной является цвет, второй - форма и размер, третьей - нрав. Каждый из этих объектов, если рассматривать его во всей полноте, мог бы дать материалы для целого тома^[2]." Ни одному человеку не нужно проводить более четкую границу между антропологией и этнологией, чем эта. В его трактате нет никаких признаков систематической классификации, которой так активно способствовала филология; с другой стороны, его оценка влияния различий в физических условиях хорошо обоснована по

существо и определенно выражена. Этому он приписывает контраст между негром, американцем и африканцем, и, как естественный результат, он безоговорочно привержен доктрине единства вида.

Линней меньше интересовался видом, к которому он принадлежал; в первом издании "*Системы природы*" об этом говорится так: "Quadrupedalia.

Quadrupedalia.

Corpus hirsutum, pedes quatuor, feminæ viviparæ, lactiferæ.

Anthropomorpha.

Dentes primores iv. utrinque vel nulli.

Homo	Nosce te ipsum	H.	Europæus albescens . Americanus rubescens. Asiaticus fuscus. Africanus niger.
	Anteriores.	Posteriores	
Simia	<i>Digiti</i> 5.	<i>Digitum</i> 5.	Simia, cauda carens. Papio. Satyrus.
	Posteriores anterioribus similes.		Cercopithecus. Циноцефал.
Bradypus	<i>Digiti</i> 3. vel 2.	<i>Digitum</i> 3.	<i>Ai-ignavus</i> . Tardigradus .

Теперь и Бюффон, и Линней ограничивают свое рассмотрение телесного строения человека феноменами цвета, кожи и волос; другими словами, так называемыми *мягкими частями тела*.

От греческого слова *osteon* = - *кость* - происходит анатомический термин "*остеология*" = - *изучение костного скелета*.

Начнем с исследований современника и помощника Бюффона. Вначале Дюбентон обратил внимание на *основание черепа* и, среди его частей, особенно на *овальный канал* (*foramen ovale*). Через *овальное отверстие* спинной мозг продолжается в головной, или, меняя выражение, мозг продлевается в спинной; в то время как через его прикрепления череп соединяется с позвоночным столбом. Чем больше эта точка соединения - шарнир, на

котором поворачивается голова, - находится в *центре* основания черепа, тем больше соблюдаются условия прямой позы человека; наоборот, если *форамены* лежат назад, как это происходит у обезьяны по сравнению с негром, а в некоторых случаях и у негра по сравнению с европейцем. Я говорю "*в некоторых случаях*", потому что заднее положение *foramen ovale* у негра ни в коем случае не является ни определенным, ни постоянным. Замечание о вариациях положения *овального отверстия* - один из первых образцов этнологической критики, примененной к *твердым частям* человеческого тела, - связано с именем Дюбентона.

Изучение черепа - поскольку скелет сейчас разделяет внимание исследователей с кожей и волосами - в *профиль* связано с именем Кампера. Это приводит нас к его хорошо известному *углу наклона лица*. Он означает степень, на которую *отступает* лоб; в одних случаях он наклоняется назад от корня носа, а в других - поднимается перпендикулярно над лицом.

Итак, остеология Дабентона и Кампера - это остеология, которую обнаружил Блюменбах, когда занялся этой темой. Это было что-то, но не очень много.

В 1790 году Блюменбах опубликовал анатомическое описание десяти черепов - свое первое десятилетие, составленное с целью показать, как некоторые разновидности человечества отличаются друг от друга по строению такого важного органа, как череп разумного существа - существа, которое таким образом выделяется и характеризуется.

Он продолжал свои исследования, публикуя через определенные промежутки времени подобные десятилетия, в количестве шести штук. В 1820 году он добавил к последней пентаду, так что весь список составил шестьдесят пять.

Именно в третьей декаде, опубликованной в 1795 году, появился злополучный череп женщины-грузинки. Его историю следует . Его владелица была захвачена русскими и, будучи доставлена в Москву, скоропостижно скончалась. Тело было осмотрено профессором Хильтенбрандтом, а череп подарен де Ашу из Санкт-Петербурга. Затем он попал в коллекцию Блюменбаха, жемчужиной которой он, по-видимому, и был - "*universus hujus cranii habitus tam elegans et venustus, ut et tantum non semper vel indoctorum, si qui collectionem meam contemplantur, oculos eximia sua proportionis formositate feriat*". За этой похвалой следует описание. Но и это еще не все. В распоряжении анатома был гипсовый слепок с одного из самых красивых бюстов музея Таунли. Он сравнил их; "и они так близко сходились, что можно было поклясться, что один принадлежал другому" - "*adeo istud huic respondere vides, ut illud hujus prototypo quondam inhæsisse pejerares*". Наконец, он завершает статью Шардена, восторженно восхваляя красоту женщин Грузии, и добавляет, что его череп подтверждает этот панегирик: "*Respondet ceteroquin formosum istud cranium, quod sane pro canone ideali habere licet, iis quæ de summa Georgianæ gentis pulcritudine vel in vulgus nota sunt*".

В конце рассматриваемого десятилетия он использовал эпитеты "монгольский", "эфиопский" и "кавказский" (*Caucasia varietas*).

В следующем (1808 г.) он говорит о чрезмерной красоте - идеале - нормальном характере грузинского черепа; и говорит о том, что его остеологические исследования установили четверичное деление человеческого рода, назвав их: 1. *кавказский*; 2. *монгольский*; 3. *эфиопский*; 4. *американский*; и 5. *Малайцы*.

Таково происхождение термина "*кавказец*"; термина, который принес много вреда в этнологии; термина, которому сам Блюменбах придавал неоправданное значение, а его последователи - совершенно ложное. Это станет ясно уже через несколько страниц. Кавказский класс Блюменбаха содержал.

- 1. Большинство европейцев.
- 2. Грузины, черкесы и другие кавказские семьи.
- 3. Евреи, арабы и сирийцы.

В том же году, что и четвертое десятилетие Блюменбаха, Джон Хантер засвидетельствовал ценность изучения человека для человека, написав диссертацию с цитатой из Акенсида на титульном листе.

"----- Просторный Запад
И все кишашие регионы Юга,
Не найти ни одной добычи для любопытного полета
Знаний, хоть вполовину столь заманчивых или столь прекрасных,
как человек к человеку".

Его трактат был инаугурационной диссертацией, и я упоминаю о нем лишь потому, что он был написан Хантером и посвящен Робертсону.

Кювье в своем "*Роде животных*" подробно излагает антропологические характеристики человека и относит его к единственному виду рода *Homo*, единственному роду порядка *Vimana* = *двуруких*; обезьяны - *Quadrumana* = *четырёхрукие*. Это было великое практическое признание человека в его зоологических отношениях.

Что касается этнологии, то классификация Блюменбаха была изменена, причем за счет увеличения ее общности. Абсолютные первичные деления были сокращены до трех: малайцы и американцы были без колебаний подчинены монголам. Между тем, дополнительное внимание было уделено группе, в которую входили австралийцы Австралии и папуасы Новой Гвинеи. Однако вместо того, чтобы определить ее местонахождение, ее оставили для дальнейшего изучения.

Злоупотребление термином "*кавказец*" поощрялось. Блюменбах просто имел в виду, что его любимый экземпляр демонстрировал лучшие стороны в наибольшей степени. Кювье говорит о традициях, которые приписывают происхождение человечества так называемым горным хребтам - традициях, не имеющих общего распространения и не представляющих особой этнологической ценности.

Настало время для ретроспективного взгляда на этот предмет в некоторых других его отраслях. Цвет, волосы, кожа, кости, рост - все - это точки *физического* строения или структуры; материальные и анатомические; точки, которые исследуют штангенциркулем или скальпелем. Но цвет, волосы, кожа, кости и рост - это не единственные характеристики человека; и не единственные моменты, по которым представители его вида отличаются друг от друга. *Существует функция*, а также орган; части нашего тела должны рассматриваться с точки зрения того, что они *делают*, а также с точки зрения того, чем они *являются*. В связи с этим возникают вопросы о феноменах роста и распада, средней продолжительности жизни, репродукции и других смежных функциях. Эта физиологическая, а не чисто

анатомическая часть предмета требует краткого упоминания. *Априори* мы склонны утверждать, что в практике исследований она будет тесно связана с тем, с чем она так тесно связана как отрасль науки. Однако это было не совсем так. Анатомы были также и физиологами; и когда Блюменбах описывал череп, он, конечно, думал о силе или недостатке силы мозга, который в нем содержится. Но спекулянты физиологией не были также анатомами. Однако такие спекулянты все же были. Историк стремится к философии. Есть факты, которые он хотел бы объяснить, другие, на которых он хотел бы построить систему. Жаркий климат способствует быстрому половым функциям. Они также ускоряют угасание привлекательности молодости. Поэтому женщина, ставшая матерью в двенадцать лет, утрачивает свою красоту в двадцать. Отсюда следует, что психическая сила и личные влечения неизбежно становятся разобщенными. Отсюда тенденция мужчин брать жен подряд; тем самым доказывается, что полигамия возникла по закону природы.

Я не спрашиваю, правда это или ложь. Я просто напоминаю читателю, что в тот момент, когда появляются подобные замечания, *естественная* история человека становится признанным ингредиентом *гражданской*.

Главными ранними писателями, которые расширили реальные и предполагаемые факты *естественной истории человека*, не будучи при этом признанными этнологами, были Монтескье и Гердер. Рекламируя предмет, они способствовали его популяризации. Сомнительно, что они сделали больше.

Мы все еще находимся в пределах *физических* феноменов, а чисто интеллектуальные, психические или моральные характеристики человека еще предстоит рассмотреть. Какие разделения были основаны на различии между искусствами негра и парижанина? На чем основывался контраст между деспотиями Азии и конституциями Европы? Что между каннибализмом Новой Зеландии и сравнительно грамминированной диетой индуса? Не было недостатка в натуралистах, которые даже в *естественной истории* настаивали на высокой ценности таких характеров, нематериальных и сверхчувственных, какими они были. Собака и лиса, заяц и кролик были похожи по форме, но отличались по повадкам и нраву - и все же последний факт должен был быть признан. Более того, он помогал подтвердить конкретные различия, которые простое различие форм могло оставить сомнительными.

Все, что можно сказать по этому поводу, - это то, что ни одна отрасль предмета не была изучена раньше, чем та, которая касалась нравов и обычаев чужих народов; и ни одна отрасль не была и не является наполовину такой дефектной, как та, которая учит нас их ценности как характеристик. У десяти писателей, знакомых с одними и теми же фактами, найдется десять разных способов оценить их: - "Manseruntodie".

"Manserunt hodieque manent vestigia ruris".

В 1851 году это самая слабая часть науки.

За одним исключением, однако - неопределенным и недооцененным, как может быть этнологическая ценность таких различий, как те, которые существуют между суевериями, моральными чувствами, естественными привязанностями или промышленными привычками различных семей, есть один великий интеллектуальный феномен, который в определенности не поддается никакой характеристике - я имею в виду язык. Что бы ни говорили против некоторых чрезмерных заявлений о постоянстве, несомненным фактом является то, что идентичность языка является *primâ facie* доказательством идентичности происхождения.

Ни один разумный человек не отрицает этого. Это не *окончательное*, но *primâ facie* несомненное доказательство. То же самое можно сказать о цвете кожи, волос и скелета. Возможно, не так много.

Опять же, язык, не будучи идентичным, может быть похожим; точно так же, как люди, не будучи братьями или сестрами, могут быть первыми или вторыми кузенами. Сходство, таким образом, является *primâ facie* доказательством родства.

Наконец, это сходство может быть взвешено, измерено и выражено численно; это важный пункт в его ценности. Из 100 слов в двух родственных языках может совпасть процентное соотношение в любом количестве от 1 до 99. Таким образом, язык - это *определенный* тест, если не что иное. У него есть еще одна рекомендация, или, возможно, я должен сказать, удобство. Его можно изучать в шкафу: так что на одного путешественника, описывающего то, что он видит в какой-то далекой стране, может приходиться двадцать ученых, работающих в библиотеках Европы. С остеологом дело обстоит лишь отчасти.

Филологическая этнология зародилась задолго до того, как этнология или даже антропология, которая возникла раньше, обрела сознательное отдельное существование или название. Она возникла еще до физических исследований Бюффона.

"В языке больше, чем в любом из его произведений" - к этому присоединяются многие, кто ни в коем случае не недооценивает великие произведения литературы: в самом деле, это всего лишь утверждение, что греческий язык - более замечательный факт, чем гомеровские поэмы или эсхилинская драма. Однако это лишь выражение восхищения созданием такого чудесного инструмента, как человеческая речь.

"Когда история молчит, язык свидетельствует" - это явное признание его ценности как инструмента исследования.

Я не могу присоединиться ни к одному из этих высказываний, хотя твердо придерживаюсь обоих. Они должны подготовить нас к новому термину - *филологическая школа этнологии*, *филологический принцип классификации*, *филологический тест*. Худшее, что можно сказать об этой школе, - это то, что она была изолирована. Филологи начали работу независимо от анатомов, а анатомы - независимо от филологов. И так, за одним большим исключением, они и продолжали.

Пигафетта, один из кругосветчиков вместе с Магальенсом, был первым, кто собрал образцы неписанных диалектов тех стран, которые предоставляли такую возможность.

Аббат Эрвас в XVII веке опубликовал "Каталог языков" и "Арифметику народов" - части большого и замечательного труда "*Saggio del Universo*". Свои *данные* он собирал путем почти неограниченной переписки с миссионерами-иезуитами Пропанды.

Всеобъемлющий ум Лейбница не только занимался филологией, но и ясно видел ее влияние на историю. Работа о баскском языке - образец этнологии изобретателя флюксий.

Реланд писал о широком распространении малайского языка, критиковал некоторые словари островов Южного моря - Хоорна, Эгмонта, Тикопии (тогда называвшегося Кокосовым островом) и Соломонова архипелага, а также придал огласке факт, который и сейчас остается загадочным, - существование малайских слов в языке Мадагаскара.

В 1801 году вышел "*Митридат*" Аделунга, содержащий образцы всех известных языков мира; эта работа является такой же классической для сравнительного филолога, как "Комментарии Блэкстоуна" для английского юриста. Дополнение Ватера (1821) - это дополнение к Аделунгу; дополнение Юлга (1845) - к Ватеру.

Другим великим классиком в этой области является Клапрот. Его *Asia Polyglotta* и *Sprachatlas* дают нам классификацию всех семейств Азии в соответствии со *словами*, представляющими их языки. Сомнительно, чтобы сравнение между их различными *грамматиками* дало тот же результат; ведь из этого отнюдь не следует, что данные обеих совпадают.

Клапрот и Аделунг занимают такое же место в *филологии*, как Бюффон и Блюменбах - в *зоологической этнологии*.

Блюменбах *высоко ценил* филологический метод: но первым, кто *объединил* эти два метода, был доктор Причард. Его профессия дала ему необходимую физиологию; а о том, что он был филологом среди филологов, свидетельствуют не только многочисленные детали, разбросанные по его трудам, но и его "Восточное происхождение кельтских народов" - самое определенное и желанное дополнение, которое было сделано к этнографической филологии. Я ничего не говорю о деталях великого труда доктора Причарда. Пусть те, кто сомневается в ее ценности, попробуют обойтись без нее.

Но все равно чего-то не хватает. Отношение наук к другим отраслям знания требует уточнения. С антропологией дело обстоит довольно ясно. Она частично соприкасается с натуралистическими науками (или науками, основанными на принципе классификации) и биологическими (или науками, основанными на идее организации и жизни).

Этнология, однако, более неопределенна в отношении позиции. Если она является лишь формой истории, то ее место среди индуктивных наук неоднозначно, поскольку ни законы, которые она разрабатывает, ни метод, которым она руководствуется, не дают ей здесь места. Они ставят ее в одну категорию с серией записей, сделанных на основе показаний свидетелей, или с книгой путешествий - литературной, но не научной. И так оно и есть в определенной степени. Однако два замечательных произведения определили его отношение к науке иначе.

В "Принципах геологии" сэра К. Лайелла мы имеем тщательно разработанный образец рассуждения от известного к неизвестному и *вывода причин из следствий*. Было бы позорно для нашей философии, если бы такой образец логики, применяемый на практике, был проигнорирован.

Вскоре после этого вышли в свет наводящие на размышления труды нынешнего магистра Тринити-колледжа в Кембридже (*par nobile*). Здесь нас учат, что в таких науках, как геология, этнология и археология, *метод* определяет характер исследования; и что во всех этих науках мы рассуждаем в обратном порядке. Современные *эффекты* нам известны; мы также знаем их *причины* до исторического периода. Когда мы выходим за эти рамки, мы все еще можем рассуждать, опираясь на опыт, который предоставил исторический период. Климат, например, и некоторые другие условия оказывают *определенное* влияние; в пределах поколения - небольшое, в пределах тысячелетия - более значительное. Поэтому, прежде чем отбросить разницу как необъяснимую, мы должны изучить изменения, которые могли ее

вызвать, условия, которые могли определить эти изменения, и время, необходимое для проявления их влияния.

В "Юбилейной речи" доктора Причарда, произнесенной перед Этнологическим обществом Лондона в 1847 году - работа, опубликованная уже после смерти ее прославленного автора, - эта связь с геологией четко выражена: "Геология, как всем известно, - это не отчет о том, что природа производит в настоящее время, а о том, что она произвела давным-давно. Это исследование изменений, которые претерпела поверхность нашей планеты в давно минувшие века. Факты, на которых основываются выводы геологии, собраны из различных разделов естественной истории. Студент-геолог исследует процессы природы, происходящие в настоящее время, но это делается для того, чтобы применить полученные знания к исследованию того, что происходило в прошлые времена, и проследить в различных слоях земной коры, демонстрирующих, как они это делают, реликты различных форм органической жизни, серию повторных творений, которые имели место. Это исследование, очевидно, относится к *истории* или *археологии*, а не к тому, что называется *естественной историей*. Один ученый писатель, чье имя навсегда останется в анналах Британской ассоциации, метко применил термин "палеонтология" к наукам этого отдела, для которых физическая археология может быть использована как синоним. Палеонтология включает в себя как геологию, так и этнологию. Геология - это археология земного шара, этнология - его человеческих обитателей".

Когда этнология теряет свой палеонтологический характер, она теряет половину своих научных элементов; и практическое и решительное признание этого должно быть характерно для английской школы этнологов.

В заключение этой главы мы рассмотрим влияние палеонтологического метода на одну из самых сложных частей этнологии - идентификацию древних популяций или распределение народов, упоминаемых классическими, священными и более древними восточными писателями, среди существующих или вымерших родов и семейств человечества.

Есть этруски - кем они были? Пеласги - кем они были? Гунны, захватившие Европу в пятом веке; Киммерии, опустошившие Азию за 900 лет до этого? Археология отвечает на некоторые из этих вопросов, а свидетельства древних писателей помогают нам в других. Однако и то, и другое вводит в заблуждение - возможно, почти так же часто, как и направляет нас по верному пути. Если бы это было не так, то расхождений во мнениях было бы меньше.

Тем не менее, до настоящего времени основным фактом, касающимся любого такого населения, всегда было свидетельство какого-нибудь древнего историка или географа, и первый вопрос, который задавался: "*Что говорят Тацит-Страбо-Геродот-Птолемей* и т.д. и т.п.? В руках критиков расследование идет дальше; утверждения сравниваются, свидетельства взвешиваются друг против друга, исследуются возможности знания и честность записи соответствующих авторов. Таким образом, очерк Древней Греции Фукидида приобретает ценность, которую не смог бы придать ему авторитет менее значимого писателя, и так далее с другими. Тем не менее, то, что писал Фукидид, он писал на основе сообщений и умозаключений - сообщений, скорее всего, тщательно взвешенных, а умозаключений - обоснованно сделанных. Однако источники ошибок, за которые он не несет ответственности, бесчисленны. Он опирался на свидетельства со слуха - возможно, просеивал их, - но все же он опирался только на свидетельства со слуха. Как мы оцениваем такие свидетельства? По естественным вероятностям, которые они представляют собой. Какими средствами мы их определяем?

Я считаю, что здесь есть только один показатель - существующее положение вещей, известное либо нам самим, либо современникам, способным узнать его в период, ближайший к рассматриваемому времени. Это мы рассматриваем как следствие некоторой предшествующей причины или ряда причин. Поἰ στῷ говорит ученый. По изречению такого-то или такого-то автора. Поἰ στῷ говорит архимедовский этнолог. О последнем засвидетельствованном факте.

О неудовлетворительном характере всего, что не содержит свидетельств современников при идентификации древних народов, свидетельствуют страницы и страницы, которые девять десятых историков посвящают загадочным *леласгам*. Добавьте Нибура к Мюллеру, а Тирлуолла к Нибуру - Пелион к Оссе, а Олимп к Пелиону - и какие *факты* мы получим - факты, на которые мы можем положиться как на таковые, факты, подкрепленные современными свидетельствами и записанные при возможности их выяснения? Только три, признанные г-ном Гротом; а именно: что на их языке говорили в Хрестоне, что на нем говорили в Плакее, что он отличался, в какой-то неопределенной степени, от греческого.

Это все, что признает этнолог; исходя из этого, он доказывает, как может. К любому факту, менее подкрепленному свидетельствами из первых рук или следами, он относится с безразличием. Они могут быть полезны для истории, но не для *него*. У него слишком много пользы, чтобы использовать его, слишком много нужно построить на нем, слишком много аргументов, чтобы использовать его, чтобы позволить ему быть иным, чем неопровержимым.

И снова Тацит проводит свою *Германию* до Немана, чтобы включить в нее нынешние страны Мекленбург, Померанию, Бранденбург, Западную и Восточную Пруссию и Курляндию. Невероятно ли это само по себе? Нет. Территория отнюдь не безмерно велика. Невероятно ли это, если принять во внимание нынешнее состояние этих стран? Нет. В настоящее время они являются германскими. Невероятно ли это в любом случае? И если да, то в каком? Да. Оно становится невероятным, если вспомнить, что нынешние немцы были такими же однозначными и несомненными недавними иммигрантами в тех краях, о которых идет речь, как и англичане в долине Миссисипи, и что в начале исторического периода все они были славянами, и ничто, кроме фразеологии Тацита, не мешает нам верить, что они всегда были таковыми. Но также маловероятно, чтобы такой уважаемый писатель, как Тацит, ошибался. Разрешено. И здесь начинается конфликт трудностей. Тем не менее, первичным этнологическим фактом является положение вещей, существовавшее, когда рассматриваемые страны были впервые точно известны, взятое вместе с вероятностью или невероятностью того, что оно так существовало в течение определенного периода до этого, по сравнению с вероятностью или невероятностью миграций и других предположений, необходимых для его недавнего появления.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[1] Ценность Тацита как авторитета подробно рассматривается в этнологическом издании "*Germania*", подготовленном настоящим автором и находящемся в процессе публикации. Цель настоящей главы - лишь показать, в какой степени данная наука имеет недавнее, а не древнее происхождение.

[2] Перевод Барра, т. iv. с. 191.

ГЛАВА II.

Этнология - ее объекты - основные проблемы, связанные с ней - перспективные вопросы - перенос популяций - извлечение из Нокса - корреляция определенных частей тела с определенными внешними воздействиями - части, менее подверженные таким воздействиям - ретроспективные вопросы - единство или неединство нашего вида - мнения - множественность видов - множественность протопластов - доктрина развития - Доккос - извлечение - древность нашего вида - его географическое происхождение - термин *раса*.

У Кювье - насколько это возможно - мы находим преобладающим антропологический взгляд на предмет; этого и следовало ожидать, исходя из характера работы, в которой он встречается: степень, в которой один род или вид отличается от следующего за ним вида или рода, является особым предметом рассмотрения систематического натуралиста. Чтобы показать наши разновидности, потребовалась бы специальная монография.

У Причарда, напротив, преобладает этнология; антропологии, в строгом смысле этого слова, почти нет, и этнология носит широкий и всеобъемлющий характер. Описание есть, классификация есть, но, помимо этого, большая часть работы посвящена тому, что можно назвать *этнологической динамикой*, то есть оценке влияния внешних условий климата, широты, относительного уровня моря и тому подобного на человеческое тело.

Причард - это великий репертуар фактов; прочитанный с комментариями Уэвелла, он дает нам науку в форме, достаточно полной для целей детализации и достаточно систематизированной для основы дальнейшего обобщения. И все же ее необходимо читать с уже упомянутым комментарием. В противном случае она потерпит неудачу в своем самом интеллектуальном элементе и превратится в систему простых записей, а не в серию тонких и своеобразных умозаключений. Однако в таком виде она дает нам факты и классификации в *рабочей форме*. Другими словами, наука теперь заняла свое истинное место и характер.

Если необходимо нечто большее - а для антропологии, как считают некоторые, Кювье слишком краток, а Причард слишком исключительно этнологичен, - то дополнением к этому служат работы Лоуренса. Они, наряду с Аделунгом и Клапротом, образуют *Thesaurus Ethnologicus*. Но факты, которые они предоставляют, подобны мечу магометанского воина. Его ценность зависела от руки, которая им орудовала; так и здесь. Еще не было написано ни одной книги, которую можно было бы безоговорочно принять за нечто большее, чем ее *факты*. Ее умозаключения и классификация должны подвергаться *критике*. Однако, как бы то ни было, в 1846 году г-н Милль пишет, что "относительно физической природы человека, как организованного существа, было много споров, которые могут быть прекращены только общим признанием и применением более строгих правил индукции, чем принято считать; тем не менее, существует значительный массив истины, которую все, кто посещал по этому вопросу, считают полностью установленной, и в настоящее время нет никакого радикального несовершенства в методе, применяемом в этом отделе науки ее наиболее выдающимися современными учителями".

Это не могло быть написано тридцать лет назад. Тогда *отдел науки* был бы неопределенным, а *преподаватели* не *отличались бы друг от друга*.

Сейчас можно сказать, чем *не* являются этнология и антропология. Их отношения с историей были рассмотрены. *Археология* иллюстрирует каждую из них; однако, как только ее начинают путать с одной из них, следует беда. *Психология*, или наука о законах разума, имеет к ним такое же отношение, как и *физиология* - *mutatis mutandis*, т. е. ставит разум на место тела.

Но ближе к ней две подчиненные науки: этология[3] , или наука о характере, с помощью которой мы определяем тип характера, вырабатываемый в соответствии с законами разума *при любом* стечении обстоятельств, *как физических*, так и моральных; и наука об обществе, изучающая действие и реакцию связанных масс[4] друг на друга.

Такова наша наука, которая, согласно принципу разделения труда, должна быть четко обозначена, чтобы работать с пользой. А теперь мы спросим о природе ее *объектов*. Она не имеет большого отношения к установлению каких-либо *законов* замечательной общности; это обстоятельство, которое, по мнению некоторых, может снизить ее ценность как науки; ближайший подход к чему-либо в этом роде - это общее утверждение, подразумеваемое в самих классификациях. Ее реальным объектом является решение определенных *проблем - проблем*, которые она исследует своим собственным методом, и проблем достаточной высоты и глубины, длины и ширины, чтобы удовлетворить самых амбициозных. Все они относятся к двум темам и связаны либо с *прошлой*, либо с *будущей* историей нашего вида, с его *происхождением* или *предназначением*.

Мы видим, что между негром и американцем существует определенная разница. Существовало ли оно всегда? Если нет, то как оно появилось? Под влиянием каких факторов? В какое время? Быстро или медленно? Эти вопросы направлены назад и заставляют нас рассматривать то, что *было*.

Но следующий вопрос ведет нас вперед. Великие эксперименты по перемещению населения из одного климата в другой продолжались с момента открытия Америки и продолжают сейчас; иногда на запад, как в Новом Свете, иногда на восток, как в Австралии и Новой Зеландии; теперь из кельтских стран, как в Ирландии, теперь из готских стран, как в Англии и Германии, теперь из Испании и Португалии; не говоря уже о столь же великом феномене негритянского рабства, являющегося реальным или предполагаемым условием процветания Америки. Будет ли это иметь успех? Спросите об этом в Филадельфии или Лиме, Сиднее или Окленде, и ответ наверняка будет утвердительным. Спросите об этом одного из наших английских анатомов. Его ответ таков: "Давайте теперь рассмотрим величайший из всех экспериментов, когда-либо проводившихся в отношении переноса населения, коренного жителя одного континента, и пытающегося путем эмиграции завладеть другим; возделывать его своими руками; колонизировать его; со временем убедить весь мир, что они являются *коренными жителями* вновь захваченной земли. Северная Америка и Австралия стали полем для этого величайшего из экспериментов. Лошадь, овца, бык уже стали как бы коренными жителями этих земель. Природа не заложила их туда изначально, но они, похоже, процветают и размножаются. Однако даже в отношении этих домашних животных мы не можем быть полностью уверены. Станут ли они в конце концов самообеспечивающимися? Вытеснят ли они ламу, кенгуру, буйвола, оленя? Или для того, чтобы это произошло, их нужно будет постоянно завозить из Европы? Если это произойдет, значит, акклиматизация не совершенна. А как обстоит дело с самим человеком? Человек, посаженный там природой, краснокожий индеец, отличается от всех других на лице земли; он уступает место европейским расам, саксонской и кельтской; кельтской, иберийской и лузитанской на юге; кельтской и саксонской на севере.

"О тропических районах Нового Света мне нет нужды говорить; все знают, что там не может жить никто, кроме тех, кого туда поместила природа; что ни один европеец не может колонизировать тропическую страну. Но разве не может быть сомнений в их самообеспечении в более мягких регионах? Возьмем, к примеру, северные штаты. Там саксы

и кельты, кажется, процветают сверх всякой меры. Но так ли уж мы уверены, что этому суждено быть постоянным? Ежегодно в Европу прибывает сто тысяч мужчин и женщин лучшей скандинавской крови и вдвое больше - чистой кельтской; и пока это продолжается, он будет процветать. Но остановите его, остановите внезапно, как в случае с Мексикой и Перу; переложите *бремя* воспроизводства на население, уже не европейское, а борющееся между европейским пришельцем и его приемным отцом-землей. Климат, леса, остатки еще не вымерших аборигенов; наконец, не в последнюю очередь, то неизвестное и загадочное ослабление жизненных сил и энергии, которое в древние времена, похоже, решило судьбу всех финикийских, греческих и коптских колоний. Оторванные от своей первоосновы, они постепенно увядали, блекли и в конце концов угасали. Финикийцы так и не акклиматизировались ни в Африке, ни в Корнуолле, ни в Уэльсе; остатки их расы, правда, еще сохранились, но это всего лишь остатки. Перу и Мексика быстро возвращаются к своему первобытному состоянию; не могут ли Северные Штаты при аналогичных обстоятельствах сделать то же самое?

"Уже сейчас человек Соединенных Штатов отличается по внешнему виду от европейца: дамы рано теряют зубы; у обоих полов жировая клеточная подушка, расположенная между кожей и апоневрозами и мышцами, исчезает или, по крайней мере, теряет свою жировую часть; мышцы становятся жилистыми и проявляют себя; сухожилия выступают на поверхность; проявляются симптомы преждевременного разложения. О чем же свидетельствуют эти признаки, добавленные к неопределенности жизни младенцев в южных штатах и малочисленности их семей в северных? Не о превращении англосакса в краснокожего индейца, а о том, что климат не создан для него, а он - для климата.

"Посмотрите, что даже небольшая изоляция сделала для французских кельтов в Нижней Канаде. Посмотрите на их расы! Маленькие люди, маленькие лошади, маленький скот, еще меньшие повозки, идеи, самые маленькие из всех; он даже не кельт современной Франции! Это французский кельт эпохи регентства, эпохи Людовика XIII. Стационарный, абсолютно неподвижный, его численность, как я полагаю, зависит от случайного притока свежей крови из Европы. С момента своего первого поселения в Канаде он увеличился до миллиона человек, но большая часть из них прибыла из Британии, а не из Франции. Дайте нам статистику исконных семей, которые держатся отдельно от свежей крови, ввозимой в провинцию. Пусть у нас будет реальный и солидный прирост коренных *обитателей*, как они сами себя называют, и тогда мы сможем подсчитать результат.

"Если бы колония была предоставлена сама себе, отрезана от Европы на столетие или два, я уверен, что лес, бизоны и краснокожие индейцы вытеснили бы ее на берег Святого Лаврентия[5]."

Я не высказываю своего мнения относительно истинности этого отрывка, отмечая, что, независимо от того, верен он или нет, он выражен убедительно и уверенно. Все, что этот отрывок должен сделать, это проиллюстрировать характер вопроса. Он направляет наше внимание на то, что *будет*.

Для разработки вопросов любого из этих классов необходимо, конечно, учитывать общие действия климата, пищи и других влияний; действия, которые подразумевают соответствующую восприимчивость к изменениям со стороны человеческого организма.

В хорошо сконструированной машине различные части имеют определенное отношение друг к другу. Чем больше сопротивление, тем толще канаты и цепи; а чем толще канаты и цепи, тем прочнее шкивы; чем прочнее шкивы, тем больше сила, и так далее. Деликатные шкивы с тяжелыми канатами или легкие линии с громоздкими шкивами - все это было бы пустой тратой сил. То же самое относится и к скелету. Если мышца массивная, то и кость, к которой она прикреплена, должна быть прочной; в противном случае возникает диспропорция частей. В этом отношении организованное и одушевленное тело похоже на обычную машину - работу человеческих рук. Оно не только соответствует, но и превосходит ее. Оно обладает внутренней силой самонастройки. Никакой труд не превратит тонкую веревку в крепкий канат, а легкий каркас - в прочный. Если нужен объем, он должен быть дан в первую очередь. Но как обстоит дело со скелетом, каркасом для мышц? Он обладает способностью приспосабливаться к нагрузкам, которые на него возлагаются. Пища, которой мы питаемся, имеет разную степень твердости и жесткости; и чем она тверже и жестче, тем больше работы для мышц нижней челюсти. Но, работая, они растут, ведь при прочих равных условиях размер - это сила, а раз они растут, то должны расти и другие части тела. Это кости. Как они растут - сложный вопрос. Иногда гладкая поверхность становится шероховатой, тонкая кость - грубой; иногда короткий отросток удлиняется, а узкий - расширяется; иногда увеличение происходит просто или абсолютно, и кость меняет свой характер, не затрагивая при этом соприкасающиеся с ней части. Но часто происходит осложнение изменений, и развитие одной кости происходит за счет другой; таким образом, изменяются *отношения между* различными частями скелета.

Скелет, таким образом, может быть изменен под действием собственных мышц; другими словами, везде, где есть мышцы, способные увеличивать массу, есть и кости, подверженные подобным изменениям - кости, на которых могут развиваться выступы, гребни или отростки, кости, с которых могут исчезать выступы, гребни или отростки, и кости, относительные пропорции которых могут быть изменены. Однако для того, чтобы это происходило, необходимо мускульное воздействие, которое это определяет.

Теперь это относится к *твердым частям*, или скелету; и, как принято считать, если костный каркас тела может быть таким образом изменен действием его собственных мышц, то экстремальные условия тепла, света, питания, влаги и т.д., *à fortiori*, повлияют на мягкие части, такие как кожа и жировая ткань. Не возникло больших трудностей и в отношении разновидностей цвета радужной оболочки глаза, а также цвета и текстуры волос.

Но что, если в некоторых *твердых* частях мы имеем различия без соответствующей ощутимой модифицирующей причины? Что если изменяются части, на которые не действует ни одна мышца? В таком случае у нас появляется новый класс фактов, и им придается новое значение. Мы больше не черпаем иллюстрации из канатов и шкивов машин. Адаптация может иметь место, но это уже не адаптация того простого прямолинейного типа, который мы демонстрировали. Это адаптация по принципу, который определяет фигурную часть судна, а не по принципу, который определяет такелаж. Тем не менее, принцип есть с обеих сторон; с одной, , однако, существует очевидная связь причины и следствия; с другой, предлагается понятие выбора, или спонтанности *идеи*.

Таким образом, рассмотрение зуба отличается от рассмотрения челюсти, в которую он вживлен. Никакие мышцы не действуют на него напрямую, и все, что может сделать давление на его основание, - это повлиять на направление его роста. Форма его коронки остается нетронутой. Как - я использую почти слова профессора Оуэна - мы можем представить себе развитие большого клыка шимпанзе как результат внешних стимулов или влияния мышечных действий, когда он кальцифицируется до того, как прорежет десну или

вытеснит своего листовного предшественника - структура predetermined, оружие подготовлено до развития сил, с помощью которых оно должно быть использовано ?[6]

Это иллюстрирует разницу между частями, явно не поддающимися влиянию внешних условий, и частями, которые либо вообще не изменяются, либо изменяются по неопределенным законам.

В первом случае мы обращаемся к условиям солнца, воздуха, привычек или широты; во втором - интерпретируем, насколько это возможно, с помощью ссылок на другие виды или на тот же вид на ранних стадиях его развития.

Так, так называемый надглазничный гребень, или выступ нижней части лба над носом и глазами, более выражен у одних людей, чем у других; и более выражен у африканских и австралийских видов, чем у наших. Это этнологический факт.

Опять же - и это антропологический факт - у человека она вообще развита лишь умеренно: в то время как у орангутанга она умеренная, а у шимпанзе - огромная и характерно развитая.

Таким образом, это один из девяти пунктов, по которым *Pithecus Wurmbii* приближается к человеку больше, чем *Troglodytes Gorilla*[7], в отличие от двадцати четырех, по которым *Troglodytes Gorilla* приближается к нам больше, чем *Pithecus Wurmbii*.

Если бы этот гребень прикреплялся к мышцам, мы должны были бы спросить, какую работу выполняют эти мышцы и насколько она различается в разных регионах, а не думать много о *Pithecus Wurmbii* или *Troglodytes Gorilla*.

Однако именно определенные проблемы составляют высшие отрасли этнологии, и именно их исследованию подчинен отдел этнологической динамики. Заглядывая в прошлое, мы находим, прежде всего, такие грандиозные вопросы, как

- 1. Единство или неединство вида.
- 2. Его древность.
- 3. Его географическое происхождение.

Единство или неединство человеческого вида рассматривалось под множеством аспектов: одни касались самого факта, другие - значения термина "вид".

- 1. Некоторые моменты структуры *постоянны*. Это одна из причин, по которой человек является единственным видом рода и единственным родом своего порядка.
- 2. Все смешанные породы плодовиты. Это еще одна причина.
- 3. Язык указывает на общее происхождение, и простейшая форма этого - одна пара. Это третье.
- 4. Мы можем высказать некоторое количество общих предложений относительно класса существ, называемых людьми. Это лишь отделяет их от всех других классов. Это не определяет природу самого класса в отношении его членов. Он может делиться на подразделения и подподразделения.
- 5. Вид может быть один, но число *первых пар* может быть многочисленным. Это доктрина *множественности протопластов*. [8]
- 6. Вид может вообще не иметь протопласта, а развиваться из какого-то вида, предшествующего ему и стоящего ниже в шкале природы, причем этот предшествующий вид сам был так развит. В этом случае протопласт отбрасывается на

неопределенное время назад; другими словами, протопласт одного вида является протопластом многих.

- 7. Род *Ното* может распадаться на несколько видов; так что то, что некоторые называют *разновидностями одного вида*, на самом деле является разными видами одного рода.
- 8. Разновидностей человечества может быть слишком много, чтобы их можно было включить даже в один *род*. В одном *порядке* может быть два или даже больше родов.
- 9. Многие из современных разновидностей могут представлять собой смешение видов, больше не существующих в чистом виде.
- 10. Все *известные* разновидности могут быть отнесены к одному виду; но могут существовать и новые виды, не описанные.
- 11. Все *существующие* разновидности могут быть отнесены к одному виду, но некоторые *виды* могут прекратить свое существование.

Таковы основные взгляды, существующие среди ученых людей по этому вопросу; хотя они не были представлены в строго логической форме, поскольку различия во мнениях относительно значения термина "*вид*" были приведены в одном списке с различиями во мнениях относительно факта нашего единства или отсутствия единства.

Эти разногласия не ограничиваются простыми умозаключениями. *Факты*, на которых основываются такие выводы, отнюдь не признаются единогласно. Некоторые отрицают постоянство некоторых элементов строения, а еще больше отрицают *постоянную* плодовитость смешанных пород. Опять же, доказательства языка применимы только к известным языкам, а четвертая точка зрения основана на *логическом*, а не *зоологическом* взгляде на *виды*.

Доктрина *множественности протопластов* является распространенной. Многие зоологи придерживаются ее, и у них, конечно, есть для этого зоологические основания. Другие придерживаются ее на основаниях совершенно иного рода - основаниях, которые опираются на предположение о конечной причине. Человек - *социальное* животное. Пусть значение этого слова не будет сильно преувеличено. Это понятие является *коррелятивным*. Жена не является достаточным условием для мужа; *пара* требует своей *пары* ради общества. Следовательно, если человек не создан для жизни в одиночестве, значит, он не был создан в одиночестве изначально. Чтобы родиться членом общества, необходимо иметь соратников. Это телеологическая^[9] - возможно, ее можно назвать теологической - причина множественности протопластов.

Его неиндуктивный характер отнимает кое-что от его ценности.

Трудность проведения границы величины первоначального общества вычитает еще больше. Если мы допускаем вторую пару, то почему бы не выделить деревню, город, город и его корпорацию и т. д.

Опять же, это либо примитивная цивилизация, либо что-то очень похожее на нее. Где же ее следы? Тем не менее, если допустить некоторые допущения в отношении истории человеческой цивилизации, телеологическую доктрину множественности протопластов трудно опровергнуть.

Так же как и зоологическую; при условии, что мы сделаем уступки в плане языка. Пусть некоторые пары были созданы со способностью, но не с даром речи, чтобы они научились языку у других. Или пусть сначала все оказались в таком положении, а некоторые развили речь раньше других - и в конце концов речь распространилась на всех. Ответить на такой аргумент нелегко.

Множественность протопластов является общим местом для зоолога и естествоиспытателя, хотя феномены речи и общества отводят последнему большую долю. То же самое относится и к *доктрине развития*. Фундаментальное родство, связывающее все формы человеческой речи, действует против трансценденталиста только в том случае, если он допускает, что каждый представитель вида Человек появился как таковой со своим собственным языком. Допустим, что изначально он был немым и обладал лишь способностью учиться речи у других, и все аргументы в пользу единства видов, вытекающие из сходства языка, рухнут в прах.

Восьмая доктрина - не более чем преувеличение седьмой. На седьмую мы сейчас не будем обращать внимания, просто потому, что факты, которые она утверждает и отрицает, пронизывают всю этнологию, появляются и вновь появляются в каждой точке наших исследований.

Все известные разновидности могут быть отнесены к одному виду; но могут существовать и другие виды, не описанные... Каковы причины верить в это? Предполагая, что Дильбо был рабом, у которого доктор Беке собрал определенную информацию о странах к юго-западу от Абиссинии, я привожу следующую выдержку: - "Страны на западе и юге от Абиссинии.

"Страны на западе и юго-западе от Каффы - это, по словам Дильбо, Дамборо, Бонга, Куллоо, Кутча, Суфа, Туфте и Доко; на востоке и юго-востоке - равнины Воратто, Валамо и Талда.

"Страна Доко находится в месяце пути от Каффы; похоже, что дальше Каффы ездят только те купцы, которые торгуют рабами. Наиболее распространенный маршрут проходит через Каффу в юго-западном направлении и ведет в Дамборо, затем в Кутчу, Куллу и далее через реку Эроу в Туфте, где они начинают охотиться на рабов в Доко, погоню за которыми я опишу так, как она была мне рассказана, а читатель может судить о ней по своему усмотрению.

"Дильбо начинает с того, что жители Доко, как мужчины, так и женщины, по слухам, не выше мальчиков девяти или десяти лет. Они никогда не превышают этого роста, даже в самом преклонном возрасте. Они ходят совершенно голыми; их основной пищей являются муравьи, змеи, мыши и другие вещи, которые обычно не используются в качестве пищи. Говорят, что они настолько искусны в поисках муравьев и змей, что Дильбо не удержался от того, чтобы не похвалить их за это. Они так любят эту пищу, что, даже познакомившись с лучшими продуктами питания в Энаре и Каффе, все равно часто подвергаются наказанию за то, что, как только оказываются вне поля зрения своих хозяев, следуют своей склонности рыть землю в поисках муравьев и змей. Шкуры змей они носят на шее в качестве украшений. Они также ловко лазают по деревьям, чтобы срывать плоды; при этом они протягивают руки вниз, а ноги вверх. Они живут в обширных лесах из бамбука и других пород дерева, которые настолько густы, что охотнику за рабами очень трудно проследить за ними в этих укрытиях. Иногда охотники обнаруживают большое количество доко, сидящих на деревьях, и тогда они прибегают к хитрости, показывая им блестящие предметы, с помощью которых их соблазняют спуститься вниз, где их без труда ловят. Как только доко начинает плакать, его

убивают, опасаясь, что это, как признак опасности, заставит остальных броситься наутек. Даже женщины забираются на деревья, где за несколько минут их можно схватить и продать в рабство.

"Доко живут вперемешку; мужчины и женщины соединяются и расходятся по своему усмотрению, и это Дильбо считает причиной того, что племя не было истреблено, хотя часто один работорговец возвращается домой с тысячей таких людей, обращенных в рабство. Мать сосет ребенка только до тех пор, пока не может найти муравьев и змей для его питания: она бросает его, как только он может добывать себе пищу самостоятельно. Среди доко не существует рангов и порядков. Никто не приказывает, никто не подчиняется, никто не защищает страну, никто не заботится о ее благополучии. Они не предпринимают никаких попыток обезопасить себя, кроме бегства. Они быстры, как обезьяны, и очень хорошо понимают, какие страдания готовят им охотники за рабами, которые так часто окружают их леса и выгоняют их оттуда на открытые равнины, как зверей. Они опускают головы на землю, вытягивают ноги вверх и жалобно кричат: "Йер! Йер!". Так они взывают к Высшему существу, о котором имеют некоторое представление, и, как говорят, восклицают: "Если ты существуешь, почему ты заставляешь умирать нас, которые не просят ни еды, ни одежды и живут на змеях, муравьях и мышах? Дильбо утверждал, что нередко можно встретить пять или шесть доко в таком положении и состоянии духа. Иногда эти люди ссорятся между собой, когда едят плоды деревьев; тогда более сильный бросает слабого на землю, и тот часто погибает несчастным образом.

"В их стране непрерывно идут дожди, по крайней мере с мая по январь, да и позже дождь не прекращается полностью. Климат не холодный, но очень влажный. Путешественник, отправляясь из Каффы в Доко, должен пройти через высокогорную страну и пересечь несколько рек, которые впадают в Гочоб.

"Язык доко - это некое бормотание, которое не понимает никто, кроме них самих и их охотников. Доко проявляют много ума и умения в управлении делами своих хозяев, к которым они вскоре очень привязываются; и они становятся настолько ценными, что ни один уроженец Каффы никогда не продаст одного из них для отправки за пределы страны. Как говорит капитан Клаппертон о рабах из Ниффи: "Рабы этого народа пользуются большим спросом, и, получив их однажды, никогда больше не продают за пределы страны". Жители Энареа и Каффы продают только тех рабов, которых они захватили в пограничных войнах с соседними племенами, но никогда - доко. Доко также не желает, чтобы его продавали; он предпочитает смерть разлуке с хозяином, к которому привязался.

"Попасть в страну Доко очень трудно, так как жители Дамборо, Коллу, и Туфте враждуют с торговцами из Каффы, хотя эти племена зависят от Каффы и платят дань ее правителям; ибо эти племена намерены сохранить за собой исключительную привилегию охотиться на Доко и торговать добытыми таким образом рабами".

Дильбо не знает, преследуют ли племена, живущие к югу и западу от Докоса, этот несчастный народ столь же жестоко".

"Таков рассказ Дильбо о докосах, народе пигмеев, которые находятся в таком униженном состоянии человеческой природы, что трудно безоговорочно верить его рассказу. Представление о народе пигмеев в глубине Африки очень древнее, о них говорит Геродот в II. 32."

Теперь те, кто вообще верит в существование доков, могут с полным основанием считать, что они представляют собой новый вид.

Другие несовершенно известные популяции могут быть представлены с аналогичной точки зрения.

Все существующие разновидности могут быть отнесены к одному виду; но некоторые виды, возможно, прекратили свое существование. - В этом отношении существует значительное количество убеждений. В некоторых странах, которые в настоящее время являются варварскими пережитками предшествующей цивилизации, мы видим работы, как, например, в Мексике и Перу, которые, по признанию их жителей, не под силу им. Пусть так. Правомерно ли предположение о существовании другого вида с более высокоразвитыми архитектурными способностями? Читатель ответит на этот вопрос по-своему. Я же могу лишь сказать, что такие предположения высказывались.

Опять же - древние гробницы демонстрируют скелеты, которые отличаются от живых людей страны. Оправдано ли подобное предположение здесь? Оно было сделано.

Самые примечательные феномены такого рода можно найти в истории перуанцев.

В районе озера Титикака находится нынешняя страна аймара, чьи головы во многом похожи на головы других американцев, чей вкус к архитектуре очень слаб, а знания о том, что они произошли от народа, более архитектурного, чем они сами, отсутствуют.

Тем не менее, в их округе сохранились огромные руины, а головы тех, чьи останки там сохранились, имеют черепа со стертыми швами и с замечательными лобными, боковыми и затылочными впадинами.

Означает ли это вымерший вид? По отдельности я думаю, что нет; потому что, как и многие другие, я знаю, что некоторые привычки угасают, и я также считаю, что уплощение головы является *искусственным*. Тем не менее, если я хоть немного преувеличу постоянство привычек, или отождествлю привычку с инстинктом, или сочту черепа *естественными*, есть шанс, что я узнаю останки древнего *поголовья* - *возможно, древнего вида* - без сородичей и без потомков.

Древность человеческого вида. Наши взгляды на этот вопрос зависят от наших взглядов на его единство или не-единство; настолько, что если мы не предположим ни того, ни другого, вопрос о древности будет неосуществимым. К этому следует добавить, что, если исследование не будет чрезмерно усложнено, доктрина единства должна принимать форму происхождения от одной пары.

Исходя из этого, мы берем самые крайние образцы различий, будь то физическое строение или психические феномены, из которых наиболее удобным является язык. После этого мы задаем вопрос о времени, необходимом для того, чтобы произошли изменения; ответ на него зависит от индукции, обеспечиваемой в течение исторического периода; ответ требует применения того, что уже было названо *этнологической динамикой*.

С другой стороны, мы можем предположить определенное количество исходных различий и исследовать время, необходимое для достижения существующего количества сходства.

Первый из этих методов требует длительного, второй - короткого периода; более того, происхождение от одной пары подразумевает скорее *геологическую*, чем *историческую* дату.

Кроме того, однородность средней скорости изменений, которую требует геолог, требует и этнология.

Географическое происхождение человека. Если предположить, что все разновидности человека произошли от одной пары протопластов, то в какой части света находилась эта единственная пара протопластов? Или, если предположить, что таких пар протопластов было много, каково было первоначальное местоположение каждой из них? Я задаю эти вопросы, не давая на них ответа и не демонстрируя никакого метода для его поиска. Из трех великих проблем это та, которая получила наименьшее рассмотрение, и та, относительно которой существует наименьшее количество определенных мнений. Условная, предварительная или гипотетическая колыбель человеческого вида - это, конечно, самая центральная точка обитаемого мира, поскольку это дает нам наибольшее распределение при наименьшем количестве миграций; но, разумеется, такой центр совершенно неисторичен.

Раса - каково значение этого слова?

Означает ли оно *разнообразие*? Если да, то почему бы сразу не сказать "*разнообразие*"?

Означает ли оно *вид*? Если да, то одна из двух фраз будет лишней.

На самом деле оно означает либо то, либо другое, в зависимости от обстоятельств; и является удобным или лишним в зависимости от взглядов автора, который его использует.

Если он считает, что такие группы и классы, как негр, готтентот, американец, австралиец или монгол, отличаются друг от друга, как собака отличается от лисы, он говорит о *видах*. Он принял решение.

Но, возможно, он этого не делает. Его разум устроен по-другому. Представители таких классов могут быть для европейцев и друг для друга тем же, чем керн является для мопса, пойнтер для бигля и т. д. Они могут быть *разновидностями*.

Тогда он использует соответствующие термины; но для этого он должен определиться, и определенные классы должны представлять либо одно, либо другое.

Но что, если он этого не сделал? Если вместо того, чтобы учить несомненным фактам, он просто исследует сомнительные? В этом случае термин "*раса*" удобен. Он удобен для него и во время поиска мнения, и во время последующей приостановки его.

Итак, *раса* - это термин, обозначающий *вид или разновидность*, в зависимости от обстоятельств - *pendente lite*. Это термин, который, если и скрывает наше невежество, то провозглашает нашу открытость к убеждению.

Из *перспективных* взглядов на человечество был рассмотрен один. Но есть и другие, по крайней мере, не менее важные. Два из многих могут служить образцами.

1. Первая предлагается следующей таблицей, взятой из более полной таблицы в ценной книге мистера Д. Уилсона "Археология и доисторическая летопись Шотландии". В ней показаны относительные пропорции серии черепов *очень большой и средней древности*.

Изучение этого - а оно требует тщательного изучения - дает основания полагать, что объем черепа может увеличиваться по мере улучшения социального положения; из этого следует, что физическая организация менее благоприятных слоев населения может развиваться

постепенно, - и, *pari passu*, умственные способности, которые с ней совпадают. Это иллюстрирует природу определенного этнологического вопроса. Но что, если эти два класса черепов принадлежат к разным группам, так что владельцы одного из них *не* были прародителями владельцев другого? Такая точка зрения (и она небезосновательна) показывает, до какой степени все сложно".

[Примечание транскриптора: измерения в таблице даны в дюймах и двенадцатых].

[Версия таблицы для более узких экранов]

	Продольный диаметр.	Темпной диаметр.	Фронтальный диаметр.	Вертикальный диаметр.	Межчелюстная дуга.	Межчелюстная дуга от верхнего корня скулового отростка.	Межчелюстные линии.	То же от верхнего корня скулового отростка.	Затылочная дуга.	От затылочного бугра до корня носа.	Горизонтальная периферия.	Относительная способность.
Очень старый.												
1.	7-0	5-4½?	4-9?	4-10	13-11	11-5	3-6½	4-8½	13-9	12-0	20-4	32-2
2.	7-0	4-8	4-4	5-3	13-2	11-0	4-1	4-10	14-0	11-11	19-6	31-9
3.	6-11	5-3	3-11	5-0	...	12-0	...	4-8½	14-4	11-4	19-0	30-11
4.	7-0	4-11	4-4	5-3	13-8	11-4½	4-1	4-10	13-10	11-3	16-7½	28-10½
5.	6-6	4-1?	4-11	4-2?	13-2	11-3	...	4-8?	13-11	12-0	19-0	29-6
6.	7-3	5-4	4-6	5-2	14-3	11-9	4-4	5-0½	14-8	12-3	20-8½	33-1½
7.	7-5	5-2	4-5	5-2	14-3	12-0	3-7	4-10½	14-3	12-3	20-7½	33-2½
8.	7-9	5-6	4-9	...	...	12-3	...	5-6	15-6	...	21-3	...
9.	7-3	5-8	4-3½	4-9	14-0	11-9	3-8½	5-0	14-2	11-9	20-7	32-7
Умеренно старый.												
17	7-9	5-0	4-10	5-6	14-9	11-11	4-0	5-4	15-5	13-6	21-3	34-6

	Продольный диаметр.	Темной диаметр.	Фронтальный диаметр.	Вертикальный диаметр.	Межчелюстная дуга.	Межчелюстная дуга от верхнего корня скулового отростка.	Межчелюстные линии.	То же от верхнего корня скулового отростка.	Затылочная дуга.	От затылочного бугра до корня носа.	Горизонтальная периферия.	Относительная способность.
18	7-6	5-1	4-6	5-1	14-8	11-3	3-11	5-3	14-6	12-11	20-4	32-11½
19	7-3	5-3	4-5	5-4½	14-5	12-4	3-11½	4-9	14-9	12-9	20-10	33-5½
20	7-5	5-6½	5-0½	5-6	14-11½	12-3	4-0	...	14-9	12-6	20-10	33-9
21	7-3	5-6½	4-4	5-6	14-8	12-0	4-1	5-3	14-5	12-10	20-2	32-11
22	7-2	5-7	4-5	5-6	14-9	11-10	4-3	5-6	14-4	12-6	20-0	32-8
23	7-3½	5-7	4-6	5-2	15-0?	12-4?	...	...	14-8	12-6½	19-10½	32-4
24	7-2	5-5	4-6	...	...	...	...	...	...	12-10	20-7	...
25	7-8	5-6	4-3½	5-3	14-4	11-8	4-7	5-6	14-6	12-7	20-11	33-10
26	7-9	5-7	5-3	5-6	15-7	13-3	4-0½	5-4	16-4	14-4	21-11	35-2
27	7-11	5-5	4-9	...	...	12-0	...	5-1	15-5	13-9	21-6	...

2. Второе, как и первое, объясняется с помощью отрывков:-

а. Миссис --, соседка мистера М'Комби, была дважды замужем и имела детей от обоих мужей. Детей от первого брака было пятеро, от второго - трое. Одна из этих троих, дочь, имеет несомненное сходство с первым мужем своей матери. Сходство еще больше подчеркивается тем, что между двумя мужьями было самое заметное различие в чертах лица и общем облике.

б. Молодая женщина, проживающая в Эдинбурге и родившаяся от белых (шотландских) родителей, но чья мать за некоторое время до ее замужества родила естественного (мулата) ребенка от негра-слуги в Эдинбурге, демонстрирует явные следы негра. Доктор Симпсон, чьим пациентом в свое время была эта молодая женщина, не имел возможности в последнее время точно определить, насколько негритянский характер преобладает в ее чертах; но он помнит, что был поражен сходством, и особенно заметил, что волосы имеют качества, характерные для негров.

с. Миссис --, по-видимому, совершенно свободная от золотухи, вышла замуж за мужчину, который умер от фтизиатра; у нее был от него один ребенок, который также умер от фтизиатра. Затем она вышла замуж за человека, который, по всей видимости, был так же здоров, как и она, и родила от него двоих детей, один из которых умер от фтизиатра, а другой - от туберкулезной болезни брыжейки, имея в то же время золотушное изъязвление нижней конечности.

Здесь есть элементы теории, особенно если принять их во внимание вместе с некоторыми феноменами, хорошо известными заводчикам скаковых лошадей - теория заключается в том, что смешение *отличительных признаков* разных частей человечества может быть больше, чем само смешение. Я не высказываю своего мнения по поводу этих *данных*. Я просто иллюстрирую этнологический вопрос - один из многих.

ССЫЛКИ

[3] От греческого слова (ἦθος) *ethos* = *характер*.

[4] Названное Комтом *социологией*, имя наполовину латинское, наполовину греческое, и, следовательно, слишком варварское, чтобы его использовать, если можно избежать его использования.

[5] Knox, Races of Men, pp. 73, 74.

[6] Об остеологии большого шимпанзе. Профессор Оуэн в журнале "Philosophical Transactions".

[7] Owen, Philosophical Transactions, Feb. 22, 1848.

[8] От *protos* = *первый*, и *plastos* = *сформированный*.

[9] От греческого *telos* = *конец*.

ГЛАВА III.

Методы - наука наблюдения и дедукции, а не эксперимента - классификация на минералогических и зоологических принципах - первая для антропологии, вторая для этнологии - значение языка как теста - случаи его потери - его сохранение - когда он доказывает первоначальное родство, когда взаимодействие - грамматические и глоссарные тесты - классификации должны быть *реальными* - распределение человека - размер территории - этнологические контрасты в тесном географическом контакте - прерывистость и изоляция территорий - океанические миграции.

В естественной истории человека мы должны придерживаться почти исключительно методов дедукции и наблюдения; и в наблюдении мы ограничены только одним видом, *то есть* тем простым и спонтанным видом, где объект можно найти, если его искать, но нельзя искусственно произвести. Другими словами, здесь нет большого пространства для *эксперимента*. Труп недостаточно *гнусен* для этой цели. Кроме того, "даже если мы предположим неограниченную возможность варьировать эксперимент (что абстрактно возможно), хотя никто, кроме восточного деспота, не обладает такой возможностью, а если бы и обладал, то был бы склонен ее использовать, отсутствует еще более существенное условие - возможность провести любой из экспериментов с научной точностью[10]." В этнологии и антропологии эксперимент почти так же неуместен, как и в астрономии.

Псамметих, если верить Геродоту, поступил следующим образом. Он взял детей у бедняка, отдал их на попечение пастуху, которому запретил говорить в их присутствии, сосал их в одинокой хижине через козу, дождался возраста, когда мальчики начинают говорить, а затем записал первое слово, которое они произнесли. Это было "бекос", которое, когда было показано, что оно означает на фригийском языке *хлеб*, египтяне уступили пальму первенства древности этому сопернику.

Это был этнологический эксперимент, но тогда Псамметих *был* восточным деспотом, а сам пример, вероятно, единственный в своем роде - единственный или почти единственный, который является настоящим экспериментом, поскольку для того, чтобы быть таковым, необходимо иметь определенную и конкретную цель или объект в виду.

Мы знаем традицию о Ньюtone и яблоке. Если это правда, то это был не эксперимент, а наблюдение. В первом случае дерево нужно было трясти для того, чтобы увидеть, как с него падает плод. В этом случае имелись бы цель и задача - так сказать, *malice prepense*.

Поэтому феномены африканской работорговли, английской эмиграции и других подобных элементов для наблюдения не являются экспериментами; с тех пор это не было наукой, о которой когда-либо задумывались ни раб, ни поселенец. Сахар или хлопок, земля или деньги - вот что было в их головах.

Отвратительная операция, с помощью которой ревнивый восточный человек пытается обеспечить целостность своего гарема, в конечном итоге является научным фактом. Он говорит о том, как сильно вся система сочувствует увечью одной из своих частей. Но науке не за что ни аплодировать, ни подражать. Ее повторяют чувственные итальянцы ради того, чтобы обеспечить прекрасные голоса на музыкальном рынке; и наука испытывает отвращение к ее повторению. Даже если бы это делалось от ее имени и ради ее собственных целей, это все равно было бы бесчеловечной и нетерпимой формой зоотомии.

И все же торговля африканцами и эмиграция англичан, как говорят, имеют характер научного эксперимента, даже не будучи таковым. Говорят, что они служат таковыми. Так оно

и есть, но не в том смысле, в котором их часто интерпретируют. Европейский полк сокращается, когда его размещают в Гамбии или в Сьерра-Леоне. Говорят, что американский англосакс утратил свежесть европейца, стал коричневым и жилистым. Возможно, так оно и есть. Но что это доказывает? Всего лишь эффект *внезапных* изменений; результаты *далекой* трансплантации; несовершенный характер тех форм акклиматизации, которые не являются *постепенными*. Изначально мир был заселен не таким образом. К новым климатическим условиям приближались постепенно, шаг за шагом, расширяя и увеличивая окружность ранее акклиматизированной семьи. Поэтому опыт такого рода, ценный для медицинской полиции, сравнительно бесполезен для теории миграций человечества. Повезем человека с Кавказа на Золотой берег, и он либо умрет, либо заболеет лихорадкой. Но сделает ли он это, если его предыдущее пребывание было в Гамбии, его деда - в Сенегале, его предка в десятой степени - на Ниле, а предка этого предка - на Иордане - и так далее, пока мы не достигнем первого отдаленного патриарха миграции на Фазисе? Это эксперимент, который не может провести или наблюдать ни одно поколение; но меньше, чем это, это вообще не эксперимент, не имитация той конкретной операции природы, которую нам так любопытно исследовать.

Все сказанное ниже относится к этнологии. Первый результат, который мы получаем в результате наших наблюдений, - это *классификация*, то есть группы индивидов, семей, племен, народов, подродов, разновидностей и (по мнению некоторых) видов, связанных какой-то общей связью и объединенных по какому-то общему принципу. В группах такого рода нет недостатка; и многие из них настолько естественны, что не поддаются усовершенствованию. Однако номенклатура их различных подразделений не определена, значения многих из них неопределенны, и, самое главное, принцип, по которому они формируются, отнюдь не однороден. В то время как одни исследователи классифицируют человечество по *зоологическому* принципу, другие делают это по принципу, который можно назвать *минералогическим*. Это различие будет несколько подробнее проиллюстрировано.

В Африке, как хорошо известно, большая часть населения - чернокожие; и с этой черной кожей обычно сочетаются другие физические характеристики. Так, волосы у них либо жесткие, либо шерстистые, нос вдавленный, а губы толстые. По мере приближения к Азии эти критерии снижаются; араб более светлый, лучше сложен и прямоволосый, чем нубиец, а перс - в большей степени, чем араб. В Индостане, однако, цвет кожи становится глубже, и, заглянув в самые влажные и аллювиальные районы южного полуострова, мы обнаруживаем, что кожа у них такая же темная, как у африканцев, а волосы скорее хрустящие, чем прямые. Кроме того, тонкие овальные очертания и правильные черты лица, характерные для высокорослых индусов севера, становятся скудными, а губы толстеют, кожа грубеет, а черты лица становятся грубыми.

Далее мы попадаем на большой полуостров, на котором расположены королевства Ава и Сиам - Индо-Китайский или Трансгангетический полуостров. Во многих частях этого полуострова население снова чернеет; а на длинном узком полуострове Малакка *большая* часть пожилого населения была описана как *чернокожие*. На островах мы снова находим их; настолько много, что испанские власти называют их *негритосами* или *маленькими неграми*. В Новой Гвинее все черное, а в Австралии и на Земле Ван Демена - еще чернее. В Австралии волосы обычно прямые, а в первой и последней названных странах они вьются, хрустят или завиваются. Это роднит их с африканскими неграми, а их цвет - еще больше. Во всяком случае, мы говорим об австралийских *неграх* так же, как испанцы о филиппинских *негритосах*. Моральные характеристики связывают австралийца и негра во многом так же, как и физические. И те, и другие, по сравнению с европейцами, либо действительно не

обладают достаточными интеллектуальными способностями, либо (по крайней мере) сыграли незначительную роль в мировой истории. Таким образом, несколько популяций попали в класс *негров*. Естественна ли эта классификация?

Далее это будет проиллюстрировано. На крайних точках каждой из четвертей света мы находим популяции, которые во многих отношениях похожи друг на друга. В Северной Азии и Европе эскимосы, самоеды и лапландцы, терпимые к холоду полярного круга, характеризуются плоским лицом, низким ростом и широкой головой. В некоторых случаях контраст между ними и их ближайшими соседями с юга в этих отношениях просто поразителен. Норвежцы, соприкасающиеся с лапами, сильны и хорошо сложены; так же как и многие краснокожие индейцы, которые находятся перед эскимосами.

У мыса Доброй Надежды наблюдается нечто подобное. Хоттентот с южной оконечности Африки низкорослый, низкорослый и широколицый; настолько, что большинство писателей, описывая его, говорят, что в его телосложении монгольский тип, к которому принадлежит эскимос, - азиатский - вновь появляется в Африке. А его сосед кафр отличается от него так же, как финляндский житель от лапландца.

Mutatis mutandis, все это вновь появляется у мыса Горн; где патаговец внезапно меняется на фуэгийца.

Но мы в Европе благосклонны; наши конечности хорошо развиты, а кожа светлая. Пусть так: но есть авторы, которые, видя, насколько благосклонны к ним жители островов Тихого океана, и отмечая, насколько европейские черты цвета, размера и способности к совершенствованию, реальные или предполагаемые, вновь появляются у антиподов, объединяют полинезийца и англичанина в один класс.

И, возможно, так оно и есть, если судить по определенным характеристикам: если согласие в некоторых вопросах, по которым различаются промежуточные популяции, является основанием для создания групп, то фуэгийцы, эскимосы и готтентоты образуют один класс, а негры и австралийцы - другой. Но являются ли эти классы естественными? Это зависит от вопросов, которым подчиняется классификация. Если мы хотим узнать, насколько влажность и прохлада освежают цвет лица, насколько влажность и жара затемняют его, насколько горные высоты влияют на человеческий каркас, иными словами, насколько общие внешние условия развивают общие привычки и общие черты строения, ничто не может быть лучше, чем рассматриваемые группы.

Но измените задачу: пусть мы хотим узнать, как были заселены определенные области, какая популяция дала начало другой, как американцы попали в Америку, откуда англичане пришли в Англию, или любой вопрос, связанный с миграциями, родством и происхождением разновидностей нашего вида, и группы такого рода окажутся бесполезными. Они говорят нам о чем-то, но не о том, что мы хотим знать: ведь наш вопрос теперь касается крови, происхождения, родословной, родства. Сказать дознавателю, желающему вывести одну популяцию из другой, что некоторые отдаленные племена сходятся с обсуждаемой в определенных точках сходства, так же неуместно, как сказать адвокату в поисках ближайшего родственника умершего клиента, что, хотя вы не знаете о его родстве, вы можете найти человека, который очень похож на него внешне - факт достаточно хороший сам по себе, но не для цели; кроме (конечно) того, что само сходство предполагает родство - а оно может быть, а может и не быть.

Классы, сформированные независимо от происхождения, являются классами по *минералогическому* принципу, в то время как классы, сформированные с учетом того же

самого, являются классами по зоологическому принципу. Что необходимо для естественной истории человека? Первый - для *антропологии*, второй - для *этнологии*.

Но почему такой антагонизм? Возможно, эти два метода могут совпадать. Возможность этого была предвосхищена. Семейное сходство может, возможно, подтвердить семейную связь. Верно: в то же время каждый случай должен быть проверен по своим основаниям. Таким образом, следует ли объединить африканца с австралийцем или же эти два класса должны быть так же далеки друг от друга в этнологии, как и в географии, зависит от результатов специального исследования этой конкретной связи, реальной или предполагаемой. Достаточно сказать, что ни один из приведенных примеров не демонстрирует такой связи; хотя для ее объяснения было создано множество теорий - столь же ошибочных, сколь и смелых.

Итак, именно для этнологии больше всего нужна классификация - больше, чем для антропологии; так же как для зоологии нам нужны порядки и роды, а не для физиологии. В основе классификации лежат определенные отличительные черты, одни из которых физические, другие - моральные. Каждый из них подразделяется на группы. Существуют моральные и интеллектуальные феномены, которые не доказывают никаких отношений, просто потому, что они являются следствием общего уровня развития цивилизации. Что может быть проще, чем объединить все охотничьи, все рыболовные или все пастушеские племена и исключить из них всех, кто строил города, доил коров, сеял кукурузу или пахал землю? Общие условия определяют общие привычки.

Кроме того, многое, что на первый взгляд кажется определенным, конкретным и характерным, теряет свою ценность в качестве теста на этнологическое родство, когда мы изучаем семьи, в которых оно встречается. В далеких странах и в племенах, далеко отстоящих друг от друга, суеверия принимают общую форму, а верования, возникшие независимо друг от друга, выглядят так, как будто они были выведены из общего происхождения. Все это делает факты в том, что можно назвать естественной историей искусств или религии, легкими для сбора, но трудными для оценки; во многих случаях, действительно, мы погружаемся в редкую и возвышенную атмосферу метафизики. Что, если различные виды архитектуры, скульптуры, разновидности таких полезных искусств, как ткачество и кораблестроение, будут объясняться тем же принципом, который отличает гнездо воробья от гнезда ястреба или медоносной пчелы от осинового? Что, если в человеческом искусстве существуют различные *инстинкты*, как и в гнездовании птиц? Каким бы ни был факт, ясно, что такая доктрина должна изменить его интерпретацию. Разгадка этих сложностей - а они образуют gordien узел, который необходимо распутать, а не разрубить, - кроется в осторожной индукции от того, что мы знаем, к тому, чего мы не знаем; от несомненных различий, признаваемых существующими внутри несомненно родственных популяций, к более значительным, которые отличают более отдаленные друг от друга группы.

Этого было достаточно, чтобы указать на существование некоторых моральных качеств, которые на самом деле вообще не являются таковыми - по крайней мере, с точки зрения доказательства происхождения или принадлежности; а то, что физических качеств такого же рода столь же много, можно заключить из того, что уже было написано.

Именно эти элементы неопределенности, столь обильно перемешанные почти со всеми другими классами этнологических фактов, придают столь высокую ценность *языку* как инструменту исследования; поскольку, хотя две разные семьи человечества могут сходиться в том, что имеют кожу одного цвета или волосы одной текстуры, не будучи, таким образом,

связанными родственными узами, трудно представить себе, как они могут сходиться в том, что называют одни и те же объекты одним и тем же именем, не имея общности происхождения, или прямого или косвенного взаимодействия. Принадлежность или взаимодействие - одно из двух - демонстрирует языковое сообщество. Одно из них, исключая другое, оно *не* проявляет. Если бы это было так, оно имело бы большую ценность, чем сейчас. Тем не менее, оно указывает на одно из двух; и любой из этих фактов стоит искать.

Ценность языка была переоценена; в основном, конечно, филологами. И она была недооценена. Это делали анатомы и археологи, и, прежде всего, зоологи. Историк тоже не знает, как именно его оценить, когда его феномены сталкиваются с прямыми свидетельствами авторитетов; это главный инструмент в его собственной линии критики.

Его переоценивают, когда мы делаем сходство речи между двумя популяциями *абсолютным* доказательством связи по способу родства. Его переоценивают, когда говорят о *неизменности языков* и о том, что *языки никогда не умирают*. С другой стороны, его неоправданно принижают, когда дюйм или два разницы в росте, разница во вкусах в изобразительном искусстве, изменения в религиозных убеждениях или непропорциональное влияние на дела мира выставляются как знак различия между двумя племенами, говорящими на одном и том же языке и одинаковыми в других вопросах. Ошибки каждого рода широко распространены.

Постоянство языка как признака происхождения должно определяться, как и все остальное в том же роде, по индукции; и это говорит нам о том, что и утрата, и сохранение родного языка иллюстрируются замечательными примерами. Это говорит в обе стороны. В Сент-Доминго негры говорят по-французски, и это примечательный пример принятия иностранного языка. Но обстоятельства были своеобразными. *Один* язык не был заменен на другой, поскольку ни один из негритянских языков не преобладал. На самом деле произошло *смещение языков* - а это почти то же самое, что отсутствие языка вообще. Поэтому, когда французский стал языком хайтян, обычное препятствие в виде ранее существовавшего общего родного языка, упорно и патриотично сохраняемого, отсутствовало. Он вытеснил скорее неопределенную и противоречивую массу негритянских диалектов, чем какой-либо конкретный негритянский язык.

В южных районах Центральной Америки этнология неясна, особенно в республиках Сан-Сальвадор, Никарагуа и Коста-Рика. Однако если мы обратимся к рассказу полковника Галиндо о них, то найдем конкретное утверждение, что аборигены все еще существуют, и что их язык - *испанский*, а не какой-либо диалект местных индейцев. Поскольку подобные утверждения об исчезновении и замене оригинальных языков часто оказывались неверными, давайте предположим, что это завышенное утверждение, хотя у меня нет никаких определенных оснований считать его таковым. Пусть это и чрезмерное утверждение, но оно все же показывает, в каком направлении развиваются события, а именно - к господству европейского языка.

На границе Азии и Европы живет народ, племя или семья башкир. Их нынешний язык - турецкий. Однако считается, что первоначально он был родным языком венгерских маджаров.

Опять же, нынешний болгарский язык сродни русскому. Изначально это был диалект турок.

И наконец - поскольку я иллюстрирую, а не исчерпываю тему - в 1770 году в Карчаге в Венгрии умер старик по имени Варро, последний человек в Европе, который знал хотя бы

несколько слов на языке своей нации. Однако этот народ был и остается великим; не менее великим, чем древние турки-команы, часть которых вторглась в Европу в одиннадцатом веке, проникла до Венгрии, поселилась там как завоеватели, и сохранила свой язык до смерти этого самого Варро. Остальная часть народа осталась в Азии; и нынешние обитатели частей между Каспием и Аралом - их потомки. Языки могут быть утрачены, а один может быть вытеснен другим.

Древние этруски как отдельный самостоятельный народ исчезли: исчез и их язык, который, как мы знаем, был особенным. Однако этрусская кровь до сих пор течет в жилах флорентийцев и других итальянцев.

С другой стороны, упорство, с которым язык сопротивляется попыткам вытеснить его, не является чем-то обычным. Не отправляясь в Сибирь или Америку, великие *места обитания* распавшихся и разрозненных семей, мы можем найти примеры гораздо ближе к дому! На острове Мэн до сих пор сохранился родной манский язык, хотя доминирующие норманны и доминирующие англосаксы привнесли в него свои великие поглощающие языки. На Мальте рабочие говорят по-арабски, а вокруг них - итальянский, английский и лингва франка.

На западе Пиренеев говорят на языке, который не является ни французским, ни испанским; на нем говорят уже несколько веков - возможно, тысячелетий. Когда-то он был языком южной половины Франции и всей Испании. Это бискайский баскский язык.

Находясь в контакте с турками, с одной стороны, и греческими и славянскими языками - с другой, албанец в Албании до сих пор говорит на своем родном скипетарском.

Разумный филолог считает сходство языка сильным - очень сильным - доказательством *prima facie* в пользу общности происхождения.

Когда он подразумевает это, а когда просто обозначает коммерческое или социальное взаимодействие? Мы можем измерить феномены языков и представить результаты в виде цифр. Так, *процент* слов, общих для двух языков, может составлять 1, 2, 3, 4-98, 99 или любое промежуточное число. Но теперь следует применить максимум. *Ponderanda non pumeranda*. Мы спрашиваем, *какие* слова совпадают, а также *сколько* их? Когда совпадают названия таких предметов, как *огонь, вода, солнце, луна, звезда, рука, зуб, язык, нога* и т. д., мы делаем вывод, совершенно отличный от того, который вытекает из присутствия таких слов, как *ennui, fashion, quadrille, violin* и т. д. Здравый смысл отличает слова, которые могут быть заимствованы из одного языка в другой, от тех, которые изначально были общими для обоих.

В английском языке есть определенное количество французских слов, *то есть* слов, заимствованных у французов. Я не знаю ни процентного соотношения, ни времени, необходимого для их введения; но, поскольку я иллюстрирую тему, а не ищу конкретных результатов, это неважно. Продлите время и умножьте слова, помня, что первое можно делать бесконечно. Или, вместо этого, увеличьте количество точек соприкосновения между языками. Что за этим последует? Вскоре мы начинаем вспоминать знакомый набор иллюстраций; некоторые из них классические, а некоторые вульгарные: дельфийский корабль, который так часто чинили, что он сохранил лишь двусмысленную идентичность; нож горца с двумя новыми лезвиями и тремя новыми рукоятками; шелковые чулки сэра Джона Катлера, выродившиеся в камвольную ткань в результате штопки. Мы подошли к краю нового вопроса. Соответственно, мы должны идти медленно.

В английских словах *call-est*, *call-eth* (*call-s*) и *call-ed* мы имеем две части: первая - сам корень, вторая - признак *лица* или *времени*. То же самое происходит со словами *father-s*, *son-s* и т. д.; за исключением того, что *-s* обозначает *падеж*, и что он присоединен к субстантиву, а не к глаголу. Опять же, в слове *wis-er* мы имеем знак сравнительной степени; в слове *wis-est* - знак превосходной степени. Все это *инфлексии*. Если мы захотим, мы можем назвать их *инфлексивными* элементами; и это удобно, так как мы можем анализировать слова и противопоставлять различные их части: *например*, в *call-s call-* является радикальным, а *-s* - инфлексивным.

Ознакомившись с этим различием, мы можем теперь взять слово французского или немецкого происхождения - скажем, *fashion* или *waltz*. Каждое из них, конечно, иностранное. Тем не менее, будучи введенными в английский язык, они принимают английскую инфлексию. Поэтому мы говорим: *если я одеваюсь нелепо, это вина моды*; также: *я вальсирую, он вальсирует* и так далее. Таким образом, в этих конкретных словах инфлексивная часть была английской, даже когда радикал был иностранным. Это не единичный факт. Напротив, он достаточно распространен, чтобы быть обобщенным, так что *грамматической* части языка было присвоено постоянство, в котором было отказано *гlossарию* или *словарю*. Одно изменяется, другое постоянно; одно бессмертно, другое мимолетно; одно форма, другое материя.

Можно представить себе, что *гlossарий* и *грамматический* тест могут расходиться. Так было бы, если бы все наши английские глаголы стали французскими, но при этом сохранили бы свои английские инфлексии на *-ed*, *-s*, *-ing* и т. д. Так было бы, если бы все глаголы были похожи на *fashion*, а все субстантивы - на *quadrille*. Это крайний случай. Тем не менее, он иллюстрирует вопрос. Говорят, что некоторые индусские языки имеют девять десятых вокабул, общих с языком, называемым санскритом, но *не имеют* инфлексий; последние, в основном, тамульские. Что же тогда представляет собой сам язык? Этот вопрос разделяет филологов. Однако он иллюстрирует разницу между двумя тестами - *грамматическим* и *гlossарным*. Можно с уверенностью сказать, что первый из них является более постоянным.

Однако филологический метод исследования требует осторожности. Помимо терминов, которые один язык заимствует у другого и которые обозначают скорее взаимодействие, чем родство, есть еще два класса, не представляющих практически никакой этнологической ценности.

- 1. *Совпадения могут быть просто случайными*. Вероятность того, что они таковыми являются, входит в доктрину шансов. Математик может исследовать это: филолог просто находит *данные*. Ни то, ни другое не было сделано удовлетворительно, хотя это попытался сделать доктор Т. Янг.
- 2. *Совпадения могут иметь органическую связь*. Никто не скажет, что, поскольку два народа называют одну и ту же птицу *кукушкой*, этот термин был заимствован одним из них у другого или обоими из общего источника. Истинная причина была бы достаточно очевидна. Две популяции дали название по принципу подражания и имитировали один и тот же объект. *Сын* и *брат*, *сестра* и *дочь* - *если* эти термины совпадают, то, скорее всего, в основе лежит филологическое родство. Но разве то же самое можно сказать о *папе* и *маме*, идентичных в английском, карибском и, возможно, двадцати других языках? Нет. Они просто показывают, что младенцы разных стран начинают с одних и тех же звуков.

Именно в таких случаях - а каждый класс способен значительно расшириться - филология требует осторожности. Теперь возникает другой вопрос.

Чтобы быть действительной, классификация должна быть *реальной*, а не *номинальной* или *словесной*, не просто книжной. Семьи должны находиться в определенной степени родства. Это тоже можно проиллюстрировать. Человек хочет иметь родственника, которому он мог бы оставить свои деньги: он англичанин, и под родственником понимает не более дальнего, чем троюродный брат. Для него не имеет значения, признается ли в Шотландии *пятое* двоюродное родство. Он не нашел нужного ему родства; он просто нашел большую свободу действий, предоставленную этому термину. Мало какая оплошность принесла больше вреда, чем пренебрежение этим различием. Двадцать лет назад санскрит, славянские, греко-латинские и готские языки составляли один класс. Этот класс был назван индогерманским. Его западные границы находились в Германии, восточные - в Индостане. Кельты Уэльса, Корнуолла, Бретани, Ирландии, Шотландии и острова Мэн в него не входили. Не входила она и ни в одну другую группу. Они были везде или нигде - в любой степени изоляции. Доктор Причард взялся это исправить. Он сделал это - хорошо и успешно. Он показал, что, будучи далеко не изолированным, он связан с греческим, немецким и славянским через связь с санскритом, или (меняя выражение) с санскритом через славянский, немецкий и греческий - любой или все. Предполагалось, что родной язык, от которого произошли все эти языки, находится в Азии. Работа доктора Причарда называлась "Восточное происхождение кельтских народов". Сделало ли это кельтов индогерманцами? Предполагалось, что да. Более того, это изменило название класса, который теперь назывался, как и впоследствии, индоевропейским. Неудобно. Отношения были ошибочно приняты за отношения. Предыдущие языки были (скажем так) троюродными. Кельтский был четвертым или пятым. Что же получилось в результате? Не то чтобы нашелся новый троюродный брат, но семейный круг расширился.

Что же следует за этим? Фиксация доктором Причардом кельтского языка как члена одного клана с германским и т. д. стала дополнением к этнографической филологии, с которым пытались соперничать многие менее значимые исследователи; и стало распространенным убеждением - если не афишируемым, то действующим - что языки, столь же похожие на кельтский, как кельтский на германский, также являются индоевропейскими. Эта ставка была справедливой, чтобы затопить класс, заставить его оказаться слишком большим, чтобы сделать его не классом вообще. За ними последовали албанцы, баски, этруски, лапы и другие. Окраина созданной группы послужила ядром для новых скоплений. Странный язык Кавказа - иронский или осетинский - был отнесен Клапротом к индогерманским; и это на разумных основаниях, учитывая неустойчивое состояние критики. Между тем, грузинский, еще один язык тех же таинственных гор, нуждается в размещении. Он имеет несомненные осетинские или иронские черты. Но осетинский - или иронский - язык индоевропейский. Следовательно, и грузинский - тоже. Это великий подвиг; поскольку кавказские языки и кавказские черепа теперь согласны, оба имеют родство с Европой, как и должно быть. Но что, если иронский и грузинский языки наполовину китайские или тибетские, т.е. являются монослоговыми как по грамматике, так и по лексике? Если это так, то термин "индоевропейский" требует пересмотра; и не только это - принципы, на которых фиксируются термины и создаются классы, также нуждаются в пересмотре. В то же время "Восточное происхождение кельтских народов" содержит наиболее определенное дополнение к филологии, которое произвел нынешний век; и надлежащим комплиментом ему является рецензия мистера Гарнетта на него в "Quarterly"; это первый из серии мастерских и непревзойденных образцов индуктивной филологии, примененной к исследованию истинной природы инфлексий глагола. Но это эпизодический случай.

Следующий инструмент этнологической критики следует искать в самих феноменах рассеяния и распространения нашего вида.

Во-первых, в отношении его универсальности. В этом отношении мы должны тщательно изучить вопрос, прежде чем найдем места, где человека *нет*. Если мы их вообще найдем, они будут находиться в одном из двух условий: климат будет экстремальным или изоляция чрезмерной. В качестве примера первого мы возьмем Полюс; что касается Антарктического круга, то мы не найдем ни одного жителя в скованных льдом регионах, которые были бы немногочисленны и далеки друг от друга; ни одного к югу от 55° южной широты, или оконечности Огненной Земли. Однако этот район заселен. Однако не стоит забывать, что в Южном океане такие регионы, как Новые Южные Шетландские острова и Земля Виктории, изолированы, а также холодны и замерзли.

Северный полюс, однако, должен быть приближен на 25°, прежде чем мы потеряем человека из виду или обнаружим, что он исключен даже из числа постоянных обитателей. Шпицберген находится за пределами обитаемости человека. Нова-Зембла, когда ее впервые открыли, тоже была необитаема. Как и Исландия. Однако здесь причиной тому стала изолированность *острова*. Выносливые люди, почти родственные нам, населяют его с девятого века, а *континентальная* Гренландия заселена вплоть до 75-го градуса - хотя, возможно, только в качестве летней резиденции.

Далеко к востоку от Новой Земблы и напротив страны юахири - выносливого народа, живущего на реках Колыма и Индигирка и находящегося за полярным кругом, - лежит остров Новая Сибирь. Из книги Врангеля "Путешествия по Сибири" я узнал, что некоторые изгнанные юахири, как полагают, бежали туда. Живы ли они или умерли? Добрались ли они до острова? Если они добрались и сохранили тело и душу, то Новая Сибирь, вероятно, является самой северной точкой обитаемого мира.

Насколько *холодной* должна быть страна, чтобы в ней не было людей, мы уже видели. Таких мест очень мало. Ни одна из них не является слишком *жаркой* - разве что центр Экваториальной Африки мы считаем одиночеством.

В Южной Америке на Картах есть большой пробел. На многие градусы по обе стороны от Верхних Амазонок лежит обширная территория - говорят, что это джунгли - и обозначается *Сирионос*, название пограничного населения. Однако ни на минуту не предполагается, что *сирионы* заполнят этот обширный промежуток. В то же время их мало, а то и вовсе нет. Является ли этот участок унылой бесчеловечной пустыней? Говорят, что это так - сырость, лес и гнетущий малярийный воздух. Но это лишь означает, что здесь есть лес и болото определенной величины и степени непроходимости.

Другие подобные территории не исследованы, но мы предполагаем, что они заняты, хотя и очень слабо: *например*, внутренние районы Новой Гвинеи и Австралии.

То, что Гренландия была известна первым исландцам, хорошо известно. И то, что она была занята, когда о ней впервые узнали, также не вызывает сомнений. Одна из географических местностей, упомянутых в старой саге, имеет эскимосское слово для одного из своих элементов - *Utibuks-firth = the firth of the isthmus*; *Utibuk* на эскимосском означает *перешеек*.

Из островов, изначально необитаемых, те, которые одновременно являются большими и близкими к континентам, - это Мадейра и Исландия, первый из которых представляет собой одинокий лес. Канары, хотя они меньше и более изолированы, были заселены замечательной семьей гуанчей. Добавьте к ним острова Вознесения, Святой Елены, Галапагосские острова, остров Кергелен и некоторые другие.

Остров Пасхи, пятнышко в огромном Тихом океане, расположенное более чем на полпути между Азией и Америкой, явил своим первым открывателям как жителей, так и руины.

Таково *горизонтальное* распределение человека, *то есть* его распределение по градусам широты. Какое еще животное имеет такой ареал? Какой вид? Какой род или порядок? Противопоставьте этому локализованные ареалы обитания орангутанга и шимпанзе как видов; приматов как родов; сумчатых как порядков.

Вертикальное распределение столь же широко. Под *вертикальным* я подразумеваю высоту над уровнем моря. На высокой плоскогорной земле Памера живут кергизы; по крайней мере, летом, где среди одомашненных животных только *як* живет и дышит в разреженной атмосфере. Город Кито находится на высоте более 10 000 футов над морем; Вальхерен, пожалуй, ниже его уровня.

Кто ожидает единообразия физиогномики или каркаса при таком распределении?

Размеры этнологических областей... Сравнительно говоря, Европа довольно равномерно разделена между европейскими семьями. Славянское население Богемии, Силезии, Польши, Сербии и России, возможно, имеет больше, чем положено, но французы, итальянцы, испанцы, португальцы и валлахи, все говорящие на языках классического происхождения, имеют свою долю; так же как и наша собственная германская или готическая семья, состоящая из англичан, голландцев, фризов, баварцев и скандинавов. Тем не менее, есть несколько семей, как ограниченных географически, так и менее значимых политически. Это эскальдунаки, или баски, - первоначально занимавшие всю Испанию и половину Франции, а теперь сгрудившиеся в уголке Пиренеев - валлийцы Пиренейского полуострова. Есть еще скипетарцы, или албанцы; они зажаты между Грецией, Турцией и Далмацией. Тем не менее, соответствующие территории европейских семейств распределены довольно равномерно, а земля Европы похожа на лотерею, где все призы имеют ощутимую ценность.

Сравнение с Азией подтверждает это. В непосредственном контакте с огромным турецким населением, сосредоточенным в Независимой Тартарии, но распространенным на территории, простирающейся, более или менее непрерывно, от Африки до Ледовитого моря (территория, превышающая всю Европу), находятся племена Кавказа - грузины, черкесы, лесги, мизджеи и ироны; пять четко определенных групп, каждая из которых делится на подчиненные подразделения, а некоторые из них - на подподразделения. На Лене понимают константинопольский язык. В горном массиве между Каспийским и Черным морями взаимно неразборчивых языков не менее пятнадцати - возможно, больше, но точно не меньше. Итак, протяженность территории, занимаемой семьей тюрков, показывает, каких размеров может достигать этнологическая область; в то время как множественность неразборчивых языков Кавказа показывает, насколько тесно могут быть упакованы семьи. Их географическое соседство подчеркивает контраст.

На первый взгляд, этот контраст кажется удивительным. Однако это далеко не так, он встречается постоянно. В Китае язык един и неделим: на его юго-западной границе языки исчисляются дюжинами - как если бы в Йоркшире был один провинциальный диалект, в Линкольншире - два, а в Ратленде - двадцать.

Такой же контраст наблюдается и в Северной Америке. В Канаде и северных штатах территория алгонкинов измеряется градусами широты и долготы, в Луизиане и Алабаме - милями.

То же самое в Южной Америке. Один язык - гуарани - занимает половину континента. В других местах на десятую часть приходится десяток языков.

То же самое на юге Африки. От Линии до окрестностей Капской провинции все говорят на кафрском. Между Гамбией и Габунум насчитывается более двадцати различных языков.

То же самое на севере. Берберы простираются от долины Нила до Канарских островов, а от Средиземноморья до районов около Борнео. Говорят, что на Борнео существует тридцать различных языков.

Таковы области по размеру и по отношению друг к другу; подобно епископствам и кураторствам нашей церкви, большие и малые, с трудом поддающиеся определению среднего. Однако простые эпитеты "*великий*" и "*малый*" наводят на размышления, поскольку первый подразумевает *наступление*, а второй - *отступление* населения.

Распределение по континентам - это одно, распределение по островам - другое. Первое легче всего осуществить, когда мир еще молод и прежние обитатели не создают препятствий. Второе предполагает наличие морского мастерства и предприимчивости, а морское мастерство совершенствуется с опытом человечества. Один из величайших фактов этнологического распределения и рассеяния относится именно к этому классу. Все острова Тихого океана заселены представителями одного рода, или семьи, - полинезийцами. Их мы находим на севере до Сандвичевых островов, на юге до Новой Зеландии, а на острове Пасхи - на полпути между Азией и Америкой. Вот и все о *дисперсии*. Но это еще не все: *распределение* не менее примечательно. Мадагаскар - африканский, а не азиатский остров; он находится в пределах легкого плавания от Африки; это именно тот остров, который подходит для африканского населения. Тем не менее, этнологически он является азиатским - та же самая семья, которую мы находим на Суматре, Борнео, Молуккских островах, Марианских островах, Каролинах и Полинезии, также является малагасийской.

Контраст между смежными популяциями. Этнологическое сходство ни в коем случае не совпадает с географической смежностью. Общий характер приполярных семей, живущих за полярным кругом, - лапландский, самодийский и эскимосский. Однако зона населения, опоясывающая негостеприимные берега Полярного моря, не является исключительно лапландской или самодийской, но и не эскимосской. В Европе лапландец находит контраст с каждой стороны. На западе - норвежец, на востоке - финн. Это можно объяснить. Первый - недавний житель, не природный, а вторгшийся. Это следует из южного распространения других членов его семьи - датчан, немцев, голландцев, англичан и американцев. По той же причине исландец отличается от гренландца. Финляндский житель, хотя и более тесно связан с лапландцем, чем норвежец, принадлежащий к той же великой угорской семье человечества, все же является южным членом своей семьи; семьи, продолжение которой простирается до Нижней Волги, и продолжения которой встречаются в Венгрии. К востоку от Финляндского залива русский вытесняет типично циркумполярного самодийца; в то время как в устье Лены мы имеем якутов - тюрков по крови, языку и, в некоторой степени, по форме.

В Америке приполярное население в целом является эскимосским. Однако в одном месте даже край арктического побережья занят населением, состоящим из высоких, прекрасных атлетов, шести футов ростом, хорошо сложенных и красивых на вид. Это индейцы диготи, называемые также луше. Их местонахождение - устье реки Маккензи; но их язык показывает,

что их происхождение находится дальше на юге - то *есть* они являются колучами в пределах эскимосской области.

На юге Африки хоттентоты находятся в географической близости от кафров, но контраст между ними значительный. Подобные примеры многочисленны. Что они обозначают? Как правило, но не всегда, они обозначают вторжение и вытеснение; вторжение, которое говорит нам о том, какая из двух семей была сильнее, и вытеснение, которое имеет следующий эффект. Оно стирает те промежуточные и переходные формы, которые соединяют разновидности, и таким образом приводит более крайние случаи различий в географический контакт и в этнологический контраст; поэтому *вторжение, вытеснение и стирание переходных форм* - термины, необходимые для полного применения феноменов распределения в качестве инструмента этнологической критики.

В Сибири есть две изолированные популяции - якуты на нижней Лене и сойоты на верхней Енисее. Первые, как уже говорилось, тюрки; но они окружены другими народами, кроме тюрков. Они отрезаны от остального населения.

Сойоты также окружены чужим населением. Их истинные родственники - самодийцы Ледяного моря; но между этими двумя ветвями существует разнородное население тюрков и так называемых енезийцев.

Великая американская семья ирокезов разделена на две части - северную и южную. Между ними находятся некоторые представители класса алгонкинов. Как и сойоты, и северные самодийцы, эти две ветви ирокезов разделены.

Маджары Венгрии полностью окружены невенгерским населением, а их ближайшими родственниками являются вогулы Уральских гор, расположенных далеко на северо-востоке от Москвы.

Это показывает, что этнологические области могут быть либо непрерывными, либо прерывистыми; непрерывными или прерывистыми; непрерывными или с изолированными фрагментами; и небольшое рассмотрение покажет, что *везде, где есть изоляция, есть и перемещение*. Поднялась ли суша или наступило море - это уже другой вопрос. Мы знаем, почему Маджиары стоят отдельно от других угорских народов. Они вторглись в Европу в течение исторического периода, прорубая себе путь мечом; и части между ними и их ближайшими родственниками никогда не были более маджарскими, чем в настоящее время.

Но мы не знаем ничего подобного об ирокезах; и делаем вывод о совершенно противоположном. Мы считаем, что когда-то они владели всей страной, которая сейчас разделяет две их ветви, и еще очень многим другим. Но алгонкины вторглись туда; частично лишив их владений, а частично оставив их в оккупации.

Однако в любом случае произошло *вытеснение*, а вытеснение является следствием *прерывистости*.

Но мы должны помнить, что настоящая прерывистость может существовать только на *континентах*. Население двух *островов* может быть одинаковым, в то время как население целого архипелага, лежащего между ними, может различаться. И все же это не прерывистость, поскольку море - непрерывная цепь, и препятствие можно не пересекать, а обойти под парусом. Ближайший путь от континента Азия к Таитянскому архипелагу - ближайшей части Полинезии - лежит *через* Новую Гвинею, Новую Ирландию и Новые

Гебриды. Все эти острова, однако, населены другой частью океанического населения. Свидетельствует ли это о перемещении? Нет! Это просто предполагает Филиппины, Пелевы, Каролинские острова, группы Ралика и Радака, а также острова Мореплавателей в качестве маршрута; и почти наверняка так оно и было.

ССЫЛКА

[10] Милль (т. ii.), говоря о смежной теме "Нравственная история человека".

ГЛАВА IV.

Детали распределения - их условный характер - конвергенция от окружности к центру - фуэгийцы; патагонцы, пампа, и индейцы Чако - перуанцы - персонажи Д'Орбиньи - другие индейцы Южной Америки - миссии Гвианы - Венесуэлы - гуарани - карибы - Центральная Америка - мексиканская цивилизация не является изолированным феноменом - североамериканские индейцы - эскимосы - очевидные возражения против их связи с американцами и азиатами - тасманийцы - австралийцы - *Rapuás* - полинезийцы - микронезийцы - малагасийцы - готтентоты - кафры - негры - берберы - абиссинцы - копты - семитская семья - первичные и вторичные миграции.

Если бы обитаемый мир представлял собой один большой круглый остров; если бы считалось, что его население рассеялось по его поверхности из какой-то одной точки; и если бы эта одна точка была в одно и то же время неопределенной и требующей исследования, каков был бы метод наших расспросов? Я полагаю, что история и традиция молчат, и что отсутствие других *данных* того же рода заставляет нас опираться на общие вероятности и большое количество *априорных* аргументов.

Мы должны спросить, какая точка даст нам существующие феномены с наименьшим количеством миграций; и мы должны спросить об этом, руководствуясь простым принципом - не умножать причины без необходимости. Ответ будет таким - *центр*. Из центра мы можем перемещать части по окружности, не делая ни одной линии миграции длиннее половины диаметра; и не предполагая, что одна из таких многочисленных линий длиннее другой. Последнее - главный момент, который особенно привязывает нас к центру как гипотетическому месту рождения; поскольку, как только мы говорим, что какая-либо часть окружности была достигнута более короткой или более длинной линией, чем любая другая, мы делаем конкретное утверждение, требующее конкретных аргументов для его поддержки. Они могут существовать, а могут и не существовать. Однако до тех пор, пока они не будут приведены, мы применяем правило *de non apparentibus* и т. д. и придерживаемся нашей условной и предварительной точки в центре, помня, конечно, о ее временном и условном характере и признавая ее существование только до тех пор, пока продолжается поиск чего-то более реального и определенного.

На Земле, как она есть, мы можем сделать нечто подобное: взять шесть крайних точек в качестве отправной точки и исследовать, насколько они *сходятся*. Эти шесть точек следующие:.

- 1. Огненная Земля.
- 2. Тасмания (Земля Ван Демена).
- 3. Остров Пасхи - самая дальняя оконечность Полинезии.
- 4. Мыс Доброй Надежды, или страна саабов (готтентотов).

- 5. Лапландия.
- 6. Ирландия.

От них через Америку, Австралию, Полинезию, Африку и Европу мы переходим к Азии, в какой-то части которой находится наш *условный, предварительный и гипотетический центр*.

I. *От Огненной Земли до северо-восточных районов Азии.* Фуэгийцы острова так редко отделялись от патагонцев континента, что в этом отдаленном районе нет признанных элементов неопределенности. Морские привычки связывают их с северными соседями на западе; а тот длинный лабиринт архипелагов, который тянется до южной границы Чили, в равной степени является фуэгийским и патагонским. Здесь нам вспоминаются привычки некоторых малайских племен, под совсем другим небом и среди островков около Сингапоре - баджоу, или морских цыган, лодочников, чей дом находится на воде и так же неподвижен, как эта стихия; странники, переходящие от одной группы к другой; рыбаки, а не торговцы; недостаточно сильные, чтобы быть пиратами, и недостаточно трудолюбивые, чтобы быть земледельцами. То мастерство, которое фуэгиец вообще проявляет, он демонстрирует в своем каноэ, веслах, копьях, луке, пращах и домашней архитектуре. Все они грубы - тетивы луков сделаны исключительно из сухожилий животных, стрелы с каменными наконечниками. Деревя мало, металла еще меньше; и, несмотря на низкие широты, одежда или раздевание, как говорят, ближе к абсолютной нагоде, чем во многих межтропических странах.

По размерам они не дотягивают до континентальных патагонцев, но по цвету кожи и физическому строению очень близки к ним. Одинаково широкое и приплюснутое лицо встречается у обоих, напоминая одним авторам эскимосов, другим - чинуков. Их язык, безусловно, относится к патагонскому классу, хотя, вероятно, непонятен для патагонца.

Внутри самого острова есть различия; степени дискомфорта; степени воздействия на организм. На восточной оконечности^[11] население носит шкуры сухопутных животных и выглядит скорее как охотники, чем как рыбаки и тюлени. В остальном, как правило, фуэгийцы - *лодочники*.

Но не таковы их ближайшие родственники. Все они всадники, причем в своих более северных местах обитания самые грозные в мире - патагонцы значительного, но преувеличенного роста, индейцы пампы между Буэнос-Айресом и южными Андами, и, выше, индейцы чакко водной системы реки Плата. К ним следует добавить еще два семейства - одно на Тихом океане, другое на Атлантике - арауканы в Чили и чарруа в низовьях Ла-Платы.

За исключением труднодоступных высот Анд в Чили и, как уже говорилось выше, острова Огненная Земля, все эти народы характеризуются одними и теми же конными повадками, а также неукротимой и дикой независимостью. Из индейцев Чакко тонокоте частично осели и несовершенно христианизированы, но абипонианцы - настоящие кентавры в своем страстном конном поведении, мбокоби, матагуайос и другие - в настоящее время являются предметом страха для испанцев. Соппротивление арауканов в Чили придало эпический^[12] стране их завоевателей.

У чарруа каждый мужчина был воином; самостоятельным, сильным и жестоким; с рукой против испанца и с рукой против других аборигенов. Многие из них они истребили, и, будучи слишком гордыми, чтобы вступать в конфедерации, всегда сражались в одиночку. В 1831 году президент Урагуа приказал полностью уничтожить их, и они были вырублены под корень; в живых осталось лишь несколько человек.

За вычетом фуэгианцев это разделение в высшей степени естественно; однако фуэгианцы не могут быть от него отделены. В доказательство того, что физические различия невелики, я приведу описание натуралиста Д'Орбиньи, который их разделяет. Очевидно, что они лежат в пределах небольшого компаса.

- *а. Арауканская ветвь андо-перуанцев.* Цвет светло-оливковый; форма массивная; туловище несколько непропорционально длинное; лицо почти круглое; нос короткий и плоский; губы тонкие; физиономия мрачная, холодная.
- *б. Пампа - ветвь индейцев пампа.* Цвет темно-оливково-коричневый, или бордовый; форма геркулесовая; лоб сводчатый; лицо большое, плоское, продолговатое; нос короткий; ноздри большие; рот широкий; губы большие; глаза горизонтальные; физиономия холодная, часто дикая.

Д'Орбиньи - писатель, отнюдь не склонный недооценивать различия. Тем не менее он помещает *перуанцев* и арауканцев в одно и то же первичное деление. Это показывает, что, если их объединяют другие признаки, то физиогномика не свидетельствует против их родства. Я думаю, что некоторые другие признаки *действительно* связывают их - особенно язык. В то же время нельзя отрицать важных контрастов. Цивилизация Перу не имеет аналогов за пределами тропиков; и если мы хотим рассматривать ее как феномен *как таковой*, как результат инстинкта, столь же отличного от инстинктов чарруа, как архитектурные импульсы пчелы и шершня, широкие и прочные должны быть наши демаркационные линии. Однако таких линий провести невозможно. Несомненно, представители племени кичуа перуанских инков (архитекторов и завоевателей, какими была эта ветвь) являются обычными индейцами, как и аймара. Да и современные перуанцы, если сравнивать их с предками, относятся к той же категории. Нынешние обитатели районов Титикака и Тиагуанако удивляются окружающим их руинам и признаются в своей неспособности соперничать с ними так же, как современный грек думает о фидийском Юпитере и отчаивается. И снова разрыв объясним - ведь большинство из тех промежуточных популяций, которые могли проявить переходные черты, либо вымерли, либо денационализировались. Между перуанцами и арауканами остались только атакамы и чанго, численность которых не превышает 10 000 человек и о которых мало что известно.

Тем не менее, от 28° южной широты до экватора нас ожидает однозначно родственная перуанцам популяция. Ее единство внутри себя не вызывает сомнений, а ее контраст с ближайшими семьями не больше, чем перемещения, которые произошли вокруг, и наше собственное невежество в отношении частей, находящихся в контакте с ней.

Из всех популяций мира перуанцы наиболее *вертикальны* в своем направлении. Его линия проходит по северу и югу, а ширина невелика. С одной стороны - Тихий океан, с другой - Анды. Один из них - почти такой же определенный предел, как и другой. Когда мы пересекаем Кордильеры, перуанский тип меняется.

Перуанцы лежат между тропиками. Они пересекают экватор. Одна из их республик - Эквадор - даже получила свое название от меридиана. Но они также являются горами, и, хотя их солнце - африканское, их почва - гималайская. Таким образом, их местность представляет собой конфликт, баланс или антагонизм климатических влияний, а градусы высоты противоположны градусам широты.

Кроме того, *линия их миграции проходит под прямым углом к экваториальной параллели*, то есть, если мы предположим, что они пришли из Северной Америки. Это объясняется следующим образом: город Кито находится примерно на таком же расстоянии от Мексики на

севере, как и от Французской Гвианы на западе. Теперь, если мы предположим, что линия миграции достигла Перу из последней страны, пра-пра-предки перуанцев были бы людьми, как межтропический, как и они сами, и влияние климата будет совпадать с влиянием происхождения; в то время как если это была Северная Америка, из которой они происходят, их предки соответствующего поколения будут представлять эффект климата на двадцать пять градусов дальше на север - эти, в свою очередь, будучи спущены от обитателей умеренной, а они от тех из фригидной зоны. Полное значение связи линий миграции, реальных или гипотетических, с градусами широты еще предстоит оценить в должной мере. Говорить, что последние не имеют никакого значения, потому что межтропический индеец Южной Америки не такой черный, как негр, - значит сравнивать вещи, которые похожи друг на друга только в одном отношении.

Именно в Перу древние погребальные останки усложнили этнологию. Череп из древних захоронений чрезвычайно уплощены. Считайте это естественным, и у вас есть веские основания для признания нового вида рода *Ното*. Но правомерно ли это делать? Я думаю, что нет. То, что практика уплощения головы младенцев была когда-то столь же распространена в Перу, как и во многих других частях Северной и Южной Америки в настоящее время, хорошо известно. Тогда почему бы не объяснить древнее уплощение таким образом? Я считаю, что авторы, которые не решаются это сделать, должны взять на себя трудную задачу доказать отрицательный результат: в противном случае они умножают причины без необходимости.

Две огромные группы занимают столь значительную часть Южной Америки, что, хотя они и не находятся в непосредственном географическом контакте с перуанцами, их необходимо упомянуть здесь по порядку. Они упоминаются сейчас для того, чтобы мы могли рассмотреть *другие и более мелкие* семьи. Эти две большие группы - гуарани и карибы, а классы, о которых пойдет речь, следующие.

Остальные южноамериканцы, которые не являются ни карибами, ни гуарани. Это деление искусственное, основанное на отрицательном характере, и оно скорее географическое, чем этнологическое. Первая ветвь его - та, которую д'Орбиньи называет *антисианской*, и которую он сразу же соединяет с собственно перуанцами; обе они являются членами того первичного подразделения, к которому он относит арауканов - арауканы являются третьей ветвью *андо-перуанцев*; две другие - это...

- *a. Перуанская ветвь.* Цвет темно-оливково-коричневый; форма массивная; туловище длинное в пропорции к конечностям; лоб отступающий; нос аквилинный; рот большой; физиономия мрачная: перуанцы аймара и кичуа.
- *b.* Цвет от насыщенного оливкового до почти белого; форма не массивная; лоб не отступает; физиономия живая, мягкая: юракарес, моцетенес, таканас, маропа и аполистас.

Юракарес, моцетенес, таканас, маропас и аполистас - *антисиены*; их местонахождение - восточные склоны Анд[13], между 15° и 18° южной широты. Здесь они живут в густо заросшей лесом стране, полной горных потоков и соответствующих им долин. По крайней мере, одна их часть настолько светлее перуанцев, что получила свое название от цвета кожи - *юрак-каре* = *белый человек*.

К западу от антисианцев живут индейцы *миссий* Чикито и Моксос, названные так потому, что они были заселены и христианизированы. Физические характеристики этих индейцев также

принадлежат д'Орбиньи. Однако это подразделение он помещает в одну группу с патагонцами.

- а. Цвет светло-оливковый; форма умеренно крепкая; рот умеренный; губы тонкие; черты лица тонкие; физиономия живая:- Индейцы Миссии Чикитос.
- б. *Ветка Моксос*.- Форма крепкая; губы толстые; глаза не узкие; физиономия мягкая:- Индейцы Миссии Моксос.

И теперь мы находимся в великой водной системе Амазонки; с объединенным воздействием тепла и влаги. Они не такие, как в Африке. Здесь нет негров. Кожа в некоторых случаях желтая, а не коричневая, в некоторых - с красным оттенком. Рост тоже низкий, не такой, как у негров, - высокий и объемный. Очевидно, что тепло - это еще не все; оно может иметь межтропическую интенсивность и не обязательно влиять на цвет кожи в определенной степени. Что касается различий между физическими условиями Бразилии и Гвианы, с одной стороны, и стран, которые мы рассматривали, с другой, то они очень важны. Состояние почвы и климат определяют сельское хозяйство. Это дает нам контраст с индейцами Пампы; в то время как в отношении перуанцев больше нет Анд с их сопутствующими факторами, нет разнообразия климата в пределах одной широты, изобилия строительных материалов и отсутствия рек. Лодочники, земледельцы и лесорубы, то есть охотники на лес, а не на открытую прерию - вот те семьи, о которых идет речь. На группы, имеющие *небольшую* классификационную ценность, они делятся и подразделяются неопределенно больше, чем предполагают немногие исследователи; действительно, Д'Орбиньи объединяет их всех в один класс.

Племена Ориноко составляют последний раздел индейцев, которые не являются ни гуарани, ни карибами; и это краткое описание их существования расчищает почву для более полного рассказа о следующих двух семьях.

Одни только *гуарани* занимают больше земли, чем все остальные племена между Амазонками, Андами и Ла-Платой, вместе взятые: но нет уверенности, что их территория непрерывна. В боливийской провинции Санта-Крус-де-ла-Сьерра, соприкасаясь с индейцами миссий и Чако, мы находим чиригуано и гуарайос - и это гуарани. Далее на север до экватора и до реки Напо на перуанской границе мы находим плоскоголовых омагуа, плавучих мореплавателей (так сказать) амазонок; и это тоже гуарани.

Однако основная часть населения - бразильцы; действительно, *бразильцы* и *гуарани* иногда используются как синонимы. Однако есть и другие гуарани в Буэнос-Айресе; есть гуарани на границах Гвианы; есть гуарани у подножия Анд. Но среди огромного моря гуарани фрагменты других семейств выделяются как острова, и это позволяет предположить, что данное семейство было агрессивным и интрузивным, произвело вытеснение и вытеснило ряд переходных разновидностей.

По величине своей территории *карибы* приближаются к гуарани, но не превосходят их. Этот находится в основном в Гвиане и Венесуэле. Основное население Тринидада - карибы, Антильских островов - карибы. Карибы, перуанцы инков, всадники Пампы и лодочники Фуэги представляют собой четыре крайних группы населения Южной Америки.

В некоторых бразильских племенах встречается косой глаз китайцев и монголов.

Чтобы показать, в какой степени множество малых семей может не только существовать, но и существовать по соседству с большими этнологическими областями, я перечислю те племена Миссии, Бразилии, Гвианы и Венесуэлы, словари которых были изучены, и языки

которых, как полагают, либо на основании сравнения образцов, либо на основании прямых доказательств, являются взаимно непереводаемыми; полагая, что различия скорее преувеличены, чем недооценены, и что число племен, не известных в отношении их языков, вероятно, так же велико, как и число известных.

А. Между Андами, Миссиями и 15' и 17' ю.ш. живут юракары, чей язык, как говорят, отличается от языков моцетенов, такана и аполистас настолько же, насколько они отличаются между собой.

В. В миссии приходят: 1. Моксосы. 2. Мовима. 3. Каювава. 4. Сапибокони - принадлежат к моксос. В Чикитосе: 1. Коварека. 2. Куруминака. 3. Курави. 4. Куруканека. 5. Корабека. 6. Самуку.

С. В Бразилии племена, кроме гуарани, у которых я видел словари, представляющие взаимно неразборчивые языки, следующие.

- 1. Ботокудо, самые свирепые каннибалы.
- 2. Гойтака, известные португальцам как *короадос* или *тонзура*.
- 3. Камакан с несколькими диалектами.
- 4. Кирири и сабуджа.
- 5. Тимбира.
- 6. Паречи, преобладающее население Мата-Гроссо.
- 7. Мундруку, на южном берегу Амазонки между реками Маухе и Табахос.
- 8. Муру.
- 9, 10, 11. Ямео, Майна и Чимано между реками Мадера и Укаяле.
- 12. Корету, единственное из сорока племен, известных нам по словарю, для частей между левым берегом Амазонки и правым берегом Рио-Негро.

Д. О французской, испанской и голландской Гвианах я знаю очень мало. На *Британскую* Гвиану яркий свет бросили исследования сэра Р. Шомбургка. Здесь, помимо многочисленных хорошо заметных подразделений группы карибов, мы имеем...

- 1. Вароу, древолазы-лодочники - лодочники, потому что они занимают дельту Ориноко и низкое побережье Северной Гвианы, а древолазы - потому что наводнения загоняют их на деревья для ночлега. Физически варау похожи на своих соседей, но их язык не имеет классовой принадлежности, а своеобразные привычки резко отличают их от большинства других южноамериканцев. Они - болотные жители страны, которая одновременно является дельтой и лесом.
- 2. Тарума.
- 3. Ваписиана с атурай, даури и амарипас как вымершие или почти вымершие их части - численность всего четыреста человек.

Е. Венесуэла означает водную систему Ориноко, и здесь мы имеем взаимно неразборчивые языки: 1.

- 1. *Саливи*, частью которых являются атури - атури, известные по описанию Гумбольдтом их большой погребальной пещеры на катаракте Ориноко, где более шестисот тел хранились в плетеных мешках или корзинах - некоторые мумии, некоторые скелеты, некоторые покрытые лаком с пахучими смолами, некоторые окрашенные арнотто, некоторые отбеленные, некоторые голые. Этот обычай вновь

появился в некоторых районах Гвианы. Саливи подверглись значительному перемещению, поскольку есть все основания полагать, что на их языке когда-то говорили на Тринидаде.

- 2. *Майпуры*.
- 3. *Ачагуа*.
- 4. *Ярура*, с которыми союзничает *Бетои*; и, возможно...

Оттомака. Это *грязноеды*. Они набивают свой желудок негустой глиной, которую находят в своей стране; и это независимо от того, есть ли в изобилии или в недостатке пища лучшего сорта.

Различий здесь предостаточно; однако там, где есть различия в одних пунктах, так часто наблюдается согласие в других, что в настоящее время не признается никаких серьезных трудностей, которые могли бы помешать доктрине об особой связи южноамериканцев. Если они и возникают, то, как правило, это выводы либо из более высокой цивилизации древних перуанцев, либо из особенностей их черепов. Последний вариант уже рассматривался. Первый, похоже, ничем не отличается от черепов нескольких других американских семейств - муисков с Новой Гренады, мексиканцев и майя дальше на север. Но это может оказаться чересчур; ведь это может быть просто причиной для изоляции мексиканцев и т.д. Пусть будет так. На этом вопрос можно пока оставить в прошлом.

Теперь мы получили представление о двух классах явлений, которые будут появляться и повторяться в дальнейшем: о большой разнице в физических условиях таких областей, как Фуэгиан, Пампа, Перу и Вароу, и о контрасте между географическим распространением таких обширных групп, как гуарани, и небольших семей, таких как ваписиана, юракарес и более двадцати других.

Между Южной и Центральной Америкой существует огромный разрыв: нельзя с уверенностью сказать, что линия Анд (или Дарьенского перешейка) является единственной линией миграции. Не следует забывать и об островах, соединяющих Флориду и Каракку.

Аборигены Новой Гренады известны очень плохо. В Верагуа описано несколько небольших племен. В Коста-Рике все еще есть индейцы, но они говорят, полностью или в целом, на испанском языке. То же самое, вероятно, происходит и в Никарагуа. В индейцах Москито течет как негритянская, так и белая кровь, и они англазированы в отношении своей цивилизации - такой, какая она есть. Из жителей островов Вест-Индии не осталось никого, кроме темнокожих карибов Сент-Винсента. В Гуатимале вновь появляется перуанство, а архитектурные остатки свидетельствуют об индустриальном развитии - сельском хозяйстве и жизни в городах. Межтропические Анды обладают своим собственным искусством; по сути, одинаковы в Мексике и Перу; они лучше всего видны в этих двух странах, но ни в коем случае не отсутствуют в промежуточных районах; они примечательны во многих отношениях, но не более примечательны, чем существование трех климатов под одним градусом широты.

Мексика, как и Перу, была изолирована, причем по тому же принципу. Однако нельзя доказать, что египтяне Нового Света принадлежали исключительно к какой-то одной ветви его населения. В Гватимале и Юкатане, где руины не уступают руинам страны астеков^[14], говорят на языке майя, и предполагать, что их построили астеки, так же неразумно, как приписывать руины астеков майя. Неправомерно утверждать, что, поскольку определенные здания находились в пределах империи Монтесумы, они были астекскими по

происхождению или дизайну. Более двадцати других народов занимали это огромное царство; и в большинстве его частей, где много камня, мы находим архитектурные остатки.

Архитектура, города и консолидация империи, которую они определяют, проходят по линии Анд. Они также находятся в очевидном соотношении с сельскохозяйственными условиями почвы и климата. Привычки Чако и Пампы, которые так контрастировали с индустриальной цивилизацией Перу и так совпадали с характером открытых прерий страны, вновь появляются в Техасе. Они усиливаются в великой долине Миссисипи. Тем не менее индейцы Флориды, Каролины, Теннесси, Кентукки, Вирджинии и старых лесов были частично земледельческими. Они также были способны к политической консолидации. Поухаттан в Вирджинии управлял королями и подкоролями так же, как Монтесума. Картинное письмо, о котором много говорилось как о мексиканской особенности, с каждым днем становится все более распространенным среди индейцев Соединенных Штатов и Канады.

На аллювиальной почве курган заменяет пирамиду. Огромные могильные курганы в долине Миссисипи являются предметом одной из ценных работ [15] настоящего времени.

Натчезы, известные романисту по роману Шатобриана, известны этнологу как выдающиеся среди индейцев Миссисипи по своим мексиканским характеристикам. Они сплющивали голову, поклонялись солнцу, поддерживали неугасающий огонь, признавали кастовую систему и приносили человеческие жертвы. И все же отождествлять их с астеками, предполагая даже какое-то необычное взаимодействие, было бы небезопасно. Их традиции, действительно, наводят на мысль о миграции, но их язык противоречит их традициям. Они просто такие же, какими были другие коренные жители Флориды. В рассказах о ранних Аппалачах я вижу не более чем мексиканцев и перуанцев за вычетом их металлов, драгоценных камней и гор.

Другие общие сведения о Северной Америке относятся к Бразилии, Перу и Патагонии. Алгонкины имеют территорию, подобную гуарани, их береговая линия простирается только от Лабрадора до мыса Хаттерас. Ирокезы Нью-Йорка и Каролины - раздробленное и прерывистое население - свидетельствуют о вторжении и вытеснении; однако когда-то они занимали, возможно, такую же территорию, как и карибы. Сиу представляют племена Чако и Пампы. Их страна - охотничье угодье, и ее отношения к северному тропику и полярному кругу точно такие же, как отношения Чако и Пампы к южному и антарктическому.

Западная сторона Скалистых гор более мексиканская, чем восточная; так же как Чили более перуанская, чем Бразилия.

Я считаю, что если бы Тихоокеанское побережье Америки было открыто первым и описано наиболее полно, чтобы Русская Америка, Новая Каледония, Архипелаг Королевы Шарлотты и Нутка Саунд, были известны так же хорошо, как мы знаем Канаду и Нью-Брансуик, то никогда бы не возникло никаких сомнений или трудностей относительно происхождения так называемых краснокожих индейцев Нового Света; и никто бы никогда не рассуждал о том, что африканцы нашли путь в Бразилию, а полинезийцы - в Калифорнию. Здравый смысл *primâ facie* был бы принят сразу, а не частично доработан и частично отброшен. Северо-Восточная Азия стала бы родиной Северо-Западной Америки, и вместо того, чтобы китайские и японские черты вызывали удивление при обнаружении в Мексике и Перу, удивление вызывала бы только редкость этого явления. Но географические открытия пришли с другой стороны, и поскольку именно индейцы Атлантики, чья история впервые послужила пищей для спекуляций, наиболее естественный взгляд на происхождение американского населения был принят последним - возможно, его еще предстоит признать.

Причина всего этого кроется в следующем факте. Эскимосы, составляющие единственную семью, общую для Старого и Нового Света, представляют собой поразительный контраст с однозначно признанными американскими аборигенами Лабрадора, Ньюфаундленда, Канады, штатов Новой Англии, Нью-Йорка и других известных индейцев в целом. Размеры, манеры, физическое строение, язык - все это помогает разделить эти два вида. Но этот контраст распространяется только на части *к востоку* от Скалистых гор. К западу от них нет такой резкости, нет такой определенности, нет таких четких линий разграничения. Диалекты атабасков Новой Каледонии и Русской Америки заметно перемежаются эскимосскими словами, и *наоборот*. Так же как и язык колучей в районах, прилегающих к Новому Архангелу. Что касается замечательного диалекта под названием угаленты (или угиаляхмутси), на котором говорят несколько семей в районе горы Святого Ильи, то он носит поистине переходный характер. Кроме того, то, что относится к языкам, относится и к другим характеристикам.

Линии деления между эскимосами и неэскимосами Америки так же слабы на Тихоокеанском побережье, как и сильны на атлантической стороне континента.

Чем это объясняется? Феномен отнюдь не редок. Лапландец, сильно контрастирующий с норвежцем на западе, переходит в финляндца на востоке. Родство хоттентотов с кафрами уже было отмечено. Как и гипотеза, объясняющая его. Один род посягнул на другой, и переходные формы были вытеснены. В рассматриваемом нами конкретном случае наступающие племена алгонкинского класса потеснили эскимосов с юга; и так же, как нынешние норвежцы и шведы теперь занимают страну семьи, которая изначально была похожа на лапландских лап (но с более южными чертами), микмаки и другие краснокожие вытеснили более южных и переходных эскимосов. Между тем на *северо-западе* Америки такого вытеснения не произошло. Семьи все еще стоят на своих *местах*, а феномены переходного периода избежали стирания.

Подобно тому, как эскимосы превращаются в американских индейцев, они также переходят в население Северо-Восточной Азии - язык является тем инструментом, который в особенности использовал настоящий писатель для их идентификации. От полуострова Аляска до Алеутской цепи островов и от Алеутской цепи до Камчатки - вот вероятный путь миграции из Азии в Америку, прослеженный в обратном направлении, *то есть* от цели к началу, от окружности к центру.

Далее следуют две противоречивые линии. Алеуты могли быть либо камскадалами, либо жителями острова Курилы. В любом из этих языков достаточно лексики, чтобы оправдать любое из этих представлений. Но это всего лишь мелкий этнологический момент по сравнению с более широким, который только что предшествовал ему. Японское и корейское население настолько действительно относится к одному классу с жителями Курильских островов, а коряки к северу от Охотского моря настолько действительно камскадалы, что теперь мы можем считать, что приблизились к нашему условному центру настолько близко, что можем свободно оставить рассматриваемые части для рассмотрения другой части окружности - другой крайней точки расхождения.

II. *От Земли Ван Демена до юго-восточных районов Азии.* Аборигены Земли Ван Демена, удобно называемые тасманийцами, имеют все основания, если рассматривать их самих по себе, считать их представителями отдельного вида. Австралийцы находятся на достаточно низком уровне, чтобы удовлетворить самых преувеличенных художников, изображающих *состояние природы*; но тасманийцы, по-видимому, еще ниже. Из этого семейства осталось всего несколько семей - обитателей острова Флиндерс, куда их переселило правительство

Земли Ван Демена. И здесь их численность уменьшается, но от недостатка места или от междоусобных браков - сомнительно. Последствия ни того, ни другого не были достоверно изучены. От австралийцев они отличаются структурой волос - главным диагностическим признаком. Тасманийцы - шокоголовые, с завитыми, *вьющимися*, матовыми и смазанными локонами. Ни один из их диалектов не понятен ни одному австралийцу, а торговое взаимодействие между двумя островами, похоже, было незначительным или вообще отсутствовало. Короткие образцы четырех взаимно неразборчивых диалектов - это все, что я имел возможность сравнить. Они принадлежат к одному классу с австралийскими, новогвинейскими и папуасскими; и это все, что можно с уверенностью сказать о них.

Вопрос о том, попали ли тасманийцы на Землю Ван Демена из Южной Австралии, с Тимора или из Новой Каледонии, остается открытым - в последнем случае линия миграции *огибала* Австралию, а не тянулась *через* нее. Определенные моменты сходства между новокаледонским и тасманийским диалектами позволяют уточнить доктрину австралийского происхождения *primâ facie*, и текстура волос, насколько это вообще возможно, доказывает то же самое.

Австралия в корне и фундаментально является местом обитания одного народа; наибольшее различие между многочисленными племенами заключается в языке. Это всего лишь повторение филологических феноменов Америки. Более черное и грубое население Тимора представляет собой прапрапрародителей австралийцев; и именно с Тимора, по всей видимости, была заселена Австралия. У меня мало сомнений на этот счет. Сам Тимор связан с Малайским полуостровом линией темнокожих, грубых и фрагментарных популяций, которые можно найти в Омбае и Floris в настоящее время, и, как предполагается, существовали на Яве и Суматре до развития особой и вторгающейся цивилизации магометанских малайцев.

Именно на Малайском полуострове заканчивается еще одна линия миграции. От Новой Каледонии до Новой Гвинеи длинный ряд островов - Танна, Малликолло, Соломоновы острова и т. д. - занимает темнокожее население грубых папуасов, с тасманийскими, а не австралийскими волосами, *т. е.* с волосами вьющимися, хрустящими, завитыми или с копной на голове, а не прямыми, длинными или волнистыми. Они происходят из Новой Гвинеи; сама Новая Гвинея происходит от восточных Молуккских островов, *то есть* от их более темного населения. Они имеют то же происхождение, что и тиморцы, хотя линии миграции заметно отличаются. Одна из них идет из Молукк в Новую Каледонию через Новую Гвинею, другая - через Тимор в Австралию.

Обе эти миграции были ранними, раньше, чем заселение Полинезии. Это доказывает предыдущее заселение Австралии и Новой Гвинеи, а также большие различия между разными частями этих двух популяций.

III. Северная, южная и восточная оконечности Полинезии - Сандвичевы острова, Новая Зеландия и остров Пасхи соответственно. Население этих островов прибыло с различных островов большой группы, к которой они принадлежат; из них, вероятно, первыми были заселены острова Мореплавателей. Группы Радак, Ралик, Каролина и Пелеу соединяют эту группу с Филиппинами или Молуккскими островами; достигнув их, мы приходим к точке, где расходятся папуасская и полинезийская линии. Как папуасская линия пересекается или *огибает* Австралию, так и микронезийцы и полинезийцы образуют круг вокруг всей папуасской области.

Поскольку языки Полинезии и Микронезии отличаются друг от друга гораздо меньше, чем языки Новой Гвинеи, Папуасских островов и Австралии, отделение от материнской линии

произошло позже. Скорее всего, именно через Филиппины эта третья линия сходится к первоначальному и континентальному источнику всех трех языков. Это юго-восточная часть Азиатского континента, или Индо-Китайского полуострова.

Малайский язык Малайского полуострова - это язык с *наречиями*, в отличие от сиамского языка Сиам, который относится к тому же классу, что и китайский, и является односложным. Это дает нам удобную точку для остановки.

Подобным образом корейский и японский языки, с которыми мы прервали американскую линию миграции, были полисиллабическими; хотя китайский, с которым они вступили в географический контакт, был моносиллабическим.

Наиболее примечательным фактом, связанным с океаническим фондом, является наличие некоторого количества малайских и полинезийских слов в языке такого далекого острова, как Мадагаскар; остров не только удален от Малайского полуострова, но и *находится недалеко от* Мозамбикского побережья Африки - этнологической области, значительно отличающейся от малайской.

Какие бы выводы ни делались из этого факта - а на нем основано множество самых противоречивых мнений - его реальность не вызывает сомнений. Его признает мистер Кроуфорд, писатель, который больше других не склонен признавать океаническое происхождение малагасийцев, и объясняет это следующим образом: "Между ними лежит навигация в 3000 миль открытого моря^[16], и на большей его части преобладает сильный пассат. Путешествие от Индийских островов до Мадагаскара возможно, даже при грубом состоянии малайской навигации; но возвращение будет совершенно невозможным. Торговля, завоевания или колонизация, следовательно, совершенно исключены как средства передачи любой части малайского языка на Мадагаскар. Остается только один способ, с помощью которого это могло произойти - случайное прибытие к берегам Мадагаскара малайского *прауса*, гонимого бурей. Юго-восточный муссон, который является продолжением юго-восточного пассата, господствует от десятого градуса южной широты до экватора, его наибольшая сила ощущается в Яванском море, а его влияние охватывает западную половину острова Суматра. Этот ветер дует с апреля по октябрь, и восточный шторм в этот период может отбросить судно от берегов Суматры или Явы, чтобы сделать невозможным его возвращение. В такой ситуации у судна не останется другого выхода, кроме как повернуть против ветра и направиться к первой земле, к которой его направит случай, а этой первой землей может оказаться Мадагаскар. При попутном и сильном ветре, в котором она была уверена, она могла бы без труда добраться до этого острова за месяц. * * * Случайное прибытие на Мадагаскар потерпевшего кораблекрушение *прау*, конечно, не может быть достаточным для объяснения даже той малой доли малайского языка, которая встречается в Малагаси; но не следует наносить никакого ущерба нравам или истории малайцев, чтобы представить себе вероятность того, что пиратский флот или флот, совершающий одну из тех миграций, примеры которых имеются в записях, может быть занесен бурей, как одиночное *прау*. Такой флот, хорошо оснащенный, укомплектованный и укомплектованный людьми, был бы не только приспособлен для долгого и опасного плавания, но и достиг бы Мадагаскара в лучшем состоянии, чем рыбацкое или торговое судно. Не исключено, что именно благодаря одному или нескольким удачным приключениям такого рода язык Мадагаскара получил приток малайского".

В качестве дополнения к замечаниям г-на Кроуфорда я привожу следующий рассказ г-на М. Мартина: "Много случаев было, когда рабы на Маврикии садились ночью в каноэ или лодку и с калабасом воды и несколькими корнями маниока или кассады выходили в море и пытались

добраться до Мадагаскара или Африки через безбрежный и бурный океан. Конечно, обычно они погибают, но некоторым это удается. Примерно в ста милях от африканского побережья мы выбрали хлипкое каноэ, в котором находилось пять беглых рабов, один из которых умер на дне каноэ, а остальные почти обессилели. Они бежали от сурового французского хозяина на Сейшельских островах и пустились в плавание без компаса и ориентиров, с небольшим запасом воды и риса, полагаясь на свои рыболовные снасти. Ориентируясь по звездам, они почти достигли берега, с которого были похищены, когда природа обессилила, и мы успели вовремя, чтобы спасти четыре их жизни. Пока странники в поисках дома могли это делать, дни нумеровались зарубками на бортах каноэ, и двадцать один день был отмечен таким образом, когда их встретило наше судно".

Эти выдержки приведены для того, чтобы пролить свет на самую замечательную из известных океанических миграций - ведь миграция должна была быть, даже если она была столь частичной, как это делает мистер Кроуфорд; миграция, которая может сделать нынешних малагаси океаническими или нет, в зависимости от того, в каком состоянии они нашли остров к моменту своего прибытия. Если он уже был заселен, то переход через великий Индийский океан столь же примечателен, как если бы до этого момента его не трогала нога человека. Единственным дополнительным сюрпризом в этом случае будет контраст между африканцами, пропустившими остров так близко, и малайцами, открывшими его так далеко.

По отдельности я расхожусь с мистером Кроуфердом в отношении фактических различий между малайским и малагасийским языками, с колебаниями и уважением, вызванными его известными познаниями в первом из этих языков; но я все более и более безоговорочно расхожусь с ним в оценке их как признаков этнологического разделения; полагая, что эти два языка не только по существу принадлежат к одной семье, но что происхождение, кровь или родословная малагасийцев столь же океаничны, как и их язык.

IV. От мыса Доброй Надежды до юго-западных районов Азии. - Хоттентоты мыса имеют больше прав, чем другие представители рода человеческого, на то, чтобы считаться отдельным видом. Характерные черты, очевидно, различаются со всех сторон. В моральном плане хоттентоты грубы, в физическом - низкорослы и слабы. Во всех пунктах, где эскимос отличается от алгонкина, или лапа от фина, готтентот отступает от кафров. И все же кафр - его ближайший сосед. К обычным различиям добавились стеатомы на натах и особенности в репродуктивных органах.

Тем не менее, очень скудная подборка дает следующие филологические сходства; диалекты хоттентотов^[17] взяты с одной стороны, а другие африканские языки^[18] - с другой. Я предоставляю читателю самому судить о значении этой таблицы, добавляя лишь решительное выражение моего собственного убеждения, что данные совпадения слишком многочисленны, чтобы быть случайными, слишком мало ономастических, чтобы быть органическими, и слишком широко, а также нерегулярно распространены, чтобы их можно было объяснить предположением о взаимопроникновении или смешении.

Английский солнце.

Сааб t'koara.

Хоттентот sorre.

Корана сороб.

Агоу	квора.
Сомаули	гхурра.
Кру	гиро.
Канга	джиро.
Wawn	джирри.

Английский	язык.
Корана	тамма.
Бушмен	т'инн.
Fertit	тими.

Английский	шея.
Бушмен	т'кау.
Дарфур	киу.

Английский	рука.
Корана	Т'коам.
Шиллак	киам.

Английский	дерево.
Корана	пейкоа.
Бушмен	т'хауки.
Шиллак	юке.

Английский	гора.
Корана	теуб.
Фалаша	дуба.

Английский	ухо.
Корана	т'наум.
Буллом	паити.

Английский	звезда.
Корана	камброкоа.
Kossa	румбереки.

Английский	птица.
------------	--------

Бушмен	<i>т'канни.</i>
Мандинго	<i>куно.</i>

<i>Английский</i>	спать.
Корана	<i>t'kchom.</i>
Бушмен	<i>т'коинг.</i>
Сусу	<i>кима.</i>
Хаусса	<i>куана.</i>

<i>Английский</i>	огонь.
Корана	<i>тайб.</i>
Конго	<i>тубия.</i>
Сомаули	<i>даб.</i>
Бушмен	<i>т'джих.</i>
Fot	<i>диу.</i>
Ashantee	<i>ojia.</i>

<i>Английский</i>	шея.
Бушмен	<i>т'кау.</i>
Макуа	<i>чико.</i>

<i>Английский</i>	умереть.
Корана	<i>t'koo.</i>
Бушмен	<i>ткуки.</i>
Макуа	<i>осоа = мертвый.</i>

<i>Английский</i>	хорошо.
Корана	<i>т'каин.</i>
Бушмен	<i>тетейни.</i>
Макуа	<i>они-туни.</i>

<i>Английский</i>	нога.
Корана	<i>t'nah.</i>
Хоттентот	<i>t'noah.</i>
Макуа	<i>пуаhai.</i>

<i>Английский</i>	напиток.
-------------------	----------

Корана	<i>т'кчаа.</i>
Howssa	<i>ша.</i>

Английский	звезда.
Бушмен	<i>ткоати.</i>
Bagnon	<i>хоквуд.</i>
Fulah	<i>коде.</i>

Английский	ребенок.
Корана	<i>т'коб.</i>
Бушмен	<i>т'каткоанг.</i>
Bagnon	<i>колден.</i>
Тиммани	<i>калент.</i>
Буллом	<i>Тшант.</i>

Английский	дерево.
Бушмен	<i>т'ху.</i>
Сераколе и др.	<i>ите.</i>

Английский	нога.
Корана	<i>т'кеиб.</i>
Бушмен	<i>t'koah.</i>
Sereres	<i>акиаф.</i>
Вааг-агау	<i>цаб.</i>

Если мы не предполагаем, что Южная Африка была колыбелью человеческого рода, то население Капской провинции должно было быть продолжением населения Южного тропика, а сама тропическая семья изначально была экваториальной. Что из этого следует? Даже это - что те потоки населения, на которые действовали почва, климат и другие физические влияния Южной Африки, сами подверглись межтропическому и экваториальному влиянию негритянских стран. Следовательно, человеческий фонд, на который должны были действовать физические условия, был столь же своеобразен, как и сами эти условия. В таком же затруднительном положении оказались межтропические южноамериканцы. Между ними и гипотетическим центром в Азии находился полярный круг и полярные широты - влияния, которые на каком-то участке линии миграции должны были воздействовать на предков их предков.

Это было ближе к состоянию австралийцев. Однако экваториальная часть линии миграции этих последних сильно отличалась от линии миграции кафров и готтентотов. Она была узкой по протяженности и проходила по плодородным островам, охлаждаемым бризами и испарениями океана, а не по засушливой столовой земле Центральной Африки - части между Гвинейским заливом и устьем реки Джуба.

Между готтентотами и их ближайшими соседями на севере существует множество различий. Признавая их в определенной степени, я объясняю их предположением о вторжении, вытеснении и уничтожении тех промежуточных и переходных племен, которые связывали северных готтентотов с южными кафрами.

И здесь я должен заметить, что само по себе вытеснение - это вовсе не предположение, а исторический факт; поскольку в течение последних нескольких столетий только кафры Амакоса распространили себя за счет различных племен готтентотов от районов около Порт-Наталя до верховьев Оранжевой реки.

Предполагается лишь переходный характер истребленных популяций. Я считаю его, конечно, законным; иначе оно не было бы сделано.

С другой стороны, я считаю неправомерным предполагать, не выяснив, столь широкое и фундаментальное различие между двумя популяциями, чтобы приписывать все моменты сходства только совокуплению и ни одного - изначальному родству. Тем не менее, это в значительной степени так и есть. В языке хоттентотов есть звук, который я считаю вдыхаемым *h*, то есть звук *h*, образованный *втягиванием* воздуха, а не выдыханием его, как это делается во всем остальном мире. Этот звук называется *щелчком*. Это действительно невнятный звук; а поскольку в языке встречается и обычное *h*, речь хоттентотов представляет собой удивительный феномен *двух* невнятных звуков, или двух звуков, общих для человека и низших животных. С точки зрения антропологии это явление может иметь ценность, но в этнологии оно, вероятно, было неверно истолковано.

Он встречается в *одном* кафрском диалекте. Каковы выводы? Что оно было заимствовано кафрами у хоттентотов; точно так же, как кафрское оружие было заимствовано у европейцев. Это один из них.

Другой заключается в том, что данный звук менее уникален, менее характерен и менее исключительно хоттентотский, чем считалось ранее.

Это, конечно, ни на йоту не менее законно, чем первое, но все же первое является более распространенным представлением. Возможно, это потому, что оно льстит нам свежим фактом, вместо того чтобы наказывать нас исправлением слишком поспешного обобщения.

И снова - корень *t-k* (как в *tixo*, *tixme*, *utiko*) - одновременно является хоттентотским и кафрским. Он означает либо божество, либо эпитет, соответствующий божеству. Конечно, доктрина, согласно которой кафры просто заимствовали часть своего теологического словаря у хоттентотов, не является ни единственным, ни наиболее логичным выводом.

Территория кафров настолько велика, что простирается по обе стороны Африки до экватора; и контраст, который она создает по сравнению с небольшой территорией хоттентотов, повторяет контрасты, уже замеченные в Америке.

Особенностей кафрской популяции вполне достаточно, чтобы оправдать осторожность и внимательность, прежде чем ставить их в один ряд либо с истинными неграми, либо с галласами, нубийцами, агоу и другими африканцами, живущими в водной системе Нила. Однако они отнюдь не относятся к тому широкому и пронизательному типу, который многие себе представляют. Несомненный кафрский характер языков Анголы, Лоанго, Габуна, побережья Мозамбика и Занзибара - это факт, который должен проходить через всю нашу критику. Если это так, то это осуждает все те крайние выводы, которые делаются из столь же несомненных особенностей кафрских языков. А почему? Потому что эти последние являются крайними формами; крайними, а не типичными или, что более важно, переходными.

Давайте, однако, обратимся к ним. Что же мы находим ? Пока не были известны филологические свидетельства в пользу общности происхождения межтропических африканцев Конго на западе, Ингамбаме, Софалы, Мозамбика и т. д. на востоке, никто не говорил о туземцах в любой из этих стран как о чем-то ином, кроме как о неграх, и не думал о расширении тех различий, которые сейчас обнаруживаются между ними и типичными черными.

Даже в том, что касается языков, переходные диалекты присутствуют в изобилии. В таблицах миссис Килхэм из 31 африканского языка последний является словарем *конго*, все остальные - негритянские. Этот словарь Конго, который действительно является кафрским, отличается от остальных так мало, как остальные отличаются друг от друга, что, когда я впервые увидел этот список, будучи тогда сильно увлеченным мнением, что кафрский фонд языков в значительной степени является фондом *как таковым*, я едва ли мог поверить, что здесь представлен истинный язык Конго и Кафр; поэтому я убедился, что это так, путем сравнения с другими несомненными словарями, прежде чем признать это умозаключение. И это только один факт из многих .^[19]

Опять же, сами негры относятся скорее к экстремальному, чем к нормальному типу; и они настолько далеки от совместного проживания с *африканцами*, что их можно встретить почти исключительно в долинах рек . Их нет ни в экстратропических частях Северной, ни в соответствующих частях Южной Африки; и совсем мало на столовых землях даже по обе стороны экватора. Их ареалы, действительно, скудны и невелики; один лежит на верхнем Ниле, другой - на нижнем, в Гамбии и Сенегале, третий - на нижнем Нигере, а последний - на западном побережье, где небольшие реки, берущие начало в горах Конг, образуют горячие и влажные аллювиальные участки.

От каких бы других африканцев ни отделяли негров, их нельзя отделять от кафров, главными точками соприкосновения и перехода которых являются районы около Габуна.

Не следует также слишком резко отделять кафров от примечательных семейств Сахары, хребта Атласа и побережья Средиземного моря - семейств, которые удобно рассматривать в следующем порядке; не потому, что такая последовательность наиболее соответствует их географии или этнологии, а потому, что критика, которая была применена к ним в последнее время, лучше всего помогает нам в критике нынешних привязанностей.

На границах Египта, в оазисе Сивах, мы находим самых восточных представителей великой берберской, амазиргской или кабыльской семьи; мы находим их и на западе, вплоть до Канарских островов, на которых они жили до тех пор, пока там вообще обитало туземное население. Представители того же рода были древними подданными Югурты, Сифакса и Масиниссы. Мистер Фрэнсис Ньюман, который уделил речи берберских племен больше внимания, чем любой англичанин (возможно, чем любой европеец), показал, что она заслуживает нового и удобного названия "*субсемитская*" - термин, который следует расширить.

Возьмем язык в его первом состоянии, когда, переходя от монолога китайского и родственных ему языков, он только начинает присоединять к своим доселе немодифицированным существительным и глаголам определенные предлоги, обозначающие *отношения*, определенные наречия, обозначающие *время*, и определенные местоимения лица или владения; с помощью всего этого он получает эквиваленты падежей, времен и лиц более развитых форм речи.

Это зародыш спряжения и склонения; случайности грамматики. Однако давайте пойдем дальше. Помимо простого сопоставления и зарождающейся инкорпорации этих ранее отдельных и независимых частиц, пусть будут и некоторые внутренние; например, те, которые преобразуют английские Present Tenses *fall* и *speak* в Preterites *fell* и *spoke* - или что-то в этом роде.

Еще дальше. Пусть будут добавлены такие изменения ударения, как при образовании прилагательного типа *tyránnical* от существительного типа *týrant*.

Объединение таких процессов, как эти, несомненно, наложит печать замечательного характера на язык, в котором они проявляются.

Но что, если они пойдут дальше? Или что, если, не идя дальше, языки, для которых они характерны, найдут толкователей, которые с удовольствием придадут им значимость, а также преувеличивают их значение? Это не гипотетический случай.

Значительная часть корней почти обязательно содержит три согласных: например, *хлеб*, *камень* и т. д. произносятся как *bred*, *stôn* и т. д. Это один факт.

Во многих языках существует неспособность произносить две согласные, принадлежащие к одному слогу, в непосредственной последовательности; эта неспособность устраняется вставкой промежуточного гласного. Финляндцы, вместо *Krist*, должны говорить *Ekristo* или *Keristo*. По этому принципу в английском языке *bred* превращается в *bered* или *ebred*, а *stôn* - в *estôn* или *setôn*. Это еще один факт.

Теперь следует объединить эти два и предыдущие. Большая доля корней, содержащих три согласных, может побудить грамматиста ввести такой термин, как *трилитерализм*, и сказать, что этот *трилитерализм* характеризует определенный язык.

Затем, поскольку не только эти согласные отделены друг от друга промежуточными гласными, но и сами гласные подвержены изменениям, (эти изменения влияют на ударение), трилитерализм становится еще более важным. Согласные выглядят как каркас или скелет слова, а гласные - как изменяющие воздействия. Одни являются *константами*, другие - *вариантами*; и *трилитеральные корни с внутренними модификациями* становятся филологическим словечком, которое должно представлять уникальное явление в способе речи, а не простой результат двух или трех общих процессов, объединенных в одном и том же языке.

Но сила системы на этом не заканчивается. Предположим, мы хотим установить парадокс, что английский был языком такого рода, о котором идет речь. Немного изобретательности - и мы попадем в ловкий переплет. Удобная придыхательная *h*, как летучая мышь в басне о птицах и зверях на войне, могла бы быть согласной, когда нужно было составить дополнение к трем, и гласной, когда это было бы *de trop*. Такие слова, как *pity*, можно сделать трилитеральными (*трехсогласными*), удвоив *tt*; такие слова, как *pitted*, - выбросив его. Наконец, если бы отрицалось, что две согласные обязательно должны быть разделены гласной, было бы легко сказать, что между такими звуками, как *n* и *r* в *Henry*, *b* и *r* в *bread*, *r* и *b* в *curb*, действительно находится очень короткий гласный; и что *Henĕry*, *bĕred*, *curĭb* - истинные звуки; или что, если они не были такими в девятнадцатом веке, они были такими две тысячи лет назад.

Пусть всему этому учат и в это верят, и кто же не выделит язык, в котором происходят такие удивительные явления?

Все это преподается и в это верят, и, следовательно, *существует* язык или, скорее, группа языков, изолированных таким образом.

Но на филологе изоляция не заканчивается. Ее поддерживают также анатом и историк. Народы, говорящие на рассматриваемом языке, находятся по соседству с неграми, но сами не являются неграми; они контактируют с грубыми язычниками, сами являясь в высшей степени монотеистическими. Их история также была влиятельной, как в моральном, так и в материальном плане; в то время как черепа симметричны, как череп знаменитой грузинки из нашей первой главы, их цвет лица светлый или румяный, а носы настолько мало похожи на африканские, что по своей выпуклости напоминают орлиный клюв. Все это преувеличивает элементы изоляции.

Выделенный таким образом класс или семейство, которое, как уже говорилось выше, имеет реальное существование, было удобно назвать *семитским*; этот термин включает в себя двенадцать колен Израиля и современных евреев, насколько они происходят от них, сирийцев древней и, частично, современной Сирии, месопотамцев, финикийцев, ассирийцев, вавилонян, арабов и некоторые группы населения Эфиопии или Абиссинии.

Другие факты, реальные или предполагаемые, способствовали выделению этой замечательной и важной семьи. Африканцы, которые были ближе всего к ним как по месту проживания, так и по уровню цивилизации - египтяне Фараонской империи, строители пирамид и писатели на иероглифах - перестали существовать как отдельная самостоятельная нация. Их азиатские фронтиры, с другой стороны, были либо персами, либо армянами.

Здесь все благоприятствовало изоляции. Еврей и египтянин с самого начала сильно контрастировали друг с другом, и все наши самые ранние впечатления говорят в пользу переоценки их различий. Что касается перса, то он так рано был отнесен к другому классу - классу, который, как предполагается, содержит также германцев, греков, латинян, славян и индусов, и который был назван индоевропейским, - что у него было свое собственное и особое положение; и что-то почти столь же строгое в способе демаркации было применено к армянину. Где же тогда искать подходы к семитской семье?

Были предприняты попытки связать их с индоевропейцами; думаю, безуспешно. Конечно, было определенное родство, но из этого ни в коем случае не следовало, что это устанавливает реальное родство. *Была* связь, но не связь. Причины такой точки зрения заключались отчасти в некоторых несомненных родственных связях с персами, а отчасти в том, что черепа евреев, сирийцев и арабов, а также еврейская, сирийская и арабская цивилизации попадают под категорию *кавказских*.

Сознательно или бессознательно, большинство писателей придерживались этой гипотезы - естественно, но непродуманно. Отсюда сложилось грубое мнение, что если семитские племена находятся в какой-либо прослеживаемой степени родства с другими семьями Земли, то это родство следует искать среди индоевропейцев.

Следующим шагом было возведение семитского класса в ранг стандарта или мерил родства неродственных семейств; и писатели, исследующие конкретные языки, охотнее спрашивали, являются ли эти языки семитскими, чем о том, что представляют собой сами семитские языки. Если я не ошибаюсь в духе, в котором проводились многие замечательные исследования, это привело к появлению термина "*субсемитский*". Люди спрашивали о количестве *семитизма* в определенных семьях, как если бы он был существенным и неотъемлемым свойством, а не о том, в чем состоит сам *семитизм*.

И теперь языки *субсемитов* множились, поскольку субсемитизм было прилично обозначать в отношении объекта своего внимания.

Древний египетский язык был признан *субсемитским* - Бенфей и другие хорошо потрудились, чтобы сделать его таковым.

Мистер Ньюман сделал то же самое с берберами. Тем временем анатомы действовали так же, как и филологи, и поставили черепа древних египтян в один ряд с черепами евреев и арабов, так что они оказались европеоидными.

Но кавказцы были поставлены в некую противоположность неграм, что и привело к беде. Какими бы ни были взгляды тех известных авторов, которые исследовали субсемитских африканцев, когда от них требовали определений, не будет лишним сказать, что на практике все они действовали так, как будто в тот момент, когда класс становился семитским, он переставал быть африканским. Все они смотрели в одну сторону, в ту, в которую смотрят добрые евреи и магометане - в сторону Мекки и Иерусалима. Они забыли о феномене корреляции. Если Сезар похож на Помпея, то Помпей должен быть похож на Сезара. Если африканские языки приближаются к ивриту, то иврит должен приближаться к ним. Притяжение взаимно; и это ни в коем случае не случай Магомета и горы.

Я считаю, что семитские элементы в берберском, коптском и галла ясны и однозначны; другими словами, эти языки действительно субсемитские.

В языках Абиссинии, гезе и тигре, признанных, пока они вообще известны, *семитскими*, выпускник через амхарский, фалаша, харарги, гафат и другие языки, которые могут быть хорошо изучены в ценных сравнительных таблицах доктора Бека[20], в язык агоу, однозначно коренной в Абиссинии; и через него в истинные негритянские классы.

Но как бы ни были однозначны семитские элементы берберского, коптского и галла, их родство с языками Западной и Южной Африки еще более очевидно. Я взвешиваю свои слова, когда говорю: не *одинаково*, а *больше*. Заменяя выражение, за каждый фут вперед, который можно сделать к семитским языкам в одном направлении, африканский филолог может пройти ярд к негритянским в другом .[21]

Конечно, доказательства всего этого во всех подробностях заполнили бы большой том; более того, исчерпание темы и уничтожение всех возможных и условных возражений заполнили бы многие. Однако положение настоящего писателя - не столько положение инженера, вынужденного с помощью насосов поднимать воду на большую высоту, сколько положение землекопа, который просто расчищает искусственные насыпи, мешавшие ей найти свой собственный уровень в соответствии с обычными законами природы. Его мало страшат результаты отдельных и независимых исследований, когда определенная часть предвзятых мнений оказывается неурегулированной.

Продолжим тему - схождение линий миграции в Африке прерывисто или непрерывисто, четко или нечетко, непрерывно или нерегулярно, в той же степени и в той же манере, что и в Америке. Моральные контрасты, которые были характерны для мексиканцев и перуанцев, вновь проявляются в случае с египтянами и семитидцами. Что касается готтентотов, то они, *пожалуй*, более широко отделены от своих ближайших родственников, чем все американцы,

не исключая эскимосов; настолько, что если отрицать или объяснять феномены их языка, то они могут быть приняты за новый вид.

Если читатель обратил внимание на различия между *этнологическими* и *антропологическими* принципами классификации, он должен был сделать вывод о необходимости определенных различий в номенклатуре, поскольку вряд ли термины, которые подходят для одного исследования, будут точно соответствовать другому. И это действительно так. Если слово "*негр*" означает сочетание шерстистых волос со смуглой кожей, вдавленным носом, толстыми губами, узким лбом, острым углом лица и выдающейся челюстью, то оно применимо к африканцам, столь же сильно отличающимся друг от друга, как лапландец от самоеда и эскимоса или англичанин от финляндца. Она применяется к жителям определенных участков различных речных систем, *независимо от* родства, *и наоборот*. Негры Кордофана ближе по происхождению к коптам и арабам, чем более светлокожие и цивилизованные фулахи. Они также ближе к ним, чем к неграм Сенегамбии. Если это так, то термин не имеет места в этнологии, за исключением тех случаев, когда его широкое использование затрудняет отказ от него. Его реальное применение - в антропологии, где он означает воздействие определенных влияний на некоторых межтропических африканцев, независимо от происхождения, но не независимо от физического состояния. Так же верно, как низкий рост и светлая кожа совпадают с обитанием в горных хребтах, физиономия негров совпадает с аллювией рек. Немногие писатели менее склонны объяснять этнологические различия изменением физических условий, а не изначальным различием видов, чем доктор Дэниелл; тем не менее он прямо заявляет, что, когда вы покидаете низкие болота дельты Нигера и попадаете в песчаники внутренних районов, кожа становится более светлой, черный цвет становится коричневым, а коричневый желтым.

Из африканских народностей, наиболее близко соприкасающихся с типичными неграми западного побережья, самыми светлыми являются нуфи (созвучные с ибо на нижнем Нигере) и фулахи, которые распространены на высокогорьях Сенегамбии, в глубине страны до Сакату и на юге до границы с нуфи.

С другой стороны, самые темные из светлых семейств - туарики из Вадреага, принадлежащие к берберскому роду, и арабы-шейги из Нубии.

Сами нубийцы, или уроженцы Среднего Нила между Египтом и Сеннааром, по своим чертам являются переходными между египтянами и неграми Кордофана. Они также в языке и, по-видимому, в цивилизационном развитии.

Лучшую оценку способностей в этом отношении тех африканцев, которым внешние обстоятельства и географическое положение благоприятствовали меньше, чем древним египтянам, можно найти среди мандинго и фулахов, каждый из которых принял магометанскую религию и часть арабской литературы вместе с ней. Крупных городов в *негритянской* Африке больше, чем когда-либо было в Монголии и Тартарии. Однако татары - не больше и не меньше, чем турки, подобные константинопольским, а монголы тесно связаны с промышленными китайцами.

То, что единообразие языков по всей Африке больше, чем в Азии или Европе, - это утверждение, с которым я без малейших колебаний соглашаюсь.

И теперь, приведя африканскую миграцию, к которой я отношу семитское население Аравии, Сирии и Вавилонии, от ее крайнего пункта на мысе до точки, расположенной так близко к гипотетическому центру, как границы Персии и Армении, я оставляю ее на сегодня.

Англичане не являются самыми ранними обитателями острова. До них здесь жили древние бритты. Были ли они самыми ранними обитателями? Кто были те люди, чьи ноги впервые ступили на территорию Британии, которая до этого была домом только для низших животных? Это неизвестно. Почему бы кельтам не быть в таком же отношении к каким-то грубым бриттам, еще более примитивным, как англосаксы к кельтам? Возможно, они действительно были таковыми. Возможно, даже в грубых и примитивных племенах, о которых идет речь, были аборигены, которые смотрели на них как на вторженцев, которые, в свою очередь, сами были вторженцами. Главным возражением против такого умножения аборигенов является правило *de non apparentibus* и т. д.

Но Британия - *это остров*. Все, что касается естественной истории полезных искусств, настолько не изучено, что никто не предложил даже приблизительно определить дату первого спуска на воду первой лодки; другими словами, первого заселения участка суши, окруженного водой. Возможно, весь тот континент, на котором первые протопласты увидели свет, был заполнен до отказа, прежде чем один-единственный хрупкий плот совершил первую миграцию человека.

Возможно, Британия оставалась одинокой на протяжении веков и тысячелетий после того, как Галлия была заполнена. Я не думаю, что так было на самом деле; но если не считать, что первое каноэ было построено одновременно с возникновением потребности в водном транспорте, то допустить, что между этим временем и первой попыткой мореплавания прошел долгий период, так же легко, как и короткий. Таким образом, дата первоначального заселения *островов* не относится к той же категории, что и дата расселения мужчин и женщин по *континентам*.

На континентах мы должны предположить, что распространение от одной точки к другой было непрерывным, и не только это, но мы можем предположить что-то вроде равномерной скорости распространения. Я слышал, что население Америки перемещается с востока на запад со скоростью около одиннадцати миль в год.

Поскольку я использую это утверждение исключительно для иллюстрации своей темы, его точность не очень важна. Чтобы упростить расчеты, предположим *десять*. При такой скорости миграции круг, центр которого находится (скажем) на Алтае, будет увеличивать свой диаметр на двадцать миль в год - то *есть* десять миль на одном конце радиуса и десять на другом.

Таким образом, точка, расположенная в тысяче миль от места рождения патриархов нашего вида, приняла бы первых обитателей ровно через сто лет после того, как первоначальная местность была бы признана слишком ограниченной. При таком раскладе очень немногие столетия ушли бы на мыс Доброй Надежды, и еще меньше Лапландию, части около мыса Коморин, Малайский полуостров и Камсчатку - все части, более или менее находящиеся в состоянии крайних точек. [22]

Теперь, пока крайние точки земной поверхности остаются незанятыми - поток (или, скорее, расширяющийся круг миграции) еще не достиг их - идет *первичная* миграция; и когда все они получают свое дополнение, *первичная* миграция закончится. Во время этой первичной миграции отношения человека, находящегося в движении и в полной, ранней и безвинной реализации своей высокой функции покорения земли, вступают в конфликт с физическими препятствиями, причем с сопротивлением только низших животных. Пока он, подобно жене Лота, не обернется на заселенную часть земли позади себя, у него не будет никаких

отношений с собратьями - по крайней мере, ни одного, вытекающего из притязаний на прежнее место жительства. Другими словами, во время первичной миграции мир, лежавший перед нашими прародителями, был либо грубым, либо неодушевленным.

Но не прошло и нескольких поколений, как все переполнилось, и люди вынуждены расширять свои границы за счет своих собратьев. Миграции, которые происходят сейчас, являются *вторичными*. Они отличаются от первичных по многим параметрам. Они медленнее, потому что сопротивление идет от человечества к человечеству; и они насильственны, потому что целью является лишение собственности. Они бывают частичными, абортивными, с последующим слиянием различных популяций или их истреблением - в зависимости от ситуации. Однако все, что мы можем сказать о них сейчас, - это факт их отличия от *первичных*.

Что касается *вторичных* миграций, то мы располагаем значительным объемом знаний. История говорит нам об одних, этнологическая индукция предполагает другие. *Первичная* же миграция остается великой загадкой. Тем не менее, о ней постоянно говорят.

Я упоминаю о ней сейчас (ранее я уже рассказывал о ней подробнее), чтобы предложить вопрос, имеющий определенное значение для практической этнологии. На него наводят замечания об аборигенах Британии. Когда мы можем быть уверены, что население какой-либо части континента является первичным - *то есть* происходит от первых обитателей или является их представителем? Никогда. Есть множество случаев, когда на основании истории, феноменов контраста и других этнологических аргументов мы вполне уверены, что это *не* так; но нет ни одного, когда доказательства были бы убедительными в обратном. В то же время доктрина *de non apparentibus* предостерегает нас от излишнего допущения перемещений.

Однако, если в дополнение к отсутствию признаков предыдущего заселения мы имеем крайний населенный пункт (*т.е.* населенный пункт, находящийся на самом дальнем расстоянии в определенном направлении от гипотетического центра), мы имеем *prima facie* доказательства в пользу того, что население представляет собой *первичную* миграцию. Таким образом:-

- 1, 2. Хоттентоты и лапландцы среди семей континента, вероятно, являются первичными.
- 3. Ирландские гэлы среди островитян - то же самое.
- 4, 5. Америка и Океания, по-видимому, являются *первичными* по отношению к населению континента Азии; хотя в пределах их собственных областей перемещения были значительными.

ССЫЛКИ

[11] Pickering, Races of Men, p. 19.

[12] Араукана из Эркиллы.

[13] D'Orbigny, Homme Américain.

[14] Астек означает мексиканцев долины Мексики, говоривших на языке астек. *Мексиканец*, применительно к королевству, завоеванному Кортесом, является скорее политическим, чем этнологическим термином.

[15] Smithsonian Contributions to Knowledge, vol. i.

[16] Индийские острова и Мадагаскар.

[17] Корана, сааб, хоттентот и бушмен.

[18] Агоу, сомаули и другие; некоторые из них говорят очень далеко на севере, как агоу и сераколе. Этот список уже был опубликован автором в его "Отчете по этнологической филологии" (Transactions of the Association for the Advancement of Science, 1847).

[19] Таблицу, показывающую это, можно найти в Transactions of the British Association for 1847, &c., pp. 224-228.

[20] Transactions of the Philological Society, No. 33.

[21] Краткую таблицу берберского и коптского языков в сравнении с другими африканскими языками можно увидеть в Классическом музее и в изданиях Британской ассоциации и т. д. за 1846 год. В "Трудах Филологического общества" есть грамматический очерк языка тумали, составленный доктором Л. Тутшеком из Мюнхена. Теперь тумали - истинно негритянский язык Кордофана; в то время как в отношении степени, в которой его переходы формируются внутренними изменениями гласных и ударений, он полностью равен семитским языкам Палестины и Аравии.

[22] Ничего не сказано о мысе Горн, поскольку Америка по отношению к Азии является островом. Также, возможно, нет необходимости повторять, что и курс, и центр являются гипотетическими - и то, и другое может быть верным, а может и не быть. Что *не* является гипотетическим, так это приближение к *равенству курсов в случае континентов*. Трудно представить себе такие условия, как те, которые откладывают заселение таких островов, как Мадагаскар и Исландия, эмигрантами из Африки или Гренландии на неопределенный срок, оставляя одну часть Африки или Гренландии пустой, в то время как другая была заполнена. Таким образом, равновесие, о котором идет речь, является простым результатом отсутствия *на континентах* условий, способных приостановить его на неопределенный срок. Степень, в которой она может быть нарушена другими причинами, не является частью настоящего вопроса.

ГЛАВА V.

Угры Лапландии, Финляндии, Пермии, Уральских гор и Волги - область светловолосых семейств - туранцы - кельты Ирландии, Шотландии, Уэльса, Галлия - готы - сарматы - греки и латиняне - трудности европейской этнологии - расселение - смешение - идентификация древних семей - исчезновение древних семей - этруски - пеласги - изоляция - баски - албанцы - классификации и гипотезы - термин индоевропейский - финский гипотеза .

V. *От Лапландии до Северо-Западной Азии.* - То, что норвежцы Норвегии составляют замечательный контраст с лапами Финмарка, уже было сказано. В этом нет ничего удивительного. Норвежец - это германец с юга и, следовательно, представитель интрузивного населения.

Более примечательно то, что подобный контраст существует между лапами и финляндцами, поскольку и те и другие принадлежат к одной семье. В этом семействе лапы представляют собой крайнее ответвление как в отношении физического строения, так и географического положения. Термин, который удобнее всего использовать для обозначения

рассматриваемой породы, - *угорский*. В Азии вогулы, остяки, вотяки, черемисы, мордуины и другие племена являются *угорскими*.

Лапы, как правило, имеют смуглый цвет лица, черноволосые и черноглазые; так же выглядят маджары в Венгрии. Другие угоры, однако, примечательны тем, что в значительной степени являются *светловолосым* населением. У тшуватшей светлый цвет лица, черные и немного вьющиеся волосы, серые глаза. Мордуины делятся на две группы: эрсад и мокшад, из которых первые чаще *рыжеволосые*, чем вторые. Черемисы - светловолосые; вогулы и остяки часто рыжеволосые; вотяки - самый рыжий народ в мире. Конечно, вместе с этим у нас есть голубые или серые глаза и светлая кожа.

Мало кто из писателей, кажется, задумывался об исключительном характере этой физиономии: действительно, жаль, что не было разработано такого термина, как *blanco* (или *branco*), обозначающего людей с более светлым цветом кожи, чем испанцы и португальцы, подобно тому, как *Negro* обозначает тех, кто темнее. Возможно, сейчас это делать уже поздно. Во всяком случае, лица с таким цветом, как у *изрядной* части жителей Англии, столь же исключительны, как и лица с оттенком негров Гвинейского залива.

Как и негры, белокожие встречаются в основном в определенных пределах; и как у *негров*, термин "*белый*" скорее антропологический, чем этнологический, *то есть* физиономия, о которой идет речь, распространяется на различные подразделения нашего вида и ни в коем случае не совпадает с этнологическим родством.

Девять десятых светлогожего населения мира находится между 30° и 65° северной широты и к западу от реки Оби. Девять десятых из них также можно найти среди следующих четырех семейств: 1. Угры. 2. Сарматы. 3. Готская. 4. Кельтская.

Физические условия, наиболее близко совпадающие с географической областью распространения *светловолосых* ветвей *светлых* семейств, требуют более тщательного изучения, чем они были найдены. От частей к северу и югу она отличается ощутимо заметными различиями в широте. Части к востоку от нее отличаются менее явно; тем не менее, это скорее степи и столовые земли, чем участки сравнительно невысоких лесов. *Белокуриха*, безусловно, относится к числу наиболее влажных частей света. [23]

То, что угры вливаются в тюрков Тартарии и Сибири, которые сами являются подразделением класса, содержащего большие монгольские и тунгусские ветви, было признано большинством писателей; Шотт проделал лучшую работу с филологической частью вопроса.

Габеленц, как мне сообщили, недавно показал, что *самодийские* языки относятся к тому же классу; заявление, которое, не видя его оснований, я полностью готов признать.

То, что относится к самоедам [24], относится и к двум другим классам:...

- 1. Енисейцы [24] на Верхнем Енисее; и
- 2. Юкахиры [24] на Колыме и Индигирке.

Это дает нам одну большую группу, удобно называемую *Туранской*, из которой

- 1. Монголы.

- 2. Тунгусы, наиболее известными представителями которых являются Маньчжуры.
- 3. Угры, которые делятся на лапскую, финляндскую, маджарскую и другие ветви; - а также
- 4. Гиперборейцы, или самодийцы, енисейцы и юкахири.

И этот ряд ведет нас от Северного мыса до Китайской стены.

VI. *От Ирландии до западных частей Азии.* Уже упоминавшееся правило, согласно которому остров всегда должен считаться заселенным из ближайшей части ближайшей земли более континентального характера, чем он сам, если только не будет доказано обратное, применимо и к населению Ирландии; согласно этому мнению, точкой эмиграции из Великобритании должны были быть части около Малл-Кантайра; а точкой иммиграции в Ирландию должна была быть провинция Ольстер и части, ближайшие к Шотландии.

В этой доктрине я не вижу причин для уточнений, поскольку ее подтверждает тот несомненный факт, что шотландский и ирландский гэльский - это один и тот же язык. Однако здесь, как и во многих других случаях, мнения и факты ни в коем случае не совпадают, и мнение о том, что Шотландия была заселена из Ирландии, а Ирландия - из какой-то другой страны, является общепринятым. При рассмотрении вопроса о заселении *Шотландии шотландцами* с запада выяснится, что оно почти полностью опирается на следующую выдержку из Беды: - "procedente tempore, tertiam Scottorum nationem in parte Pictorum recepit, qui duce Reudâ de Hiberniâ progressi, amicitia vel ferro sibimet inter eos has sedes quas hactenus habent vindicârunt; à quo videlicet duce, usque hodie Dalreudini vocantur: nam eorum lingua *Daal* partem significat."

Поскольку эта книга была написана в середине восьмого века, в ней есть только два утверждения, которые можно принять за современные свидетельства: утверждение, что во времена Беды часть Шотландии называлась страной *дальреудинов*, и что на их языке *даал* означал *часть*. Ирландское происхождение, таким образом, основывается либо на *умозаключении*, либо на *традиции*; умозаключение или традиция, которые, если они верны, ничего не доказывают в отношении *первоначального* населения обеих стран; поскольку здесь применимы рассуждения, которые применяются к отношениям между полуостровом Малакка и островом Суматра. Там население сначала переходило с полуострова на остров, а затем обратно - так сказать, в отраженном виде - с острова на полуостров. *Mutatis mutandis* так же обстоит дело с Шотландией и Ирландией, при условии, что миграция вообще имела место.

В этом вопросе свидетельства Беды могут быть достаточными для историка, а могут и не быть. Для этнолога оно, безусловно, неудовлетворительно.

Говоря это, я ни в коем случае не делаю пренебрежительного намека на то, что историк излишне доверчив, или что этнолог - образец осторожности. Ни то, ни другое утверждение не было бы верным. Однако этнолог, подобно мелкому капиталисту, не может позволить себе столько доверия, сколько его коллега по работе в области человечества. Он подобен путешественнику, который, выходя из дома в вечерних сумерках, должен быть вдвойне осторожен, когда добирается до места, где сходятся две дороги. Если он выберет не ту, то перед ним не будет ничего, кроме долгой ночи, и его ошибка будет расти от плохого к худшему. Но историк начинает с рассветных сумерек, и чем дальше он идет, тем яснее находит свой путь и тем легче исправляет все предыдущие ложные повороты. Рассуждать от причины к следствию - значит путешествовать в тусклом свете раннего утра, пока не

достигнем пылающего полудня. Рассуждать от следствия к причине - значит менять тени вечера на мрак ночи.

Как Шотландия для Ирландии, так и Галлия для Англии. От Шеннона до Луары и Рейна - единый народ; единый, но не неделимый: британская ветвь (содержащая валлийцев) и гэльская (содержащая шотландцев) образуют две его первичные части.

После кельтов идут готы; термин "*готы*" - это общее обозначение, взятое от конкретного народа. Их родина - Германия, как и Галлия для кельтов. Следовательно, они лежат как к северу от этой семьи, так и к западу от нее. Ветви готских племен, интрузивные по сравнению с другими народами земли, привели себя в соприкосновение и столкновение с половиной семей мира. Сначала они посягнули на кельтов, и некоторое время завоевательный поток колебался. Спорной границей стал Рейн - спорной как во времена Сезара, так и в наши дни. Затем они отомстили за агрессию Рима, так что *остготы* завоевали Италию, а *визиготы* - Испанию. Затем появились франки во Франции и англосаксы в Англии. В девятом и десятом веках острия германских мечей повернулись в другую сторону, и Мекленбург, Померания, Пруссия и часть Курляндии, Силезии, Лужицы и Саксонии были отвоеваны у *сарматов*, лежащих к западу и юго-западу.

Нередко два подразделения великого сарматского рода возводят в ранг отдельных сущностных групп - независимых друг от друга, хотя и тесно связанных между собой. В этом случае Литва, Ливония и Курляндия содержат меньшее подразделение, которое удобно и обычно называется *литовским*; население, которое было сельскохозяйственным, скудным, ограниченным деревней в противоположность городам, и не имело большого значения в истории; население, которое в десятом и одиннадцатом веках было жестоко завоевано под предлогом христианства немецкими рыцарями меча - соперниками в хищности и кровопролитии их эквивалентов Храма и Св. Иоанна - население, которое в настоящее время, как железо, находится между молотом и наковальней, между Россией и Пруссией; и которое лишь на один короткий период, при Ягеллонах, осуществляло двусмысленные права доминирующей и вторгающейся семьи - лишь на один короткий период в рамках настоящей исторической эпохи. Насколько больше она могла сделать в более раннюю эпоху, остается только гадать.

Другая ветвь - *славянская*, включающая русских, сербов, иллирийцев, словенцев Штирии и Каринтии, словаков Венгрии, чехов Богемии и лехов (или поляков) Польши, Мазовии и Галлии. Много говорится о будущих перспективах этого народа; доктрина некоторых компетентных историков гласит, что, поскольку они являются самой молодой нацией - термин, который трудно определить, - и до сих пор играли лишь небольшую роль в мировой истории, им предстоит великая карьера; перспектива более славная, чем у романо-кельтских французов или германских англичан Старого и Нового Света. Я сомневаюсь в этом выводе и сомневаюсь в факте, на который он опирается. Но об этом позже. Сарматы-славяно-литовцы - четвертая большая семья Европы. Они, несомненно, лежат на линии миграции, которая заселила Ирландию из Азии.

К югу от них лежат две ветви нового рода, отделенные друг от друга и представляющие собой сложный феномен географической прерывистости, сочетающейся с этнологическим родством. Отделенные от самых южных славян двумя вторгшимися популяциями валахов и маджаров, а также примитивной семьей албанцев, приходят...

- *а. Греки, и отделенные от славян Каринтии и Богемии вторгшимися немцами в настоящее время, и загадочными этрусками в древние времена, приходят - а.*

- *b.* Мы можем назвать эти две семьи латинскими или эллинскими вместо греческих и итальянских, если захотим; и поскольку распределение наций лучше всего изучать в самые ранние периоды их истории, первые термины лучше.

Прежде чем мы сможем рассмотреть классификацию этих четырех семейств - угорского, кельтского, готского и греко-латинского, - необходимо сделать несколько новых наблюдений и ознакомиться с некоторыми новыми фактами.

Этнология Европы, несомненно, сложнее, чем этнология любой из трех других четвертей земного шара - возможно, даже сложнее, чем этнология всего мира. Это не характерно, но это так. Чем больше мы знаем, тем больше мы можем знать. Иллюстрированная историками и антикварами Европа имеет свои темные дыры и закоулки, которые становятся еще более заметными благодаря освещению.

Во-первых, сам факт того, что она является родиной великих исторических наций, сделал ее ареной беспрецедентных перемещений; ведь завоевание - это великая основа истории, а *завоевание* и *перемещение* - понятия соотносимые. Можно показать, что большая часть Европы принадлежала либо смешанным, либо завоевательным народам, чем в других местах - не то чтобы это абсолютно доказывало, что посягательства были более значительными; но это придает значимость большей степени, в которой они были зафиксированы. Поэтому там, где в других частях света мы закрываем свои бумаги и говорим *de non apparentibus* и т. д., в Европе мы вынуждены прибегать к самым туманным исследованиям и самым тонким рассуждениям.

Насколько велико это смещение? История лишь некоторых из многих народов-завоевателей рассказывает нам о многом. Она показывает нам, что произошло в течение сравнительно короткого исторического периода. О том, что лежит за его пределами, можно только догадываться.

Угры, за одним исключением, всегда страдали от посягательств других, а не были сами посягателями. Но это исключение весьма примечательно.

Речь идет о венгерских маджарах, которые, какие бы претензии они ни выдвигали на более прославленное происхождение, чем то, которое они разделяют с лапландцами и остяками, однозначно являются уграми - не черкесами, как тщетно фантазируют, и не потомками гуннов Аттилы, как более обоснованно предполагают. Последнее предположение, однако, опровергается высокой вероятностью того, что воины Бича Божьего были турками.

Как бы то ни было, их приход в Европу не ранее X века, а страна, которую они покинули, была нынешним владением башкир.

Степень перемещения, произведенного кельтами, трудно определить. Мы слышим о них в стольких местах, что семья кажется вездесущей. Совершенно не веря в то, что киммерийцы Киммерийского Босфора были кельтами, и сомневаясь как в отношении скордисков древнего Норикума, так и кельтиберов древней Испании, я склонен ограничить кельтский ареал в его *максимальном* расширении Венецией на запад и окрестностями Рима на юг. Но этого недостаточно. Они могли быть аборигенами в тех частях, куда они, *по-видимому*, вторглись как иммигранты. Это усложняет вопрос и затрудняет определение степени их посягательств на других, равно как и степени, в которой другие посягали на них, - вопрос, требующий дальнейшего рассмотрения.

Готы постоянно расширяли свою границу - границу, которая, как я полагаю, когда-то простиралась не дальше Эльбы[25]. Оттуда до Немана они вторгались за счет сарматов - славян или литовцев, в зависимости от обстоятельств.

Во времена Тацита[25] весьма вероятно, что к северу от Эйдера готов не было. Однако с тех пор Дания, Швеция и Норвегия были отвоеваны у прежних оккупантов и стали скандинавскими.

Род угров первоначально простирался на юг до Валдайских гор. Сейчас эта часть их территории является русской.

Завоевания Рима привели к появлению языков, производных от латинского, в Северной Италии, Грizonaх, Франции, Испании и Португалии, Валахии и Молдавии.

Это подводит нас к другому вопросу - о смешении языков.

Смешение. - Несомненно, что язык Англии имеет англосаксонское происхождение, и что остатки первоначального кельтского языка несущественны. Но ни в коем случае нельзя с уверенностью утверждать, что кровь англичан в равной степени германская. Огромное количество кельтских корней, не встречающихся в нашем языке, вполне вероятно, существует в наших родословных.

Этнология Франции еще более сложна. Многие авторы считают парижанина римлянином на основании его языка, другие - кельтами на основании определенных моральных качеств, сочетающихся с прежним кельтизмом исконных галлов.

Испанский и португальский языки как языки являются производными от латинского. Испания и Португалия, как страны, являются иберийскими, латинскими, готскими и арабскими в различных пропорциях.

Итальянский язык - это современная латынь во всем мире: но, конечно, в Ломбардии должно быть много кельтской крови, а в Тоскане - этрусской.

В девятом веке каждый человек между Эльбой и Неманом говорил на каком-нибудь славянском диалекте. Сейчас почти все они говорят на немецком. Несомненно, кровь менее исключительно готская, чем речь.

Мне не попадалось ни одного свидетельства, которое побудило бы меня рассматривать великое вторжение Маджаров в Венгрию как нечто иное, чем простое военное завоевание. Если это так - а такое рассуждение применимо к девяти завоеваниям из десяти, - то женская половина предков нынешних носителей языка мажаров должна была быть женщинами страны. Они были турчанками, славянками, турко-славянками, романо-славянками и многими другими - короче говоря, кем угодно, только не мажарцами.

Гризонские языки имеют римское происхождение.

Так же как и валашский язык Валахии и Молдавии.

Тем не менее, в каждой стране первоначальное население должно быть в большей или меньшей степени представлено по крови нынешним.

Этого достаточно, чтобы показать, что подразумевается под смешением крови, в какой степени оно требует отдельного исследования и сколько таких исследований необходимо в этнологии Европы. Действительно, это предмет особого отдела науки, удобно названного *минутной этнологией*.

Идентификация древних народов, племен и семей. Если бы не существовало таких понятий, как миграция и перемещение, изучение древних писателей было бы простым делом. В действительности же это очень сложно. Девять десятых имен Геродота, Страбона, Сезара, Плиния, Тацита и подобных авторов по этнологии и географии не найти на современных картах, а если и найти, то в новых местах. Так произошло с названием нашей собственной нации, *англов*, которые теперь известны как жители *Англии*, тогда как в глазах Тацита они были германцами. Другие не только сменили место жительства, но и полностью вымерли. Это, конечно, достаточно частое явление. Опять же, само *название* могло измениться, хотя население, к которому оно относится, могло остаться прежним, или же изменились и название, и место.

Все это создает трудности, хотя и не такие, чтобы удержать нас от их изучения. В то же время критика, которую приходится применять, имеет особый и своеобразный характер. Одним из самых сложных вопросов, с которыми приходится иметь дело, является необходимая, но игнорируемая предварительная *процедура определения языка, на котором встречается то или иное географическое или этнологическое название*; это отнюдь не случайный процесс. Когда Тацит говорит о *германцах* или Геродот о *скифах*, термины *скиф* и *германец* могут принадлежать или не принадлежать к языку обозначаемого народа; другими словами, они могут быть или не быть *исконными* названиями - названиями, известными племенам, к которым их применяет географ.

Как правило, такие названия *не* являются исконными - утверждение, которое поначалу кажется опасным; ведь *primâ facie* мнение говорит в пользу того, что название, под которым конкретный народ известен своим соседям, является названием, которым он характеризует себя. Разве наши соседи не называют себя *французами*, в то время как мы говорим "*француз*", и разве эти названия не идентичны? В данном конкретном случае это так, но случай исключительный. В качестве примера можно привести слово *Welsh*. *Welsh* и *Wales* - это *английские* названия *Сутгу* - *англичан*, но ни в коем случае не коренных жителей; англичан, но так же мало *валлийцев* (строго говоря), как слово *Indian*, применяемое к краснокожим американцам, является *американским*.

Уэльсцы - это название, которым англичанин обозначает своих сограждан из княжества. Немец в Германии называет *итальянцев* тем же именем; под этим же именем он знает и *валлийцев* - ведь *Валахия*, *Уэльс* и *Вельшланд* происходят от одного корня. Какой ошибкой было бы считать все эти три страны идентичными только потому, что они так называются! Однако если бы это название было *родным*, то можно было бы сделать такой вывод. Однако, как и прежде, главным связующим звеном между ними является их общее отношение к Германии (или германской Англии); это звено было бы совершенно неверно истолковано, если бы мы упустили из виду немецкое происхождение термина и ошибочно отнесли его к языкам стран, в которых он применяется.

Выдержка из "Полиглотской Азии" Клапрота еще раз проиллюстрирует это важное различие между названием, под которым народ известен сам себе, и названием, под которым он известен своему географу. Определенное население Сибири называет себя *Ненеч* или *Хасово*. Но *ни* один из его соседей не называет его так. Напротив, каждый из них называет его по-своему.

Сайт	Оби-остяки	называют его	<i>Джерган-Ях</i> .
"	Тунгусы	"	<i>Дяндал</i> .

"	Сиранийцы	"	<i>Яранг.</i>
"	Вогулы	"	<i>Ярран-Кум.</i>
"	Русские	"	<i>Самёид.</i>

Что, если бы какое-нибудь древнее племя было таким образом полионимным? Что, если бы пять разных писателей древности черпали свои сведения у пяти разных народов-соседей? В таком случае для одного предмета было бы пять терминов, и ни один из них не принадлежал бы к тому языку, для которого они использовались.

Таким образом, само название каждого древнего народа требует предварительного исследования. И этих названий много - больше в Европе, чем где-либо еще.

Важность населения, к которому относятся такие названия, в Европе выше, чем в других странах. Это можно сказать с уверенностью, потому что для этого есть причина. Благодаря чрезмерному количеству перемещений, Европа является той частью света, где есть наилучшие основания верить в предыдущее существование абсолютно вымерших семейств, или, скорее, в абсолютное исчезновение ранее существовавших семейств. В Азии нет имен, которые вызывали бы столько проблем, как имена европейских *пеласгов* и *этруров*.

Изменения и осложнения, о которых идет речь в вышеприведенных наблюдениях (а их всего несколько из многих), являются результатами сравнительно недавних перемещений; завоеваний, совершенных в течение последних двадцати пяти веков; миграций в пределах (или почти в пределах) исторического периода. Те подлинно этнологические феномены, которые относятся к *самому распределению* существующих семей Европы, по крайней мере, не менее важны.

Наиболее заметные примеры *филологической изоляции* - европейские; два главных образца - *баскский* и *албанский* языки.

Баскский язык Пиренеев имеет такое же отношение к древнему языку Испанского полуострова, как современный валлийский язык к старой речи Британии. Он представляет его в своих фрагментах; фрагментах, сохранение которых обусловлено существованием горной крепости, куда аборигены могли удалиться. Этот баскский настолько изолирован, что в мире нет ни одного языка, который можно было бы отнести к одному классу с ним - вне зависимости от масштаба и значения этого класса.

Албанский язык так же изолирован. Он так же отличается от греческого, турецкого и славянских языков соседних стран, как баскский от французского, испанского и бретонского, и так же лишен связей на расстоянии. Он *не имеет классификации* - по крайней мере, его положение как индоевропейского языка сомнительно.

Что представляли собой пеласгийские и старые этрусские языки, точно неизвестно. Вероятно, они достаточно сильно отличались от соседних языков, чтобы их носители были неразборчивы. Однако, помимо этого, они могли представлять собой что угодно или ничего в плане изоляции. Они *могли* быть такими же своеобразными, как баскский и албанский. С другой стороны, они *могли* быть настолько не похожи на греческий и латинский, что принадлежали к другому классу - значение этого класса не определено. Опять же, этот класс может иметь, а может и не иметь своих представителей среди ныне существующих языков. Я не высказываю никакого мнения по этому поводу. Я лишь подчеркиваю важность изоляции баскского и албанского языков. Мы *знаем*, что эти языки настолько отличаются друг от друга и от всех других языков, что не подпадают ни под одно из признанных делений на пути этнографической филологии и ее классификаций.

Индогерманцы... Это подводит нас к термину "*индогерманцы*"; а термин "*индогерманцы*" подводит нас к ретроспективе европейских народов, все из которых, ныне существующих, были перечислены, но все они не были классифицированы.

I. Угры - ветвь туранцев.

Туранцы составляют либо целый класс, либо его часть, в зависимости от того, в каком свете мы их рассматриваем; другими словами, эта группа имеет одно значение для филологии и другое - для анатомии. В этом нет ничего необычного. Это просто означает, что их речь имеет более яркие черты, чем их физическое строение.

Перехожу, однако, к нашей спецификации: -

- а. Туранцы по своему *физическому строению* являются ветвью *монголов*; китайцы, эскимосы и другие являются членами аналогичных и равнозначных подразделений.
- b. Что касается их *языка*, то они являются высшей признанной группой, подчиненной ни одной другой.

Чтобы изменить выражение этого различия, анатомический натуралист человеческого вида имеет в слове "*монгольский*" термин общего характера, к которому филолог еще не пришел.

II. Греки и латиняне, сарматы и германцы относятся к более высокой группе; группе, имеющей такое же значение, как и туранская.

Характеристики этой группы - филологические.

- а. *Числа* трех великих подразделений одинаковы.
- b. Значительная часть названий более распространенных предметов похожа.
- c. Признаки *падежа* у существительных и *лица* у глаголов одинаковы.

География населения, говорящего на языках, связанных таким образом (языки, отделившиеся от общего родного языка после эволюции падежей существительных и лиц глаголов), настолько широка, что литературный язык Индии относится к данному классу. Поэтому, когда этот факт стал известен и когда Индия стала *восточной*, а Германия - *западной* окончательностью огромного ареала этого великого языка, в обиход вошел термин "*индогерманский*".

Но его использование было недолгим. Доктор Причард показал, что кельтские языки имеют индогерманские числительные, определенный процент индогерманских названий для более распространенных предметов и индогерманские личные окончания глаголов. С тех пор кельтский язык рассматривается как фиксированный язык, занимающий определенное место в классификации филолога; а термин "*индоевропейский*"^[26], выражающий класс, к которому он принадлежит, наряду с сарматским, готским и классическими языками Греции и Италии, вытеснил первоначальное соединение "*индогерманский*".

Теперь мы знаем, что подразумевается *под индоевропейским*, термином, по крайней мере, равным по общности термину *туранский*.

- а. По *физическому строению* индоевропейцы представляют собой ветвь высшей группы, которую так неправильно и неудобно называют *европеоидной*.
- b. По *языку* они являются высшей группой, признанной до сих пор, группой, не имеющей себе равных.

Кроме того, мы улучшили нашу меру изоляции...

III. *Баски*. - С анатомической точки зрения это так называемые *кавказцы*. Филологически они являются единственными членами группы, к которой они принадлежат, и эта группа является самой высокой из признанных. Они подобны виду в естественной истории, который является единственным представителем своего рода, род является единственным представителем своего порядка, а порядок настолько неопределенный, что не имеет более высокого класса, которому он подчиняется.

IV. *Албанцы* находятся в таком же затруднительном положении.

Это то состояние классификации, которое в первую очередь вдохновляет нас на создание более высоких групп; более высоких групп в *филологии*, поскольку в *анатомии* они у нас уже готовы - т.е. выражены терминами монгол и кавказец. Школа, приложившая наиболее заметные усилия в этом направлении, - скандинавская. В Англии она, пожалуй, оценена лучше, чем в Германии, а в Германии - лучше, чем во Франции.

Я думаю, что в ее фрагментах была большая правда. Сначала мы рассмотрим ее с филологической стороны. Раск - величайший гений сравнительной филологии, которого видел мир, - продемонстрировал зародыши этой идеи в своей работе о Зендавесте. Здесь его гипотеза заключалась в следующем. Геолог с легкостью последует за ним. Как более поздние образования, изолированные и не связанные между собой, лежат на более раннем и сравнительно непрерывном субстрате вторичной, палеозойской или первичной древности, так и население, говорящее на кельтских, готских, славянских и классических языках. Завоеватели и посягатели везде, где они вступали в контакт с чуждыми им запасами, они сделали в ранний период истории девять десятых Европы и часть Азии своими собственными. Но перед ними лежало аборигенное население - перед *ними* в пути *времени*. Оно состояло из племен, более или менее родственных друг другу, которые заполнили Европу от Северного мыса до мыса Коморин и Гибралтара - прародители лапландцев на севере и прародители басков в Пиренеях на юге - и все это *в одно время, непрерывно*. Это время было периодом, предшествующим вторжению древнейших из вышеупомянутых семей. Более того, аналогичным образом был заселен Индостан, а также, по предположению, части между Северным Индостаном и Европой.

Такова теория. Теперь давайте посмотрим на нынешнее распределение. Почти вся Европа является так называемой индоевропейской, *то есть* кельтской, готской, славянской или классической. Но это не совсем так. В Скандинавии живут ляпы, в Северной России - финны, на стыке Испании и Франции - баски. Это фрагменты некогда непрерывной группы аборигенов, отделенных друг от друга кельтами, готами и славонцами. Далее, что касается Индии. В Декхане мы имеем семью языков под названием тамул - также изолированную. Между этими точками население однородно, как по сравнению с самим собой; неоднородно по сравнению с племенами, которые только что были перечислены. Но когда-то существовала непрерывность - подобно тому, как в геологии более древние породы соединяются, а более новые расходятся.

Такова была гипотеза Раска; гипотеза, к которой он применил эпитет "*финский*", поскольку финн из Финляндии был типом и образцом этих ранних, аборигенных, гипотетически непрерывных и гипотетически связанных языков. Вторжение более сильных индоевропейцев, однако, разрушило их. Да будет так. Это была грандиозная догадка; даже если она ошибочна, она грандиозна и наводит на размышления. Но все же это была всего лишь догадка. Я не скажу, что не было проработано никаких деталей. Некоторые из них были указаны.

Были замечены точки, связывающие такие далекие языки, как тамульский и финский, но большего сделано не было. Тем не менее, это была доктрина, которая, если и была доказана ее ложность, была лучше, чем большая часть истинных. Она учила исследователей, где искать родство, казалось бы, изолированных языков; она заставляла их обходить стороной те, что находились поблизости, и смотреть в те места, где обнаруживались другие языки, столь же изолированные.

Я уже упоминал Раска как апостола этого направления. Арндт, как мне сказали, был родоначальником. Однако соотечественники Раска были теми, кто больше всего действовал в этом направлении.

Но они взялись за оружие с другого конца. Больше всего над ним потрудились *анатомы и археологи* Скандинавии. У кельтов есть свой череп, как и свой язык. Как и у датчан, шведов, норвежцев, немцев, голландцев и англичан. Неважно, каковы его особенности. Достаточно того, что он был - или должен был быть - отличным от финнов и басков. Как и у индусов - от тамулов. Теперь в захоронениях современных стран различных готских народностей черепа готского характера встречаются лишь до определенного момента. *Самые древние* контрастируют с самыми древними формами, кроме одной. *Самыми древними* являются лапские, баскские и тамульские. Конечно, это - если это правда - подтверждает филологическую теорию. Но так ли это? Я не склонен менять уже используемые термины. Это грандиозная и наводящая на размышления *догадка*.

Более того, в настоящее время нет необходимости говорить об этом, поскольку любые дальнейшие рассуждения о миграции (*или миграциях*), заселившей Европу из гипотетического центра в Азии, преждевременны. Предварительно необходимо изучить этнологию Азии.

ССЫЛКИ

[23] Когда этнологическая медицина станет изучаться более широко, чем сейчас, вероятно, выяснится, что население рассматриваемой области в наибольшей степени страдает от золотухи.

[24] Таблица, показывающая это, напечатана в книге автора "Разновидности человека", стр. 270-272.

[25] Оба эти момента подробно рассмотрены в "Taciti Germania" автора с этнологическими примечаниями.

[26] Критику этого термина см. на с. 86-89.

ГЛАВА VI.

Моносиллабическая область - T' hay - Môn и Khô - Таблицы - B' hot - Китай - Бурмес - Персия - Индия - Тамульская семья - Brahúi - Диоскуры - Грузины - Ирон - Мизеджи - Лесги - Армяне - Малая Азия - Ликийцы - Карийцы - Паропамизаны - Заключение.

Теперь мы планируем рассмотреть различные линии миграции в тех местах, где они соответственно прерывались. Это произошло в разных точках их соприкосновения с Азией. Первая линия была...

I. *Американцы*. Причисляя американцев к азиатам, этнолог оказывается в положении ирригатора, который снабжает обширные участки жаждущей земли водой, поступающей с более высокого уровня, но отделенной от нижележащих частей искусственными насыпями. Он удаляет их; его процесс прост, но эффективен и полностью независим от умных механизмов насосов, водяных колес и подобных отраслей гидравлики. Препятствие устранено, остальное делает гравитация.

Переоценка эскимосских особенностей является большим препятствием в американской этнологии. Когда они сведены к должному уровню, связь между Америкой и Азией оказывается ни больше, ни меньше, чем одной из самых ясных, которые у нас есть. Она, безусловно, яснее, чем соединение Африки и северо-западной Азии; не более туманна, чем та, что существует между Океанией и Трансгангетическим полуостровом; и неисчислимо менее загадочна, чем та, что соединяет Азию с Европой.

В самом деле, здесь нет большого перерыва, ни филологического, ни анатомического, пока мы не достигнем пределов Китая. Здесь физическое строение остается практически таким же: язык, однако, становится *односложным*.

Теперь многие умелые авторы делают такой акцент на этой моносиллабичности, что считают, будто разделение между языками с такой структурой и теми, в которых мы имеем увеличение количества слогов с должным количеством инфлексий, слишком велико, чтобы его можно было преодолеть. Если бы речь была минералом, это, возможно, было бы верно. Но речь *растет*, и если один филологический факт может быть более доказательным, чем другой, то это тот, что односложный и нерасчлененный язык является многосложным и расчлененным на первой стадии своего развития или, скорее, *неразвития*.

Камскадале, корякский, айно-японский и корейский - это азиатские языки, наиболее похожие на американские. Не колеблясь, я делаю это утверждение - утверждение, для которого у меня есть многочисленные табличные словари в качестве доказательства - я ни в коем случае не готов сказать, что десятая часть необходимой работы была проделана для рассматриваемых частей; более того, мне кажется, что легче соединить Америку с Курильскими островами, Японией и т.д., чем сделать Японию и Курильские острова и т.д. азиатскими. Группа, которую они образуют, принадлежит к области, где перемещения были очень велики. Семья Камскадале почти вымерла. Корейцы, которые, вероятно, занимали большую часть Маньчжурии, были вытеснены как китайцами, так и маньчжурами. То же самое произошло с айнами в низовьях Амура. Наконец, вся северная половина Китая первоначально находилась под властью племен, которые, вероятно, были промежуточными по отношению к своим китайским завоевателям, маньчжурам и корейцам.

То, что филологические сходства, необходимые для установления азиатского происхождения американцев, лежат где угодно, только не на поверхности языка, я признаю. О том, как их следует искать, можно судить по следующему примеру.

Юкахири - азиатский язык Колымы и Индигирки. Сравните его цифры с цифрами других племен в направлении Америки. Они отличаются. Они не корякские, не камскадальские, ни в коем случае не эскимосские; и не колушские. Прежде чем мы найдем название одного юкахири, вновь появившееся в других языках, мы должны отправиться на юг вдоль западного побережья Америки, в районы острова Ванкувер. Там мы находим язык хайлтса, где *malúk* =

два. В языке юахири "*два*" - это не *malúk*. Это слово, которое я не помню. Тем не менее, *malúk* = *два* существует в юахири. Слово, обозначающее *восемь*, - это *malúk* × термин, обозначающий четыре (2 × 4).

Этот феномен повторился бы в английском языке, если бы наши числительные звучали так: - 1. *один*; 2. *пара*; 4. *четыре*; 8. *две четверки*; в этом случае все аргументы, основанные на соответствии или несоответствии английских числительных немецким и скандинавским, были бы столь же вескими, как если бы слово *два* было реальным названием второй единицы. Более того, в одном отношении они были бы более весомыми. Своеобразный способ, которым хайлца *малук* вновь появляется в юахири, убедительно свидетельствует против того, что это название было *заимствовано*. *Случайно* ли это - совсем другой вопрос. Это зависит от того, насколько это единичное совпадение или одно из многих. Все, что мы пытаемся сделать в настоящее время, это проиллюстрировать степень, до которой сходство может быть замаскировано, и последующую осторожность, необходимую для его обнаружения .[27]

II. *Связь между Океанией и Юго-Восточной Азией*. Физическое строение малайцев настолько соответствует индо-китайскому, что в этом отделе не возникает никаких трудностей. А вот филологические - гораздо серьезнее. Они связаны с сомнением, которое уже было высказано в отношении отношений между монословным языком, как сиамский, и языком, отличным от монословного, как малайский.

Это подводит нас к огромному ареалу монословных языков. *Географически* это Китай, Тибет, Трансгангетический полуостров и субгималайские районы северной Индии, такие как Непал, Сикким, Ассам, страна Гаро и другие подобные районы.

В политическом отношении это китайская, непальская, бирманская и сиамская империи, а также несколько британско-индийских и независимых племен.

Основная религия - буддизм; физическое строение однозначно *монгольское*.

Переход от *монослога* к *полислогу* никогда не вызывал у меня особых затруднений: не думаю, что он вызовет их и у любого писателя, который рассмотрит более серьезные трудности, связанные с его отрицанием. В чем они заключаются, станет ясно, когда мы посмотрим на карту Азии и проследим за языками, которые соприкасаются с языками рассматриваемого класса. Тогда станет ясно, что *если мы не позволим ему сформировать связующее звено, он не только сам останется в стороне, но и изолирует другие семьи*. Таким образом, только через Трансгангетический полуостров *океаническая* семья может быть связана с *индийской*; связь, которая основывается на достаточно веских основаниях, чтобы побудить внимательных авторов[28] поверить в то, что родство *является прямым и непосредственным*. Только через этот же Трансгангетический полуостров *плюс* Тибет и Китай великие сибирские семьи - туранская и японская - могут быть аналогичным образом связаны с океанической. И все же такая связь действительно существует, хотя, в силу своего косвенного характера, она признается лишь частично. Тем не менее, ее признает (часто, возможно, неосознанно) каждый исследователь, который колеблется по поводу отделения малайцев от монголов.

Трудность гораздо большего масштаба возникает из следующих соображений: - Существует два принципа, по которым можно классифицировать языки. Согласно первому, мы берем два или более языков в том виде, в котором мы их находим, устанавливаем некоторые их

характеристики, а затем выясняем, насколько эти характеристики совпадают. Два или более языка, взятые таким образом, могут совпадать в том, что имеют большой процент грамматических инфлексий, и в этом случае они будут совпадать в некоторых *положительных* характеристиках. С другой стороны, два или более языков могут быть согласны в *отрицательном* факте наличия небольшого и скудного словарного запаса и столь же ограниченной системы инфлексий.

Сложность здесь заключается в том, что небольшое размышление покажет истину, а именно: *отрицательные моменты сходства ничего не доказывают в плане этнологической связи*; таким образом, в том, что касается простоты их соответствующих грамматик, сиамский, бирманский, китайский и тибетский могут быть так же мало связаны друг с другом или с общим родным языком, как и самые непохожие языки во всем мире речи.

Опять же - из этого отнюдь не следует, что, поскольку все языки рассматриваемой семьи сравнительно лишены инфлексии, все они относятся к одному классу. Подобная характеристика может возникнуть по двум причинам: из-за *неразвития* или утраты. Существует стадия, *предшествующая* эволюции инфлексий, когда каждое слово имеет только одну форму, и когда связь выражается простым сопоставлением, с добавлением или без добавления изменения ударения. Тенденции этой стадии заключаются в объединении слов по принципу композиции, но не идут дальше. Каждое слово сохраняет на протяжении всего времени свой отдельный содержательный характер и имеет значение, не зависящее от его сопоставления со словами, с которыми оно сочетается.

Но есть и стадия, *следующая* за такой эволюцией, когда инфлексии стираются, а падежные окончания, как *i* в *patr-i*, заменяются предлогами (в некоторых случаях постпозициями), как *to* в *to father*; и когда личные окончания, как *o* в *vos-o*, заменяются местоимениями, как *I* в *I call*. На первом из этих этапов китайский язык представляет собой наиболее типичный образец, который можно найти в современной *поздней* истории языков - поздней, если учесть, что мы ищем образец его самых ранних форм. На последнем из этих этапов английский язык 1851 года представляет собой наиболее типичный образец, который можно найти в современном *раннем* периоде развития языка - раннем, учитывая, что мы ищем образец его самых поздних форм.

Отсюда -

- а. Насколько различные монослоговые языки находятся на одной и той же стадии - это один вопрос.
- b. Является ли эта стадия *ранней* или *поздней* - это другой вопрос; и
- c. Связаны ли они *отношениями*, а также *внешней формой* - это третий вопрос.

Отвечая на этот вопрос, можно с уверенностью сказать (a.), что все они являются неинфлектированными, потому что инфлексии еще не развились, а не потому, что они были развиты и утрачены, как в случае с английским языком, который стоит на одном конце шкалы, так же как китайский - на другом.

(b.) Кроме того, все они связаны между собой *добросовестными* этнологическими отношениями, что видно из многочисленных таблиц; китайцы и тибетцы, по-видимому, являются двумя крайними точками в плане различий.

Что касается их географического распределения, то это чистая лотерея, в которой большие и малые территории соседствуют и контрастируют, как в Америке и Африке; субгималайские районы Британской Индии, Сикким и Непал, индо-бирманская граница (или страна вокруг Ассама и Мунипура) - это районы, где множественность взаимно неразборчивых языков в пределах ограниченной территории наибольшая.

И опять же, когда имеет место последнее распределение, мы имеем либо горную крепость, либо политическую независимость, либо примитивное языческое вероисповедание - как правило, все три.

Население, говорящее на моносложном языке, которое находится в самом непосредственном контакте с континентальными племенами океанического происхождения, - это южные сиамцы. Оно доходит до северной границы Кедаха (Kedah), около 8° северной широты. Все к северу от него - односложные; за исключением малайского поселения (вероятно, хотя и не наверняка недавнего происхождения) на побережье Камбоджи.

Большой род, к которому принадлежат сиамцы, называется Т' хау. Его направление с севера на юг совпадает с течением великой реки Менам, за верховьями которой племена Т' хау доходят до Ассама. Из этих северных Т' хау наиболее многочисленны *кхамти*; важно знать, что 92 слова из 100 являются общими для этого диалекта и классического сиамского языка Банкока.

Опять же, промежуточные племена Верхнего и Среднего Менама - Лау - говорят на таком же однозначно сиамском языке, как и Кхамти. Если это так, то язык Т' хау, широко распространенный в определенном направлении с севера на юг, представляет собой язык, состоящий из небольшого количества диалектов; из этого следует вывод, что он распространился в сравнительно недавний период. Следовательно, он посягнул на некоторые другие популяции и привел к определенному вытеснению.

Я думаю, что даже в мельчайших деталях, которые сейчас предлагаются, мы можем увидеть наш путь; по крайней мере, так далеко, чтобы определить, в каком направлении происходило движение - с севера на юг или с юга на север.

Немногие классы языков могут быть лучше изучены в этнологических целях, чем моносиллабические. Работа Бьюкенена и Лейдена - одни из самых ценных статей в "Азиатских исследованиях". Одна из статей мистера Брауна в "Журнале Азиатского общества Бенгалии" дает нам многочисленные таблицы словарей для бирманских, ассамских и индийских пограничных районов. Мистер Ходжсон и доктор Робертсон сделали еще больше для тех же частей. Наконец, основные южные диалекты, которые были менее изучены, представлены во втором томе "Посольства Кроуфурда в Сиам".

Просмотрев их, мы обнаружили образцы двух языков, которые лежат к востоку и западу от южного сиамского; первый - это язык Кхо из Камбоджи, а второй - Мён из Пегу. Каждый из них распространен на небольшой территории; действительно, Мён, который в настоящее время почти ограничен дельтой Иравадди, быстро уступает место наступающим диалектам бирманского класса, в то время как Khô из Камбоджи также ограничен нижней частью реки Мехонг, и его теснят сиамцы, лау и анамиты Кочинского Китая.

Разделенные между собой, моны и кхо больше похожи друг на друга, чем на соседних сиамских; из этого можно сделать вывод, что когда-то они были связаны переходными и промежуточными диалектами, исконными для нижнего Менама, но теперь вытесненными сиамскими из Банкока, привнесенными из северных районов.

Если это так, то моносиллабический язык, наиболее близко связанный с языками Малайского полуострова (которые *не* являются моносиллабическими), - это не нынешний сиамский, а язык, который вытеснили нынешние сиамцы.

Насколько эта точка зрения подтверждается каким-либо особым родством малайских диалектов с монами и кхо, я сказать не берусь. Тем не менее, исследование должно быть проведено.

Южные диалекты T' hau не только менее похожи на Môn и Khô, чем можно было бы ожидать, исходя из их местоположения, но и *северные* менее похожи на индо-бирманские пограничные диалекты и Ассам, чем географическая близость позволяет нам предположить; поскольку процентное соотношение слов, общих для Khamti и других диалектов Мунипура и Ассама, выглядит следующим образом .[29]

Сиамский. Кхамти.

0	1	процентов.	с	Ака.
0	1	"	"	Абор.
3	5	"	"	Мисими.
6	8	"	"	Бирманцы.
8	8	"	"	Кариен.
3	3	"	"	Сингфо.
10	10	"	"	Джили.
1	3	"	"	Гаро.
3	3	"	"	Мунипури.
1	1	"	"	Сонгпху.
0	0	"	"	Капви.
1	1	"	"	Коренг.
0	0	"	"	Марам.
0	0	"	"	Кампхунг.
0	0	"	"	Лухуппа.
0	0	"	"	Северный Танхул.
0	0	"	"	Центральный Танхул.
0	0	"	"	Южный Танхул.
0	0	"	"	Хойбу.
0	0	"	"	Маринг.

Это показывает, что их первоначальное местонахождение следует искать как в *восточном*, так и в *северном* направлении.

Если диалекты T' hau менее похожи на бирманские, чем большинство других представителей своего класса, то они более похожи на тибетские B' hot.

Английский лодка.

Ахом	ру.
Кхамти	ху.
Лау	хейк.
Сиамский	ренг.
W. Тибетская[30]	гру.
S. Тибетский[30]	киа.

Английский	кость.
Кхамти	нук.
Лау	дук.
Сиамский	ка-дук.
S. Тибетский	руко.

Английский	ворона.
Ахом	ка.
Кхамти	ка.
Лау	ка.
Сиамский	ка.
W. Тибетский	кха-та.

Английский	ухо.
Кхамти (3)	hú.
W. Тибетский	sá.
S. Тибетский	амчо.

Английский	яйцо.
Ахом	кхрай.
Кхамти	кхай.
Лау	кхай.
Сиамский	хай.

Английский	отец.
Ахом (3)	по.
W. Тибетский	phá.
S. Тибетский	pálá.

Английский	огонь.
------------	--------

Ахом (3)	<i>фаи.</i>
W. Тибетский	<i>та́.</i>
S. Тибетский	<i>те́.</i>

Английский	цвeтoк.
Ахом	<i>блoк.</i>
Кхамти	<i>мoк.</i>
Лау	<i>дoк.</i>
Сиамский	<i>дoкмaй.</i>
W. Тибетский	<i>мe-тoг.</i>
S. Тибетский	<i>мeн-тoк.</i>

Английский	нoгa.
Ахом	<i>oлoвo.</i>
W. Тибетский	<i>rkang-pa.</i>
S. Тибетский	<i>кaнгo.</i>

Английский	вoлocы.
Ахом	<i>фpум.</i>
Кхамти	<i>фoм.</i>
Лау	<i>фoм.</i>
Сиамский	<i>фoм.</i>
W. Тибетский	<i>скpа.</i>
--	<i>спи.</i>
S. Тибетский	<i>тa.</i>
--	<i>кpа.</i>

Английский	гoлoвa.
Ахом	<i>гu.</i>
Кхамти	<i>xo.</i>
Лау	<i>xo.</i>
Сиамский	<i>xoa.</i>
W. Тибетская	<i>мгo.</i>
S. Тибетский	<i>гo.</i>

Английский	лyнa.
Сиамский	<i>тaвaн.</i>

W. Тибетский *злава.*

S. Тибетский *дава.*

Английский *мать.*

Ахом (4) *я.*

Тибетский *ама.*

Английский *ночь.*

Кхамти (3) *кхун.*

W. Тибет *m tshan-мо.*

S. Тибет *чен-мо.*

Английский *масло.*

Ахом *человек гра.*

Кхамти *пат.*

-- *человек.*

Лау (2) *пат.*

-- *мужчина.*

S. Тибет *пит.*

Английский *дорога.*

Ахом (2) *táng.*

Сиамский *tháng.*

W. Тибетский *лами.*

S. Тибетский *лани.*

Английский *соль.*

Ахом *клюд.*

Кхамти *ку.*

Лау *кеу.*

-- *кеу.*

Сиамский *клеуа.*

Английский *кожа.*

Ахом *плек.*

W. Тибетский *паг-спа.*

S. Тибетский *паг-па.*

Английский	зуб.
Ахом	кхиу.
Кхамти	кхиу.
Лау	кхьяу.
Сиамский	кхиау.
Тибетский	só.

Английский	дерево.
Ахом	тун.
Кхамти	тун.
Лау	тон.
Сиамский	тон.
W. Тибетский	l. jon-shing.
S. Тибетский	shin dong.

Английский	3.
Ахом (3)	Сэм.
W. Тибетский	q-sum.
S. Тибетский	sum.

Английский	4.
Ахом (3)	си.
W. Тибетский	бжи.
S. Тибетский	zhyi.

Английский	5.
Ахом (3)	ха.
W. Тибетский	хна.
S. Тибетский	гна.

Английский	6.
Ахом	рук.
Сиамский (3)	хок.
W. Тибет	друк.
S. Тибетский	thú.

Английский	9.
------------	----

Ахом (3) кау.
W. Тибетский д-гу.
S. Тибетский гух.

Английский в, на.
Ахом ню.
Кхамти нау.
Лау ней.
Тибетский ла, на.

Английский сейчас.
Ахом тинай.
Кхамти цанг.
Лау ленг.
W. Тибетский дэн-цзе.
S. Тибетский тханда.

Английский завтра.
Ахом санг-манай.
Тибетский санг.

Английский пить.
Сиамский деум.
W. Тибетский пхунг.
S. Тибетский тунг.

Английский спать.
Ахом (2) не.
W. Тибетский ньян.
S. Тибетский пуэ.

Английский смеяться.
Ахом кхру.
Кхамти кхо.
Лау кхоа.
Сиамский хоаро.
W. Тибетский бгад.

S. Тибетский *fgá*.

[30] S. означает *устный*, W. - *письменный* тибетский. Сводка сделана на основе таблицы г-на Ходжсона в "Журнале Азиатского общества Бенгалии". Ахом - это диалект тхаи.

На самом языке B' hot говорят на большой территории с незначительными различиями. Мы предвидим выводы. Это интрузивный язык, распространившийся сравнительно недавно. Каково было его направление? Скорее с востока на запад, чем с запада на восток; по крайней мере, такой вывод следует из его сходства с T' hau, а также из множества диалектов - представителей отступающего населения в Гималаях Непала и Сиккима. Однако в этом вопросе я высказываюсь с сомнением.

На диалектах класса B' hot говорят вплоть до западных районов Кашмира и водораздела Инда и Оксуса. Это дает нам наибольшее распространение на восток любого однозначно монослогового языка.

Китайцы, по-видимому, совершили перемещения, столь же примечательные как в ширину, так и в длину, как и T' hau в длину. К их первоначальному местонахождению мы пришли исчерпывающим путем. На северной и западной границе они продолжают вторгаться в настоящее время - за счет маньчжуров и монголов. В провинциях Чанси, Пе-че-ли, Чантун, Хонан и т. д., а также на четырех пятых всей империи, единообразие речи свидетельствует о недавнем распространении. В Сетшуэне и Юньнани тип меняется, вероятно, от истинно китайского к тибетскому, тайскому и бирманскому. В Тонкине и Кочине язык похож на китайский, но отличается от него настолько, что является единственным монословным языком, который любой человек помещает в один раздел с китайским, но отличается настолько, что это положение вызывает у многих сомнения. Если собрать все это воедино, то южные и юго-восточные провинции Китая кажутся самыми древними частями нынешней территории.

Если говорить об этих провинциях как о родительских, то, с одной стороны, этнологические данные, а с другой - масса традиций и умозаключений, которые носят почетное название китайской истории, расходятся во мнениях. Последние выглядят следующим образом:-

В период до 550 г. до н. э. первый монарх, с которого началось улучшение Китая и которого звали Яо, правил небольшой частью нынешней империи, то есть ее *северо-западным* районом; и первыми народами, с которыми он сражался, были Ен и Ци, в Пе-че-ли и Шаньтуне соответственно.

Позже был завоеван Хонан.

550 Г. ДО Н.Э. Все к югу от Та-кеанга было варварским, а титул китайского короля был только *Ванг* или *принц*, а не *Хоанг-те* или *император*.

В это время жил Конфуций. Среди прочего он написал "*Цань-цэн*", или "Анналы" своего времени.

213 Г. ДО Н.Э. Ши-хоан-ти, первый император всего Китая, построил великую стену, колонизировал Японию, завоевал части около Нанкина и *намеренно уничтожил все ранее существовавшие документы, к которым мог приложить руку*.

94 Г. ДО Н.Э. Сэсэ-мац-сян жив. То, что упустил Ши-хоан-ти в плане записей, сохранил Ссе-мац-сян, и в этом качестве он проходит как Геродот Китая.

Уничтожение ранних записей с последующей реконструкцией истории, которую они якобы воплощали, всегда подозрительно; а когда принцип реконструкции признается, нельзя придавать никакого значения внутренней вероятности повествования. Оно может быть вероятным. Оно может быть правдивым. Однако оно не может быть историческим, если не подкреплено историческими свидетельствами; поскольку, если оно правдиво, оно является предположением, а если вероятно, то образцом такта изобретателя. В лучшем случае это может быть лишь *традиция* или *умозаключение*, в основе которого может лежать определенное количество фактов - малое или большое, в зависимости от темперамента исследователя.

Итак, в предыдущем обзоре истории китайской цивилизации мы поместили ее претензии на высокую древность под настолько благоприятную точку зрения, насколько это возможно. Они имеют видимость истины - настолько, что если бы у нас были основания полагать, что существуют какие-либо средства для их записи в столь раннюю эпоху, как 600 лет до н. э., и сохранения их до столь позднего времени, как 51 год, скептицизм был бы дерзким. Но это не тот случай. Исторический факт должен основываться на доказательствах, а не на вероятностях; и доказывать древность такой цивилизации, как китайская, исходя из древности ее истории, а затем утверждать историческую ценность отдаленных традиций на основании ранней цивилизации - значит рассуждать по кругу.

Не утверждая, что *все* аргументы в пользу древности Китайской империи такого рода, можно с уверенностью сказать, что *большая их часть* была такой - настолько, что Конфуций стал таким же мифологическим персонажем, как Минос, а самые ранние разумные записи были отнесены к эпохе после введения буддизма из Индии. Но даже эта древность лишь вероятна.

Квадратный участок земли между Гангом и Верхней Иравадди занят одной доминирующей и более чем тридцатью подчиненными частями одного и того же населения - *бирманцами*. Некоторые из них - горцы, отступившие перед индийцами с юга и запада - захватчиками исконно бирманских стран Ассам, Читтагонг и Силхет. Другие сами являются захватчиками или (что в общем-то одно и то же) объединителями завоеванных стран. Таковы аваны Бирманской империи, правильно названные так, которые, похоже, последовали курсу иравадди, вытеснив не только родственные им мелкие племена, но и моно из Пегу. Наконец, кариены подражают тхаи по протяженности ареала и направлению с севера на юг, их можно встретить в южной части провинции Тенассерим (на 11° северной широты) и на самой границе Китая (на 23° северной широты).

Ни одно большое семейство не имеет столь тесного совпадения своего распространения с водной системой, как рассматриваемое. Его границами являются плато Монголии и Гималаи. Оно занимает весь[31] всех рек, которые поднимаются в этих пределах и впадают в Бенгальский залив или Китайское море; в то время как (за исключением гималайских частей Инда и Ганга) оно не занимает ни одной из других. Линии миграции индо-китайского населения, как правило, проходили по течению индо-китайских рек, а цивилизация процветала в основном вдоль их долин. Однако, поскольку они ведут к океану, не прерываемому ни одним свежим континентом, их направление привело к изоляции наций, владеющих ими. Я полагаю, что это в гораздо большей степени связано с особенностями китайской цивилизации, чем с чем-либо еще. Если бы Хоангхо упал в море, подобное Средиземному, Поднебесная империя, вероятно, давала бы и брала бы в виде социального и политического влияния, воздействовала бы на нравы всего мира и сама подвергалась бы

реакции. Различия следует приписывать такой неопределенной и неустранимой силе, как *раса*, только при прочих равных условиях.

Исходя из принципа рассмотрения вопросов в порядке их сложности, чтобы сначала решить самый простой, я пока опускаю связь между Африкой и Юго-Западной Азией и беру более легкий из двух европейских.

Туранцы. Линия, которая начинается в Лапландии и, после демонстрации великих туранских связей, заканчивается у стены Китая, включая угров, самодийцев[32], енисейцев[32], юкахири[32], турок, монголов и тунгусов[33], связана с областью односложных языков в разной степени ясности в зависимости от применяемого критерия. Физическое строение почти идентично. Языки отличаются друг от друга - туранский, как и океанийский и американский, является инфлексивным и полисиллабическим[34]. На этом различии начинаются и заканчиваются сложности, связанные с принадлежностью. Их количество уже было предложено.

Большая часть Северной Европы, независимая Тартария, Сибирь, Монголия, Тибет, Китай и Трансгангетический полуостров, в настоящее время отчуждены. Тем не менее, Индия, Персия, Малая Азия и Кавказ остаются; по размерам они незначительны, по сложности - очень сложны, потому что точки соприкосновения Европы и Азии, Африки и Азии находятся в пределах этой области; очень сложны, потому что перемещения были огромными; очень сложны, потому что, помимо перемещений, происходило также смешение. Чтобы никто не преуменьшал значение перемещений, пусть посмотрит на Малую Азию, которая сейчас является турецкой, которая была римской, персидской и греческой и которая не имеет ни одного однозначного остатка своего первоначального населения по всей своей длине и ширине. И все же, как бы ни было это велико, это не более чем то, что мы ожидаем *à priori*. Какие семьи являются и были более захватническими, чем население здешних мест - турки с севера, арабы с юга и персы с востока? Здесь лежат старейших империй мира, а старые империи предполагают раннюю консолидацию; ранняя консолидация - преждевременное вытеснение. Далее следуют феномены смешения. В Индии существует литературный язык, имеющий значительный возраст и изобилующий инлексиями. Ни в одном из современных языков во всей Азии нельзя найти ни одной из десяти таких инфлексий. Однако они широко распространены во многих европейских языках. Кроме того, *слова* этого же языка, *за вычетом* инфлексий, широко распространены в тех языках, где инлексии отсутствуют; в некоторых случаях они составляют девять десятых языка. Какой вывод можно сделать из этого? Во всяком случае, не очень ясный.

У Африки есть только одна точка соприкосновения с Азией, *то есть* Аравия. Это можно с уверенностью утверждать, потому что, независимо от того, переносим ли мы миграцию через Суэцкий перешеек или Вавилонско-Мандебский пролив, результаты схожи. Азиатский фонд в любом случае один и тот же - семитский. Но у Европы, помимо других загадок, есть еще две, а возможно, и три. Одна из них достаточно проста - это линия Лапа и туранский фонд. Но другие не так просты. Легко сделать угров азиатами; но ни в коем случае не легко связать других европейцев с уграми. Сарматы, ближайшие по географии, никогда не были успешно связаны с ними. Действительно, писатели так не хотели признавать эти отношения, что финская гипотеза, со всей ее смелостью, казалась лучшей альтернативой. Однако финская гипотеза - это всего лишь предположение. Даже если это не так, она охватывает только басков и албанцев; так что так называемые индоевропейцы все еще остаются в стороне.

По этим причинам предстоящие части будут рассмотрены с гораздо большей подробностью, чем предыдущие; не так подробно, как в этнологии, но все же медленно и тщательно.

Все, что остается исследовать, отделено от уже изученной территории линией гор, которая прослеживается от холмов Гаро на северо-востоке Бенгалии до устья Кубани в Черном море. Сначала идут Восточные Гималаи, которые, грубо говоря, можно сказать, отделяют индийские королевства и зависимые территории от Китайской империи. Это не совсем так, но достаточно близко для данной цели.

Точно так же можно сказать, что они отделяют индусские народы от тех, что имеют более типично монгольское происхождение.

Точно так же можно сказать, что они разделяют индийские языки от односложных.

На *северной* стороне этого хребта языки, несомненно, односложные, на них говорят вплоть до Малого Тибета. На *юге* индусские языки многочисленны и несомненны вплоть до *Кашмира*.

Затем наступает перемена. К северу и западу от Кашмира находится *Кохистан*, или *горная страна*, которая вскоре потребует подробного описания. Однако линия, которой мы сейчас занимаемся, - это северная граница долины реки Кабул, горы между Кабулом и Гератом и продолжение того же хребта от Герата до юго-восточного угла Каспия. К северу от нее находятся, грубо говоря, тюрки-узбеки и тюрки-туркоманы; к югу - афганцы и персы. Бохара, однако, персидская, а *Кохистан*, о котором идет речь, *не* тюркский, каким бы еще он ни был.

Далее - эта линия проходит почти параллельно южному берегу Каспия. Из провинций к северу от нее Астерабад - частично тюркская, частично персидская; Мазендеран и Гилан - персидские. От Гилана к северу и западу долины Кира и Аракса составляют главное исключение, но, кроме них, все - горы и горцы. Действительно, слева от нас лежат Арарат и Армения, а впереди возвышается обширный и туманный Кавказ.

Самая простая этнология частей между этим хребтом, семитской областью и морем - это персидская провинция Хорасан. С Персией мы настолько привыкли связывать представления о восточной пышности и роскоши, что едва ли способны дать ей истинные географические условия общей стерильности. Тем не менее, это действительно пустыня с оазисами - пустыня с оазисами на большей части ее территории. И среди всех ее провинций мало найдется таких, как Хорасан. Здесь мы имеем большую возвышенность в центральной части столовой земли, в основном лишенную рек, с небольшим количеством городов. Из них главный интерес представляет Йезд - штаб-квартира остатков старого поклонения огню: Езд - город парсеев, которых здесь больше, чем во всех других городах Персии. Возможно, это также этнологический центр персидской народности, поскольку в западном направлении они простираются до Курдистана, а в северо-восточном - до Бадукшана и Дурваза на истоках Оксуса.

Северная граница - туркоманская, куда вторгаются и вторгались пастушеские разбойники из частей между Бохарой и Каспием.

На юге их можно встретить вплоть до Шурухов; а к востоку от Шурухов их сменяют Хазарехи - возможно, *полностью*, а возможно, *частично*, монгольской крови.

Аббасабад на северо-западе - грузинская колония. На линии между Мешхедом и Гератом расположено несколько курдских колоний. В Сеистане мы имеем персов; но дальше к югу есть Билух и Брахуи. На восток приходят афганцы.

Керман также персидский, причем в большей степени, чем Хорасан. Фарс - то же самое; но к западу от Фарса население меняется, и появляются арабские элементы. Они увеличиваются

в Хузистане; а в Ираке Араби мы в одно и то же время достигаем богатой аллювии Тигра и Евфрата и сомнительной границы. Была ли она изначально арабской или персидской - вопрос спорный.

Из Ирака следует вычесть Ларистан и горы Бактяри, а также всю северо-западную половину. Хамадан - это древняя Экбатана; древней Экбатаной была Медия - но то, что меды и персы были так тесно связаны по крови, как мы предполагаем, в своих неизменных законах, отнюдь не является безопасным предположением. Существование *третьего* языка в надписях на наконечниках стрел еще ждет удовлетворительного объяснения.

С другой стороны, мазендеранский язык полностью персидский, как и гиланский. Однако талиши, живущие к северу от этой провинции, возможно, принадлежат к другой народности. Астерабад, как уже говорилось выше, является пограничной провинцией.

Я думаю, что есть все основания полагать, что Аджербиджан изначально был не персидским.

В Балхе и Бохаре более старое - но не обязательно самое старое - население, по-видимому, персидское под властью недавно иммигрировавших узбеков. За пределами этих стран персы вновь появляются в качестве основного населения, *т.е.* в Бадукшане и Дурвазе.

На этом собственно персидское население заканчивается, но не полностью и не резко.

Происходят три его модификации: 1.

- 1. В Билучистане на юго-востоке.
- 2. В Курдистане на западе.
- 3. В Афганистане на востоке.

Кроме того, персы вторгаются в армянскую и кавказскую области в Ширване, Эривани и Карабахе - во всех этих странах, а также в Аджербиджане, я считаю, что они были навязчивыми.

Билух. К востоку и юго-востоку от собственно персов Кермана приходят билухи Билучистана. Здесь, безусловно, происходит смена типа. Физически страна очень похожа на столовые земли Кермана. Однако Индия приближается, так что билучи - пограничные племена. В определенной степени они являются посягателями. Мы находим их в Синде, в Мултане, в районах между Индом и горами Сулимани, а также в средней части самих Сулиманских гор. Они называют себя *Усул* или *Чистые*, что подразумевает либо вытеснение, либо смешение в окружающих районах. Их язык - модифицированный (многие называют его *плохим*) персидский. Филологически, однако, это может быть более древний и более поучительный диалект - хотя у меня нет особых причин считать его таковым. Теперь появляются индуистские черты физиогномики. Так же как и семитские элементы управления и социальной конституции. У нас есть племена, кланы и семьи, с делениями и подразделениями. У нас есть уголовное право, которое заставляет нас вспомнить о левитах. У нас есть классы, которые не любят вступать в брак, и это наводит на мысль о *касте*. Также у нас есть пастушеские привычки, как в Монголии. Религия, однако, магометанская, так что если какие-то остатки первобытного язычества, пригодные для целей этнологической классификации, все еще существуют, они лежат слишком далеко под поверхностью, чтобы их можно было заметить.

Капитан Постанс отличает билухов от мекрани из Мекрана; но о последнем народе я не знаю хорошего описания. Вероятно, это керманские персы. На холмах между Джалаваном и

Синдом живет семья, о которой мало что известно, но она является одной из самых важных в мире - брахуи.

Курды. - Линия, проведенная наискосок через Персию от Билучистана на северо-запад, приводит нас к еще одному пограничному населению; населению, сопряженному с семитскими арабами Месопотамии и неустановленными армянами. Это горцы - курды Курдистана. По имени они - *кардухи* из "Анабасиса". Имя за имя - *гордеи*. Имя за имя, они, вероятно, *халдеи* и *хасд-им* - факт, который порождает сложное осложнение, поскольку халдеи в глазах девяти писателей из десяти - хотя и не в глазах такого авторитета, как Гезениус - являются семитскими. Территория Курда имеет преимущественно неправильные очертания. Не менее примечательна она и по своим физическим условиям. Это горный хребет - именно то место, где мы ожидаем найти старое и аборигенное население, а не новое и интрузивное. Однако, с другой стороны, курдская форма персидского языка не отличается многообразием и различием диалектов - факт, который наводит на противоположные мысли. Курды простираются на юг до северной границы Фарса, на север до Армении и на запад до верховьев Халиса. Вторглись ли они в пределы страны? Это сложный вопрос. Армяне - народ, который обычно уступает дорогу вторгшимся; но арабы - скорее вторгшиеся, чем наоборот. Направление курдов - вертикальное, *то есть* узкое, а не широкое, и с севера на юг (или *наоборот*), а не с востока на запад (или *наоборот*), направление, достаточно распространенное там, где совпадает с долиной реки, но редкое вдоль горной цепи. Тем не менее, оно вновь появляется в Южной Америке, где Перуанская область совпадает с Андами.

Афганцы. Афганская область очень близка к водной системе реки Гельмунд. Направление ее распространения - восток и северо-восток; в первом случае она посягнула на Индостан, во втором - на южных представителей класса, который удобно назвать Паропамисан. Таким образом (я думаю) долина реки Кабул стала афганской. Отношения ее к стране хазарейцев не определены. Большинство хазарейцев - монголы по физиономии. Некоторые из них монголы и по физиономии, и по языку. Это указывает на вторжение и смешение - вторжение и смешение, которые, как говорит история, произошли после времен Тамерлана. Феномены, свидетельствующие о вторжении и смешении, широко распространены по всему Афганистану. В некоторых случаях - как в случае с хазарейцами - они появились недавно или после афганской оккупации; в других - они древние и предшествуют ей.

Бохара. Я не ставлю подразделение, содержащее таджиков Балха, Кундуза, Дурваза, Бадукшана и Бохары, в один ряд с подразделением, содержащим афганцев, курдов и билухов, потому что не уверен в его ценности. Вероятно, однако, в действительности это такой же отдельный субстантивный класс, как и все предыдущие. Здесь вторжение было настолько сильным, политические отношения настолько раздельными, а смешанное население настолько неоднородным, что долгое время оставалось сомнительным, являются ли жители Бохары персами или турками. Клапрот, однако, показал, что они принадлежат к первому типу, хотя и подчиняются узбекским туркам. Если это так, то нынешние таджики представляют собой древних бактрийцев и согдийцев - персов из долины и водной системы Оксуса. Но что, если это были незваные гости? Я почти не сомневаюсь, что слово *Oxus* (*Ok-sus*) представляет собой тот же корень, что и *Yak* в *Yaxsartes* (*Yak-sartes*), и *Yaik*, название реки, впадающей в северную часть Каспия. Это *туранское* название *реки*, которое одинаково встречается в тюркских, угаритских и гиперборейских языках. Во всяком случае, Бохара находится на этнологической границе.

Но Бактрия и Согдиана были персидскими во времена преемников Александра; они были персидскими в самом начале исторического периода. Да будет так. Исторический период

очень короток, и нет никакой причины, почему бы населению не вторгаться в одно время и самому не вторгаться в другое.

Все перечисленные части и все деления настолько несомненно персидские, что мало кто из компетентных авторитетов отрицает этот факт. Самое большее, что когда-либо было сделано, - это разделение афганцев. Это сделал сэр У. Джонс. Он сделал большой акцент на определенных еврейских характеристиках, у него была голова забита Десятью коленами, и он был обманут в словаре их языков. Мистер Норрис также склонен разделять их, но на других основаниях. Он не может считать афганский язык индоевропейским, а персидский - иным. Его вывод верен, если верны его факты. Но что, если персидский язык не является индоевропейским? В этом случае они оба могут попасть в одну и ту же категорию.

Но сложность персидского населения еще не завершена. Существует разделение на *таджиков* и *иллийцев*; первые - это оседлые жители городов и деревень, говорящие на персидском языке, другие - пастушеские или бродячие племена, говорящие на арабском, курдском и тюркском языках. То, что *таджик* - это то же слово, что и корень *таок*, в *Таок-ене*, части древней страны Персис (ныне *Фарс*), и, следовательно, в преимущественной персидской местности, является безопасным предположением. Однако вывод, что таково было первоначальное место обитания персидской семьи, сопряжен с многочисленными, но отнюдь не непреодолимыми трудностями. Что касается их хронологических отношений, можно сделать общее заявление, что везде, где мы имеем таджиков и илийцев вместе, первые являются более древним, а вторые - более новым населением. Следовательно, ни в одном из племен Илият не следует искать более близкого приближения к аборигенам, чем то, которое мы находим в обычном населении. Они являются аналогами евреев и цыган Великобритании, а не валлийцев - скорее недавние трансплантаты, чем части старого фонда. В Афганистане все было не так однозначно. Более того, вывод напрашивался обратный.

Древность и история Персии слишком хорошо известны, чтобы на них можно было сделать лишь беглый намек. Вероучение Зороастра до сих пор существует в измененном (возможно, испорченном, возможно, улучшенном) виде в религии современных парсов. Язык зороастрийских писаний назывался *зенд*. Сейчас *зенд* - это индоевропейский язык, который сильно инфлексирован. Однако в современном персидском языке *инфлексий* почти нет, а из тех немногих, что есть, ни в коем случае нельзя с уверенностью утверждать, что они *зендского* происхождения. Тем не менее, подавляющее большинство современных персидских слов - *зендские*. Что это значит? Это значит, что филолог находится в затруднении; что грамматическая структура указывает в одну сторону, а словарный запас - в другую. Эта трудность еще встретится нам.

Индия. Во времена Геродота и даже раньше Индия была частью Персидской империи. Однако Индия не была Персией. Во времена Дария она была не более Персией, чем сейчас Англия. Изначально индийский народ был и остается особенным - особенным в своих основных принципах, но не чистым и не модифицированным. Огромная степень, в которой эта модификация подразумевает вторжение и смешение, является великим ключом к девяти десятым сложностей трудной этнологии Индостана. На что бы мы ни обратили внимание - на сопоставление различных форм индийской речи, на многообразные степени слияния между ними, на разделы и подразделы их вероучений - регион за регионом, - на осколки древнего язычества, на различия кожи и черт лица или на институт каст - за вторжением следует смешение, и смешение в любой степени и при любом способе проявления, - вот о чем идет речь.

И теперь мы имеем двойственность - примитивный элемент и чужеродный - приплод и прививка. Нет ничего более определенного, чем то, что прививка пришла с северо-запада. Означает ли это, что обязательно из Персии? Таково современное мнение; или, если не из Персии, то из некоторых частей самой Индии, ближайших к персидской границе. Однако есть причины отказаться от этой точки зрения. Определенные влияния, чуждые Индии, могли прийти *через* Персию, не будучи персидскими. Доказательство того, что та или иная характеристика была привнесена в Индию *через* Персию, - это одно, а доказательство того, что она возникла в Персии, - совсем другое. Однако их часто путают.

На юге Индии иноземный элемент проявляется в меньшей степени, чем на севере; поэтому именно юг Индии демонстрирует изначальный фонд в его наиболее полной форме. Его основные характеристики можно разделить на три группы: физическая форма, вероисповедание и язык. Что касается первого, то южный индеец темнее *северного*, т.е. при одинаковых внешних условиях, но не настолько, чтобы горец из Декхана был чернее бенгальца из дельты Ганга. Происхождение, или каста, тоже влияет на цвет кожи, и чем чище кровь, тем светлее кожа. Кроме того, губы толще, нос реже бывает аквильным, скулы более выдающимися, а брови менее правильными у южан. Самая совершенная форма индийского лица дает нам правильные и тонкие черты, дугообразные брови, аквилинный нос, овальный контур и чистый цвет лица брюнетки. Все это - персидское.

Отступите от него, и сравнения напрашиваются сами собой. Если губы утолщаются, а кожа чернеет, мы думаем о негре; если скулы выделяются, а глаза, как это иногда бывает, становятся косыми, в голову приходит монгол.

Первоначальные индийские верования лучше всего характеризуются отрицательно. Они не являются ни браминскими, ни буддийскими .

Язык, на данный момент, лучше всего подвести под то же описание. Ни один из ныне живущих людей не считает его *индоевропейским*.

В той мере, в какой любая конкретная индийская популяция характеризуется этими тремя признаками, ее происхождение, чистота и коренная природа становятся более очевидными, и *наоборот*. Следовательно, их можно рассматривать в порядке появления внешних и видимых признаков аборигенности.

Первыми, как уже говорилось, идут южане континента^[35] ; и первыми среди них - горцы. В Восточных Гаутах мы имеем Ченчваров, между Кистой и Пеннаром; в Западных - Котаров, Тудов, Курумбаров, Эруларов и множество других горных племен; все они сходятся в том, что являются либо несовершенными браминцами, либо язычниками, и говорят на языках, сходных с тамулами побережья Короманделя; язык , который дает название классу, и вводит важный филологический термин *Tamulian*. Внешность этих людей ни в коем случае не столь характерна, как их речь и вероисповедание. Горная *среда обитания* благоприятствует светлому цвету лица. С другой стороны, это способствует монгольскому выделению скул. Однако многие туды имеют правильные черты персидского лица - и все же они чистые среди чистых среди коренных тамульских индейцев.

На *равнинах* язык тамульский, а вероисповедание браминское; это подтверждается фактами, которые доходят до севера, вплоть до восточной части Чикаколы и западной части Гоа.

На юге, таким образом, находятся главные образцы истинных тамульских аборигенов Индии; характеристики которых сохранились благодаря простому эффекту расстояния от места нарушения. Однако расстояние само по себе было лишь слабым консервантом. Сочетание горной твердыни повышало его эффективность.

В Центральной Индии одна из этих гарантий ослаблена. Мы ближе к Персии; и только в горах иностранные элементы достаточно незначительны, чтобы сделать тамульский характер населения несомненным и неоспоримым. В стране Махратта и в Гондване гондцы, в Ориссе - колс, хонд, и сурс, в Бенгалии - горцы Раджмахали - тамульцы по языку и язычники по вероисповеданию или, если не язычники, то несовершеннобраменные. Но, впрочем, все они горцы. В более равнинной стране вокруг них говорят на языке махратта, удия или бенгальском.

Теперь махратта, удия[36] и бенгали не являются однозначно и неоспоримо тамульскими. Они настолько далеки от этого, что объясняют, что имелось в виду под отрицательным утверждением о том, что тамульские языки не считаются *индоевропейскими*. Именно так и считались эти языки. Правильно или неправильно - сейчас не так важно. Если правильно, то мы имеем различие языков как *primâ facie* - но не как *убедительное - доказательство* различия склада. Если неправильно, то в самом существовании мнения, которое обычная вежливость должна побудить нас считать разумным, мы имеем практическое выражение некоторого значительного различия того или иного рода - изменения от соответствующих тамульских характеристик к чему-то другому, столь значительному по своей *степени*, что это выглядит как различие в *роде*. У бенгальцев и, в определенной степени, у двух других народов чужеродный элемент приближается к своему *максимуму*, или (меняя выражение) свидетельство тамульскости достигает своего *минимума*. Однако он не уничтожен. По крайней мере, по внешнему виду махратты - настоящие южноиндийцы. Даже если язык не тамульский, хинду северной Индии все равно могут быть одного рода с майсурскими и малабарскими, так же как корнуоллец является *валлийцем*, то есть британцем, сменившим родной язык на английский.

Промежуточным звеном между кхондами и бенгальцами в отношении доказательств их тамульского родства являются горцы северо-западной Индии. Здесь консервирующее воздействие расстояния практически не ощущается. Однако в горных районах проживает следующее население - бердары, рамуси, вурали, паурии, кули, бхилы, мевары, моголы, мины и т.д. и т.п., говорящие на языках одного класса с махраттами, удиями и бенгальцами, но все несовершеннобраменского вероисповедания.

Другие важные языки Индии, относящиеся к тому же классу, что и вышеупомянутые, - это гузератский, удский хинду, пенджабский и несколько других, которые не перечислены - отчасти потому, что не совсем ясно, как их расположить[37], отчасти потому, что они могут быть скорее субдиалектами, чем отдельными основными формами речи. Они ведут нас к границе Афганистана, Билуча и Тибета.

С ними мы уже сталкивались. Но есть одна народность, принадлежащая к этим же областям, с которой мы имеем дело в дальнейшем, Билучистан был описан, но не в деталях. Билухи, давшие название этой стране, были названы персами. Но билухи - такие же единственные и исключительные жители этой страны, как англичане - Великобритании. У нас есть свои валлийцы, а у билухов - свои брахуи.

Опять же, горный хребет, образующий западный водораздел Инда, не является полностью афганским. Это тоже Билух. Но он не полностью билухский. Билух доходит только до определенной точки на юге. Хребет между мысом Монтзе и верхней границей Кутч-Гундава -

это *Брахуи*. Такого слова, как *Брахуистан*, не существует, но было бы хорошо, если бы оно существовало.

Язык брахуи относится к тамульской семье. Это родство ни в коем случае не лежит на поверхности, да и не похоже, что оно должно быть. Ближайший однозначно тамульский диалект на той же стороне Индии находится на юге до Гоа, а те, что существуют дальше к северу, являются либо центральными, либо восточными. Предполагая, таким образом, изначальную непрерывность, как велико должно было быть смещение; и если смещение было велико, как легко могли исчезнуть переходные формы, или, скорее, как верно они должны были когда-то встретиться!

Однако сходство с брахуи отнюдь не лежит на поверхности. Язык известен по одному из многих ценных словарей Лича. На это обратил внимание не менее ученый, чем Лассен. Не уточняя, он заметил, что цифры похожи на цифры Южной Индии. Это действительно так, как и многое другое; действительно, сопоставление всех брахуйских словарей с тамульским и хондским языками *в целом* делает брахуйский тамульским.

Является ли он оригинальным или навязчивым? Все *мнения-валеаты-кванты* говорят против первого. Горная местность, в которой он встречается, говорит об обратном.

Наша последовательность логична, а не географична, *т.е.* мы рассматриваем местности и языки в том порядке, в котором они подчиняются этнологическим аргументам, а не в соответствии с их смежностью. Это оправдывает нас в том, что мы делаем смелый шаг, минуя всю Персию, и берем следующий по порядку Кавказ со всеми его традиционными воспоминаниями и предположениями.

Языки Кавказа входят в группу, которую, по уже указанным причинам, было бы неудобно называть *кавказской*, но которая может быть удобно названа *диоскурийской*^[38]. Она подразделяется на следующие пять частей: -1. грузины; 2. иронцы; 3. мизийцы; 4. лесги; и 5. черкесы.

1. *Грузины*. По мнению Розена, центральная провинция Картулиния, столицей которой является Тифлис, является первоначальной резиденцией грузинского рода; главные причины заключаются в том, что эта часть территории является наиболее важной. Поэтому язык называется *картвельским*, а провинции вокруг Картулинии считаются скорее дополнениями или присоединениями к грузинскому владению, чем его неотъемлемыми и первоначальными частями - что делает данную провинцию своего рода *ядром*. Наконец, персидские и русские названия, *Гург-истан* и *Гр-усия*, под которыми страна наиболее широко известна, указывают на долину реки Кура.

Со всем этим я не согласен. Максимум, что доказывается таким образом, - это большая политическая известность обитателей более благоприятных частей страны, каковой на самом деле является среднее течение Кура.

Из двух сторон водораздела, отделяющего реки Черного моря^[39] от рек Каспийского^[40], именно *западная* имеет больше прав считаться *исконным местом обитания* грузин. Именно

здесь страна наиболее гориста, а горы наиболее обрывисты. Следовательно, и у населения было бы желание и силы мигрировать на равнины, а не *наоборот*.

Еще более весомым доказательством являются диалекты. На картвельском языке говорят более чем на половине всей Грузии: в то время как в частях, *не относящихся* к картвельскому, мы слышим о следующих диалектах: - 1.

- 1. *Суанский*, в верховьях небольших рек между Мингрелией и южными частями Черкесской области - Ингур, Окумисквал и т.д. Это самая северная часть грузинской семьи.
- 2, 3. *Мингрельский* и *Имиритский*.
- 4, 5. *Гуриэль* и *акалзике* в турецкой Грузии.
- 6. *Лазский* язык. Это язык самых западных диалектов. Холмы, образующие северную границу долины Цороха, являются местом распространения лазского языка; здесь разнообразие достигло своего *максимума*. Как бы ни было малочисленно лазское население, в каждой долине есть своя разновидность речи.

Таким образом, я считаю, что на Центральном Кавказе картвельские грузины были интрузивными; и это становится вероятным благодаря характеру населения к северу и востоку от них. Между Грузией и Дагестаном мы имеем, в преимущественно труднодоступных частях восточной половины Кавказа^[41], две новые семьи, отличные друг от друга, отличные от лесгиев и черкесов.

Имея такие основания считать, что первоначальное направление грузинской территории было западным, мы можем продолжить исследование. То, что они занимали значительную часть восточной половины древнего Понта, вероятно, следует из исторического значения лазов во времена Юстиниана, когда лазская война беспокоила выродившихся константинопольских римлян. Их можно отнести к западу до Трапезунда. Безопасно также переносить их и дальше. Одним из самых распространенных грузинских окончаний является слог *-пе* или *-би*, знак множественного числа; это обстоятельство придает городу *Сино-пе* грузинский облик - *Синопе* у мыса *Калли-пи*.

2. К северо-западу от Тифлиса находятся города Душе и Гори, один на самом Куре, другой на левом его притоке. Горы выше находятся под властью *иронцев* или *осетин*. В российской Грузии их насчитывается около 28 000. Название "*ирон*" они дают себе сами; "*осетины*" - так их называют грузины. Их язык содержит такой большой процент персидских слов или *наоборот*, что можно смело отнести их обоих к одному классу. Это, соответственно, и было сделано, а кроме того, было сделано еще многое другое, что не является ни безопасным, ни разумным.

3. *Мизеджи* - На востоке от горца Ирона живут такие же горцы Мизеджи, семейство небольшое по численности, но распадающееся на отделы и подразделения. Поэтому они имеют преимущественное право считаться коренными жителями тех мест, где они обитают. Части к северу от Телава, к северо-востоку от Тифлиса, образуют область мизджеев. Она невелика - с севера ее ограничивают черкесы, а с востока...

4. *Лесги* на Восточном Кавказе или в Дагестане, рядом с черкесами, самая независимая семья Кавказа. Ни один из них не распадается на большее число отделов и подразделений: напр.

- а. *Маруланцы* или *горцы* (от *Марул* = *гора*) говорят на аварском языке, диалектами которого являются анзухский, тшарийский, андийский, кабутский, дидойский и унсохский.
- b. *Каси-кумук*.
- c. *Акушский*.
- d. *Кура в Южном Дагестане*.

Вытеснение иронцев и мизджеев - а судя по ограниченной территории их обитания, вытеснение вполне закономерно - должно быть произведено в основном одними грузинами; вытеснение лесгиев, по-видимому, связано с тройным влиянием. То, что талиши к северу от Гилана - это лесги, сменившие родной язык на персидский, - вероятное предположение Фрейзера. Если оно верно, то это делает провинцию Ширван вероятной частью первоначального лесгианского ареала - вторжение было осуществлено армянами, персами и грузинами.

5. *Черкесы* занимают северный Кавказ от Дагестана до Кубани; вступая в контакт со славонцами и татарами на участках между Азовским морем и Каспием. Поскольку оба эти региона являются преимущественными для вторжения, более ранний контакт был, вероятно, у самых северных представителей черкесской семьи и южных угров. Деления и подразделения черкесской семьи многочисленны и ярко выражены.

Армяне. - За исключением горцев Ирона и Мизеджи, армяне есть на всем российском Кавказе, смешанные, по большей части, с грузинами. Они скорее кочевники, чем коренные жители. В Ширване, Карабахе и Карадаге они так же смешаны с персами и турками. В этом случае, однако, армянское население, вероятно, более древнее; таким образом, мы приближаемся к первоначальному ядру семьи. В Эривани армян больше, чем где-либо еще, а в Карсе и Эрзеруме они достигают своего *максимума*. В Диарбекре граница меняется, и племена, которые теперь вклиниваются в армянскую область, - это семитские арабы и чалдани из Месопотамии и персидские курды из Курдистана.

Много говорилось о том, насколько армянский язык отличается от грузинского, учитывая географический контакт между ними. Верно, что языки соприкасаются *сейчас*, и, вероятно, так было и 2000 лет назад. Однако из этого отнюдь не следует, что так было всегда. Грузинский язык вторгся, иронский отступил; этот факт делает вероятным, что в то время, когда не было грузинского языка к востоку от Имиритии, осетинский язык Тшилдира и армянский язык Карса встречались на Верхнем Куре. Вывод, сделанный на основе отношений между языками монов, хо и тхай, повторяется и здесь, поскольку иронский и армянский более похожи, чем армянский и грузинский. В качестве грубой меры сходства я могу указать на существование убеждения, что оба языка являются индоевропейскими.

Малая Азия Из Армении мы переходим в Малую Азию. Одним из обстоятельств, придающих этнологии Малой Азии первостепенный интерес и важность, является уверенность в том, что в настоящее время первоначальная популяция либо полностью вымерла, либо настолько изменилась, что стала скорее *проблемой*, чем *фактом*. В этом нет ни сомнений, ни тени сомнения - ведь именно в исторический период произошла эта трансформация. Именно в этот исторический период турки-османы, распространившись, более непосредственно из нынешней страны Туркестан, но отдаленно из цепи Алтайских гор, основали царство Рум при сельджукских царях, и в качестве предварительного шага к вторжению и частичной оккупации Европы сделали себя хозяевами всей страны, ограниченной Грузией, Арменией, Месопотамией и Сирией на востоке и юге и Эвксинским, Босфорским, Пропонтийским, Геллеспонтийским и Эгейским морями на западе. С тех пор, какой бы ни была *кровь*, язык

остается тюркским. Это, конечно, является *primâ facie* доказательством того, что и род был тюркским. Также нет никаких убедительных причин в пользу другой стороны. Физиономия, как правило, описывается как тюркская, привычки и обычаи также.

Это то, что мы получаем от обычных путешественников, и более детальная этнология, чем эта, еще не применялась. Каков будет результат, если применить более суровый тест, - другой вопрос. Скорее всего, физиономия, отрывочные традиции и суеверия, старые обычаи и своеобразные идиотизмы в диалекте укажут на остатки более древнего народа, непосредственно предшествовавшего этому. В таком случае этнологический вопрос усложняется, поскольку предполагается, что нынешние турки *смешались* с более древними аборигенами, а не заменили их *полностью*: таким образом, феномены будут скорее похожи на те, что наблюдаются в Англии (где вопрос о соотношении *более древних* кельтов и *более новых* англосаксов остается открытым), чем на те, что наблюдаются в Соединенных Штатах Америки, где кровь чисто европейская, и где смешение с аборигенами-индейцами, если оно вообще было, не имеет никакого значения.

Из обитателей Малой Азии до турок-османов мы можем установить элементы, но не пропорции, в которых они находились по отношению друг к другу.

- 1. Был элемент, поставляемый Византией Греческое население - само по себе в высшей степени смешанное и неоднородное.
- 2. Элемент, поставляемый более чистым греческим населением Собственной Греции и островов.
- 3. Возможно, присутствовали следы старого греческого населения Иоллии, Дориды и Ионии.
- 4. С востока к ним присоединилось армянское население.
- 5. Грузинского - с северо-востока.
- 6. Семитского населения с юго-востока.
- 7. В результате распространения магометанства произошло смешение арабов и сирийцев.
- 8. Были также остатки правильного римского населения, завезенного во времена Республики и Западной империи, *например*, такого, которое консульство Цицерона ввело в Киликию.
- 9. Были также остатки *персидского* господства, *например*, род, который был введен, когда это была сатрапия Тиссаферна или Фарнабаза.
- 10. И, наконец, следы *македонских* греков, чей отпечаток был наложен в период, прошедший между падением Дария и Антиоха.

Все это заставляет задуматься, но это скорее вопросы тонкой, а не общей этнологии. Последнее приводит нас к рассмотрению населения пограничных районов. Здесь мы находим

- 1. Грузины.
- 2. Армяне.
- 3. Семиты Месопотамии и Сирии.
- 4. Греки Эгейских островов.
- 5. Болгары и турки Фракии.

Из них последние - недавние вторженцы, поэтому настоящая этнология, которую необходимо рассмотреть, - это этнология *древней* Фракии. К сожалению, она столь же туманна, как и этнология самой Малой Азии.

Греки Эгейского моря, *вероятно*, являются интрузией; остальные три народа - древние обитатели своих нынешних территорий.

Теперь, рассуждая об условиях, обеспечиваемых этой границей, вполне правомерно предположить, что каждая из входящих в нее популяций выходила за пределы своих нынешних границ, и в этом случае вероятности *à-priori* будут такими.

- 1. На северо-западе было расширение фракийского населения.
- 2. На северо-востоке - грузинского.
- 3. На востоке - армянского.
- 4. На юге, в Сирии и Месопотамии.

Население Малой Азии *могло* быть простым продолжением населения пограничных областей - одной или всех.

Но оно также могло быть отдельным и отличным от любого из них.

В этом случае у нас снова есть альтернатива.

- 1. Население могло быть *единым, как едина* Германия.
- 2. Население могло делиться на несколько, более того, на множество частей, так что так называемых рас могло быть *одна, две, три, четыре* или даже больше.

Разбираясь с этими вопросами, мы прежде всего спросим, каковы причины считать, что население Азии - единое или разделенное - *было своеобразным, то есть* отличалось от населения пограничных областей - Грузии, Фракии, Армении, Месопотамии и Сирии?

На этот вопрос сразу же отвечают свидетельства Ликийских надписей, которые доказывают, что *ликийский* язык, по крайней мере, отличался от всех или любого из перечисленных языков.

Однако следующие выдержки из Геродота заставляют нас пойти еще дальше: - "Ликийцы первоначально были одним из языков.

"Ликийцы первоначально вышли из Крита, так как в старые времена весь Крит принадлежал варварам. Однако, когда на Крите возникли разногласия в отношении царства между сыновьями Европы, Миносом и Сарпедоном, и когда Минос одержал верх в беспорядках, он (Минос) изгнал и самого Сарпедона, и его фракцию; а те, после изгнания, ушли в ту часть Азии, которая является землей *милядинов*. Ведь та страна, которую сейчас населяют ликийцы, в древности была *Милией*, а *милиейцы* тогда назывались *Солими*. Некоторое время ими правил Сарпедон. Они называли себя тем именем, которое принесли с собой; и даже сейчас ликийцы называются у народов, живущих вокруг них, *Термиле*. Но когда Лик, сын Пандиона, изгнанный из Афин, как и Сарпедон, своим братом (Эгеем), пришел в Термилию под предводительством Сарпедона, они, со временем, стали называться, по имени Лика, ликийцами. Обычаи частично критские, частично карийские. Однако есть у них одна особенность, в которой они не сходятся ни с кем другим. Они называют себя по именам своих матерей, а не отцов: так что если кого-нибудь спросят, *кто он такой*, он назовет себя

сыном своей матери и перечислит матерей своей матери . И еще: если свободная женщина выходит замуж за раба, дети считаются свободными; если же мужчина, даже принадлежащий к первому сословию граждан, берет себе чужую жену или наложницу, дети считаются обесчещенными".

Во время завоевания Малой Азии для Персии при правлении Кира Гарпагом, *карийцы* не проявляли особой доблести, за исключением жителей Педаса. Они доставили Гарпагу немало хлопот, но со временем были побеждены. Ликийцы, когда Гарпаг направил свое войско к Ксанфийской равнине, отступили перед ним и, сражаясь с немногими против многих, проявили благородство; но, будучи разбиты и отброшены к городу, они собрали в цитадели своих жен, и детей, и имущество, и слуг. Затем они подожгли цитадель, чтобы сжечь ее дотла. Сделав это, они принесли торжественную клятву и с мечом в руках ушли из города. Но из тех ликийцев, которые теперь называют себя ксантийцами, большинство, за исключением восьмидесяти очагов, - чужеземцы (ἐπίλυδες). Эти восемьдесят очагов (семей) находились тогда вдали от страны. И вот они сбежали. Так Гарпаг захватил Ксанф. Таким же образом он взял Кавн. *Ибо кауниане во многом похожи на ликийцев*".

И теперь у нас есть *второй* факт, а именно: то, чем были ликийцы, были и кавнийцы.

1. Согласно особым свидетельствам Геродота, у кауниан было два особых обычая: первый - не делать различий между возрастом и полом на пирах, но пить и развлекаться - второй - демонстрировать свое презрение ко всем чужим богам, отправляясь в доспехах на Калиндийские горы и бить копьями воздух, чтобы изгнать их из пределов каунианской земли. И все же *кауниане были ликийцами*.

Были ли другие народы такими же ликийцами? Каунианцы? Лико-кауниане? или кауно-ликийцы? Поскольку конкретное обозначение не имеет значения.

Карийцы... Язык карийцев и кауниан был один и тот же, поскольку Геродот пишет: "*Каунианский народ либо приспособился к карийскому языку, либо карийский - к каунианскому*".

2. С другой стороны, поклонение национальному Эпониму было разным. *Лидийцы и мисийцы разделяют поклонение карийскому Джову. Они так и поступают. Однако столько же представителей разных народов (ἔθνος), ставших идентичными по языку с карийцами, этого не делают*.

И здесь возникает трудность: одна часть фактов соединяет, другая разъединяет карийцев и ликийцев. Язык идет в одну сторону, обычаи - в другую.

Но это не единственная сложность, которую вносит семья *Кариан*. Весь вопрос об их происхождении сложен, как и вопрос об их родстве. Карийцы распространились именно с островов на континент, а не с континента на острова; и сделали они это как подданные Миноса и под именем лелегов. Пока длилась система Миноса, карийские лелеги не платили дани, а вместо нее поставляли, когда того требовал случай, корабли и моряков. И делали они это эффективно, поскольку карийцы были одной из самых могущественных наций своего времени и, кроме того, изобретательны в военных хитростях. Из этих приспособлений три были переняты греками и признаны оригинальным изобретением карийцев. Первым из них был гребень для шлема, вторым - *устройство* для щита, третьим - *рукоять* для щита. До того как карийцы ввели это последнее усовершенствование, боец подвешивал свой баклер на кожаном шнурке либо на шее, либо на левом плече. Таков был первый этап в истории карийских лелегов, которые были скорее островными, чем континентальными, и скорее

лелегийскими, чем карийскими. Он продолжался много лет после смерти Миноса, но закончился тем, что дорийцы и ионийцы полностью изгнали их с островов и ограничились исключительно континентом.

Это позволяет связать...

- 1. Карийцев с коренными жителями островов Эгейского моря - *лелегами*.
- 2. Также с каунианами.
- 3. Также с ликийцами. К сожалению, доказательства не являются безоговорочными. Они осложняются следующими причинами.

Карийская раса не изолирована, а исконно проживает на континенте; с древнейших времен она носила то имя, которое носит в настоящее время. Доказательством тому служит то, что поклонение карийскому Юпитеру является общим для двух других, несомненно континентальных народов - *лидийцев* и *мизийцев*. Все трое имеют долю в храме в Миласе, и каждый из них происходит от одного из трех братьев - Кара, Лидуса или Mysus - соответствующих эпонимов Кари, Лидии и Мисии.

Все это написано не для того, чтобы сделать какие-либо выводы, а для того, чтобы проиллюстрировать трудности темы. Теперь необходимо добавить новый ряд фактов - точнее, два новых факта.

- 1. В классике есть специальные утверждения, что фригийский, армянский и фракийский языки были одним и тем же.
- 2. Один из трех языков надписей на наконечниках стрел до сих пор не идентифицирован ни с одним из существующих языков.

Читатель располагает достаточным количеством сложностей. Их легко можно увеличить.

Вместо того, чтобы углубляться в них, я предлагаю следующую доктрину:.

- 1. Несмотря на некоторые противоречивые утверждения, население Мисии, Лидии, Кари и части Ликии было тесно связано между собой.
- 2. Что на языке, родственном армянскому, говорили вплоть до восточной Фригии.
- 3. 3. Что какое-то третье население, либо подчиненное Персии, либо находившееся в союзе с ней, говорило на языке ликийских надписей, который г-н Форбс и другие правильно отличают от древнего ликийского языка милийцев - последний мог быть семитским.
- 4. Что третий язык надписей со стрелами, если предположить, что его местонахождением была Медия, мог окаймлять северо-восточную границу.
- 5. 5. Помимо греческого, на северо-западной и юго-западной частях, соответственно, говорили на двух интрузивных языках, а именно
 - а. Фракийский на противоположном берегу Босфора.
 - б. Лелегийский язык островов.

Первая из них, возможно, была сарматской, а вторая, возможно, имела такое же отношение к карийцам, как малайцы Суматры к оранг-бинуа Малайского полуострова.

Можно добавить, что сходство названия *Фехес, горы*, с которой 10 000 греков увидели море, с тюркским *Тагх*, , указывает на вероятность того, что тюркские вторжения существовали уже во времена Артаксеркса.

Наконец, окончание *-der* , в *Scaman-der* (двухязычное название) и *Mæan-der*, указывает на персидское вторжение столь же раннего времени.

Из глосс, собранных Яблонским, ни одна не иллюстрирует ни один современный язык, за исключением следующих:-.

Английский топор.

Лидийский *labr-ys*.

армянский *дабар*.

Персидский *тавар*.

Курд *тепер*.

Английский огонь.

Фригийский *пир*.

Армянский *пур*.

Афганский *вур, ор*.

курд *ûr*.

Греческий, и т. д. *πῦρ, огонь и т. д.*

англ. собака.

Фригийское *кын*.

Армянский *шун*.

Санскрит *шун*.

Леттиш *солнца*.

Английский хлеб.

Фригийский *бекос*.

Армянский *хаз*.

Акуш *каз*.

Английский вода.

Фригийский *hydôr*.

Армянский *тшур*.

Греческий, &c. *ὑδωρ, вода и т. д.*

Невозможно отрицать, что эти родственные связи скорее индоевропейские, чем какие-либо другие, и что они также армянские - возражение против нескольких взглядов, изложенных на предыдущих страницах, которые я не хочу скрывать. Однако все вопросы такого рода

представляют собой баланс противоречивых трудностей. В качестве примера можно привести следующую таблицу, в которой армянские родственники представлены тюрками, диоскурами и сибиряками.

Английский	человек
Скиф	ойор.
Уйгур	эр.
Касан	ур.
Баскир	ур.
Ногай	ур.
Тобольск	ур.
Енесеян	ури.
Телеут	эри.
Касач	эрин.
Казикумук	иори.
Армянский	воздух.

Водораздел Оксуса и Инда. Мы находимся в северо-восточном углу Персии. Гора Пушта-Хур, как и многие другие холмы меньшей величины, содержит истоки двух рек, различных по своему направлению - Оксуса, впадающего в Аральское море, и правого рукава Кунера, питающего реку Кабул, которая сама является членом великой водной системы Инда. Его юго-западное продолжение дает нам соответствующий водораздел. Это удобная точка для изучения сложного, но интересного класса горцев, которых удобно называть *паропамизанами* от древнего названия Инду-куш. Их северные пределы - это рассматриваемые высоты. На юге они достигают афганской границы в Кохистане Кабула. На востоке они соприкасаются с Индией. Нет лучшего способа подробно изучить их, чем следовать по водным потокам и запоминать водоразделы рек.

I. Оксус. В самом верховье Оксуса, в контакте с киргизскими турками Памера, находится небольшое население Вохана, говорящее на языке, который не является ни тюркским, ни персидским - , по крайней мере, не совсем персидским; и, рядом с Воханом, Шугнан, где диалект (возможно, и язык), кажется, меняется. Рошан, следующий (вдоль Оксуса) за Шугнаном, кажется, относится к той же категории. Дурваз, однако, является просто таджикским. Все они независимы и все магометанские.

II. Инд.-1. Инд.- Река Гилгит[42] питает Инд - два других притока, которые присоединяются к нему с востока, называются Хунз и Буршала, Нил, или Нагар. Население каждой из этих рек занимается сельским хозяйством и, соответственно, называется *Дунгар* - индусский, но не туземный термин. Их раджа независим; их религия - очень безразличное магометанство. На реке Гилгит и в местах ниже ее слияния с реками Хунз и Нагар диалект (возможно, и язык) меняется, и люди известны как *Дардох* (или Дарды) и Чиласс-Дардох - Дарадаэ греческих и Дарадас санскритских писателей. Это тоже несовершенные магометане. Дарды и дангеры доходят до Малого Тибета (Бултистана) и границ Кашмирии.

2. Джелум. Это река знаменитой долины Кашмира, население которой (с некоторым сомнением) я считаю паропамизанским.

3. *Река Кабул*. -1. *Кунер*. - Восточный водораздел Верхнего Кунера является общим с рекой Гилгит. Население близко к Дардоху и Дунгхеру; его территория - Верхний и Нижний Читрал, язык - читрали, религия - шиитское магометанство.

К югу от Читрала, на *среднем* Кунере, вероисповедание меняется, и мы имеем самых известных из паропамизан, *кафров* Кафферистана, доходящих на запад и север до Кундуза и Бадукшана - кафров, или неверных, которых так называют их соседи-магометане, потому что они все еще сохраняют свое примитивное язычество.

Теперь, когда мы приближаемся к самой реке Кабул, направление которой с запада на восток почти под прямым углом к Кунеру, характеристики населения Дардо, Читрали и КафFRE уменьшаются - другими словами, территория становится неравномерной, а сами народы либо частично изолированными, либо смешанными. Таким образом, вдоль подножия гор к северу от реки Кабул и к западу от Кунера располагается страна Лугмани, язык которой ни в коем случае не идентичен кафирскому, а кафирское язычество сведено к несовершенному *магометанскому* - *нимчу-мусульман*, или *полумусульман*, - так называют носителей языка Лугмани в долине Ниджроу и прилегающих к ней районах.

Словари Дер, Тирхье и Пашай Лича представляют собой паропамизанские формы речи, на которых говорят небольшие и более или менее разрозненные группы населения.

Долина Лундье, почти наверняка, в течение недавнего периода была паропамизанской. Так, Элфинстоун пишет о ее главных обитателях: "Свати, которых также называют деггаунами, по-видимому, индийского происхождения. Раньше они владели царством, простиравшимся от западного рукава реки Гайдаспес до окрестностей Джеллабахада. Постепенно афганские племена ограничили их пределы, а Сваут и Бунер, их последние резиденции, были уменьшены эусофзийцами в конце пятнадцатого века. Они все еще очень многочисленны в этих странах". Под *индейцами*, как я полагаю, *подразумевается* население, сходное с кашмирским, - не говорю уже о том, что *подразумевается*. Другая выдержка переносит нас еще дальше: "Шулмауни раньше обитали в Шулмауне, на берегу Коррума. Затем они переселились в Тиру, а в конце пятнадцатого века оказались в Хустнуггере, откуда их изгнали эусофцы. Старые афганские писатели причисляют их к деггаунам, но, по-видимому, они использовали это слово в свободном смысле. В стране эусофзи до сих пор живет несколько шулмауни, у которых сохранились остатки своеобразного языка".

Таким образом, паропамисанцев можно смело считать населением отступающей границы, поскольку вторжение на их территорию было афганским. На этом азиатские популяции заканчиваются.

Если мы оглянемся на пройденный путь, то обнаружим, что доказательства того, что человеческая семья зародилась в одном конкретном месте и распространилась оттуда до самых пределов земли, отнюдь не являются абсолютными и убедительными. Еще меньше уверенности в том, что это конкретное место было установлено. Настоящий автор *полагает*, что оно находилось где-то во внутритропической Азии, и что это было *единственное место обитания одной пары*, не претендуя, однако, на то, чтобы доказать это. Даже этот центр

является лишь *гипотетическим* - правда, *недалеко от* точки, которую он рассматривает как место начала человеческой миграции, но ни в коем случае не совпадает с ней. Басков и албанцев он не считает аффилированными, но по этой причине не изолирует их полностью. У них слишком много *разнородных* сходств, чтобы позволить им стоять совершенно отдельно.

В физическом строении хоттентоты представляют собой *максимум* особенностей. Однако речь последнего просто африканская; в то время как по форме и цвету кожи баски и албанцы являются европейцами. Муха - это муха, даже если мы задаемся вопросом, как она попала в янтарь; а люди принадлежат к человечеству, даже если их происхождение остается загадкой. Это создает нам целый ряд трудностей, и именно с учетом этого и подобных феноменов должны решаться высшие проблемы этнологии. Ничто, кроме ясного и всеобъемлющего представления о том, в какой степени различия в одном отделе компенсируются сходством в другом, не даст нам даже философской гипотезы; все *частичные* аргументы из частичных точек разногласий столь же ненаучны, как и подобная переоценка сходства.

Что касается подробного изложения главных трудностей, то писатель считает, что он, неохотно и с большим почтением, отличается от лучших авторитетов, делая так мало для перехода от Америки к Азии и так много для перехода от Европы к Азии. Убежденность в том, что семитские языки являются просто африканскими и что все теории, предлагаемые термином "*индоевропейский*", должны быть либо отброшены, либо изменены, является главным элементом его аргументации по этому вопросу - аргументации, слишком сложной для такой небольшой работы, как эта. Он также считает, что языки Кафферистана, страны Дардо и северо-восточного Афганистана являются переходными к моносиллабическим языкам и языкам Персии - другими словами, что современный персидский гораздо более моносиллабичен, чем принято считать. Однако даже это оставляет желать лучшего. Насколько самый *западный* язык этого класса может быть связан с европейскими, и насколько самый *юго-западный* имеет семитское родство - это вопросы, которые еще предстоит изучить, вопросы, сопряженные с трудностями. Однако в качестве скелета системы он считает настоящую работу верной в той мере, в какой она соответствует действительности, и в то же время удобной для исследователя. То, что во всех существующих классификациях есть много такого, что требует раскрытия, несомненно. Если кому-то это покажется самонадеянным заявлением, пусть подумает о новом и неурегулированном состоянии науки, а также о малом количестве работников по сравнению с масштабами области.

КОНЕЦ.

ФУТБОЛЬНЫЕ ССЫЛКИ

[27] С момента написания этой главы до меня дошли вести о преждевременной смерти самого влиятельного сторонника двойной доктрины (а) *единства американских семей между собой* и (б) *отличия американской расы от всех остальных* - доктора Мортон из Филадельфии. Излишне говорить, что вторая из этих позиций, по мнению настоящего писателя, столь же исключительна, сколь верна первая. Иначе и быть не может до тех пор, пока *восточная* сторона Скалистых гор будет изучаться исключительно американской и английской школой. Я почти не опасаюсь, что русские впадут в эту ошибку". Этим замечанием начинаются и заканчиваются возражения против очень ценных трудов д-ра Мортон. Его "*Crania Americana*", безусловно, является самой ценной книгой такого рода. Его *Crania Aegyptiaca* и другие незначительные работы, особенно его исследования по *гибридизму*, являются определенным дополнением к этнологической науке. Импульс,

который он лично придал активному изучению человеческого вида, столь почетно характеризующему его соотечественников, - это больше, чем может точно оценить англичанин. Возможно, он уступает только тому, что дал Галлатин: возможно, он едва ли второй.

[28] Например, мистер Норрис из Азиатского общества приводит доводы в пользу связи австралийских языков с языками дехкан.

[29] Взято, кроме того, из таблиц мистера Брауна в журнале Азиатского общества Бенгалии.

[31] Рассматривая Бурампутер и Ганг как отдельные реки.

[32] Удобно объединить их в один класс и назвать *гиперборейцами*.

[33] Большое семейство, наиболее известными представителями которого являются *Мантшу*.

[34] Не обязательно с *большим количеством* слогов, но с *более чем одним* - *гипермоносложно*.

[35] Обратите *внимание* - не с острова Цейлон.

[36] Из Ориссы.

[37] Кашмириан из Кашмира находится в таком же затруднительном положении. Нельзя с уверенностью сказать, что он индусский, а не персидский, или паропамисанский - термин, который скоро найдет свое объяснение.

[38] Из города *Диоскуров*, в котором, по словам Плиния, дела велись через 130 переводчиков - так многочисленны были языки и диалекты.

[39] Фазис, Тшорок и т. д.

[40] Кур и арас.

[41] *Ирон* и *Мизеджи*.

[42] Из книги Муркрофта "Путешествия по гималайским провинциям" и книги Винье "Кашмир".

НАПЕЧАТАНО РИЧАРДОМ ТЕЙЛОРОМ,
КРАСНЫЙ ЛЬВИНЫЙ ДВОР, ФЛОТ-СТРИТ.

Лондон, январь 1863 года.

Примечания транскриптора

Обложка была создана транскриптором и является общественным достоянием.

Номера некоторых страниц не указаны из-за удаления пустых страниц.

Исправлены пунктуационные ошибки.

Несоответствующий дефис сохранен.

Орфография тем глав в "Содержании" приведена в соответствие с орфографией основного текста,

- на [странице v](#) в двух случаях "история" заменена на "история" (Физическая история человека; Физическая история), а в двух случаях "экстракт" заменен на "экстракт" (Экстракт из Нокса; Экстракт); и
- на [странице vi](#) слово "area" было заменено на "areas" (размер территории), а слово "Area" было заменено на "area" (монослово Area).

На [странице 18](#) слово "te ipsum" было заменено на "teipsum".

На [странице 38](#) слово "Lawrence" было заменено на "Lawrance".

На [странице 49](#) слово "Troglydtes" было заменено на "Trolodytes".

На [странице 95](#) слово "Mediterranean" было заменено на "Mediterannean".

На [странице 97](#) слово "Kaffre" было заменено на "Caffre".

На [странице 101](#) слово "Papuás" было заменено на "Papuá".

На [странице 107](#) слово "архитектурный" было заменено на "архитектурный".

На [странице 158](#) слово "гипотеза" было заменено на "гипотезы".

На [стр. 216](#) слово "Норрис" было заменено на "Норрисс".

На [стр. 220](#) слово "буддист" было заменено на "бхуддист".

На [стр. 237](#) "его матери" было заменено на "матери".

На [стр. 241](#) слово "Mysus" было заменено на "Myrus".

На [странице 243](#) перед словом "-der" был поставлен пробел.

В [сноске \[19\]](#) "pp." заменено на "p.".

В Каталоге г-на Ван Вурста,

- на [странице 6](#) слово "Vols." было заменено на "Vol.". (тома с I. по VII.).
- На [странице 8](#) "DESERTAS" было заменено на "DEZERTAS".
- на [странице 15](#) "Parts" было заменено на "Part" (Части с 1 по 10).

Ниже приводится разделенный на части вариант таблицы г-на Уилсона на [странице 64](#) для более узких экранов.

ЧАСТЬ 1 - ключ

A: Продольный диаметр. B: теменной диаметр. C: Фронтальный диаметр. D: Вертикальный диаметр. E: Межмастоидальная дуга. F: Межчелюстная дуга от верхнего корня скулового отростка.

A	B	C	D	E	F
---	---	---	---	---	---

	A	B	C	D	E	F
Очень старый.						
1.	7-0	5-4½?	4-9?	4-10	13-11	11-5
2.	7-0	4-8	4-4	5-3	13-2	11-0
3.	6-11	5-3	3-11	5-0	...	12-0
4.	7-0	4-11	4-4	5-3	13-8	11-4½
5.	6-6	4-1?	4-11	4-2?	13-2	11-3
6.	7-3	5-4	4-6	5-2	14-3	11-9
7.	7-5	5-2	4-5	5-2	14-3	12-0
8.	7-9	5-6	4-9	...	...	12-3
9.	7-3	5-8	4-3½	4-9	14-0	11-9

Умеренно старый.

17.	7-9	5-0	4-10	5-6	14-9	11-11
18.	7-6	5-1	4-6	5-1	14-8	11-3
19.	7-3	5-3	4-5	5-4½	14-5	12-4
20.	7-5	5-6½	5-0½	5-6	14-11½	12-3
21.	7-3	5-6½	4-4	5-6	14-8	12-0
22.	7-2	5-7	4-5	5-6	14-9	11-10
23.	7-3½	5-7	4-6	5-2	15-0?	12-4?
24.	7-2	5-5	4-6	...	...	...
25.	7-8	5-6	4-3½	5-3	14-4	11-8
26.	7-9	5-7	5-3	5-6	15-7	13-3
27.	7-11	5-5	4-9	...	...	12-0

ЧАСТЬ 2 - Ключ

G: Межжелюстные линии. H: От верхнего корня скулового отростка. I: Затылочно-лобная дуга. J: Дитто от затылочного бугра до корня носа. K: Горизонтальная периферия. L: Относительная емкость.

	G	H	I	J	K	L
Очень старый.						
1.	3-6½	4-8½	13-9	12-0	20-4	32-2
2.	4-1	4-10	14-0	11-11	19-6	31-9
3.	...	4-8½	14-4	11-4	19-0	30-11
4.	4-1	4-10	13-10	11-3	16-7½	28-10½
5.	...	4-8?	13-11	12-0	19-0	29-6
6.	4-4	5-0½	14-8	12-3	20-8½	33-1½
7.	3-7	4-10½	14-3	12-3	20-7½	33-2½
8.	...	5-6	15-6	...	21-3	...
9.	3-8½	5-0	14-2	11-9	20-7	32-7

Умеренно старый.

	G	H	I	J	K	L
17.	4-0	5-4	15-5	13-6	21-3	34-6
18.	3-11	5-3	14-6	12-11	20-4	32-11½
19.	3-11½	4-9	14-9	12-9	20-10	33-5½
20.	4-0	...	14-9	12-6	20-10	33-9
21.	4-1	5-3	14-5	12-10	20-2	32-11
22.	4-3	5-6	14-4	12-6	20-0	32-8
23.	...	...	14-8	12-6½	19-10½	32-4
24.	...	...	...	12-10	20-7	...
25.	4-7	5-6	14-6	12-7	20-11	33-10
26.	4-0½	5-4	16-4	14-4	21-11	35-2
27.	...	5-1	15-5	13-9	21-6	...

[\[Вернуться на страницу 64\]](#)